

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://chukovskiynikolai.ru/> приятного чтения!

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский

1. РОССИЯ ВЫХОДИТ В ОКЕАНЫ НЕОБЫКНОВЕННЫЙ МОРЯК

Два знаменитых русских мореплавателя, Иван Крузенштерн и Юрий Лисянский, подружились давно, еще в морском кадетском корпусе.

В царствование Екатерины II морской кадетский корпус, где учились мальчишки, из которых готовили военных моряков, находился в Кронштадте. Крузенштерн был старше Лисянского почти на три года, но эта разница в возрасте нисколько не мешала им дружить. Их объединяла одна общая мечта: они оба мечтали совершить кругосветное путешествие.

Жадно слушали они предания о славных походах отважных русских моряков – Семена Дежнева, Беринга, Чирикова, братьев Харитона и Дмитрия Лаптевых. В те времена русский флот был уже могущественным флотом, а русские моряки – опытными моряками. Немало замечательных открытий совершили они в Ледовитом океане, в Охотском море, в северной части Тихого океана. На протяжении XVIII века русский военный флот выиграл много сражений и в Балтийском море, и в Черном, и в Средиземном, но всё это были воды Северного полушария, сравнительно близкие. Еще ни один русский корабль ни разу не пересек экватор, не совершил плавания вокруг земного шара.

Там, в тропических и южных морях, в далеких океанских просторах, плавали корабли Англии, Голландии, Франции, Испании, Португалии, но не России. Англичане, французы, голландцы, испанцы, плавая по этим южным морям, покоряли далекие земли, грабили их, обращали жителей в рабство и торговали рабами. Из-за этих земель они постоянно ссорились между собой и старательно оберегали их от иностранцев.

В морском корпусе ходили неясные слухи, будто императрица Екатерина собирается отправить русский корабль в кругосветное плавание. На чем основаны эти слухи и достоверны ли они, никто не знал. Однако многие утверждали, что главой этой экспедиции будет назначен отважный морской офицер Григорий Иванович Муловский, один из опытейших моряков русского флота. И Крузенштерн с Лисянским мечтали познакомиться с Муловским и упросить его взять их с собой.

Крузенштерну скоро удалось познакомиться с Муловским, но при таких обстоятельствах, когда ни о каком кругосветном плавании нечего было и думать.

Шведский король Густав III в 1788 году объявил войну России и весь свой могучий флот направил к русским берегам. Шведы надеялись, разгромив русский флот, вернуть себе все те земли на побережье Балтийского моря, которые отнял у них Петр I.

Русское правительство стало спешно готовить эскадру для отражения нападения шведского флота. Выяснилось, что на русских военных кораблях не хватает офицеров. И пришлось ряд воспитанников морского кадетского корпуса досрочно произвести в мичманы.

Четырнадцатилетний мичман Юрий Лисянский попал на фрегат «Подражислав», – а семнадцатилетний мичман Иван Крузенштерн – на линейный корабль «Мстислав», которым командовал Григорий Иванович Муловский.

Но главе русской эскадры стоял адмирал Грейг, опытный, заслуженный моряк, отличившийся еще в Чесменском бою, когда был сожжен турецкий флот. Обе эскадры – и русская и шведская – встретились 6 июля 1788 года в финском заливе, в пятидесяти километрах к западу от высокого скалистого острова Готланд.

Силы были равные. Погода стояла жаркая, почти безветренная, и это очень затрудняло движение кораблей. Эскадры построились двумя линиями – одна против другой. Грянули пушки, и началось ожесточеннейшее сражение, вошедшее в историю под именем Готландского боя.

Много часов длился этот бой, и, несмотря на равные силы, победа досталась русским. Один из крупнейших шведских кораблей, «Принц Густав», сдался в плен, а остальные корабли шведской эскадры, едва стемнело, обратились в бегство. Но и русским недешево досталась эта славная победа. Они потеряли в Гогландском бою более трехсот человек убитыми и более шестисот ранеными. И одним из самых пострадавших кораблей был «Мстислав», на котором служил мичман Крузенштерн.

Адмирал Грейг в своем донесении особо отметил мужество команды «Мстислава». Искалеченный ядрами шведских пушек, еле управляемый, «Мстислав» до конца не вышел из боя. Палубы его были залиты кровью, вода сквозь пробоины хлынула в трюмы, и все же он шел за адмиральским кораблем и принял участие в преследовании шведской эскадры, попытавшейся скрыться. Потом повсюду долго повторяли слова, сказанные командиром «Мстислава» Муловским:

«Пока мой корабль держится на воде, он не отстанет от своего адмирала».

На «Мстиславе» были убиты и ранены почти все офицеры, и самый младший из офицеров, мичман Крузенштерн, сделался помощником командира корабля. Спасаясь от преследования, шведская эскадра укрылась в морскую крепость Свеаборг. Адмирал Грейг решил запереть ее в Свеаборге, не дать ей оттуда выйти. Свеаборг оказался для шведов ловушкой. Русский флот до поздней осени сторожил их там, не выпуская ни одного корабля.

Но время этой долгой осады, когда «Мстислав» без конца, днем и ночью, бороздил водную ширь под Свеаборгом, Крузенштерн сблизился со своим командиром. И больше всего сблизила их все та же мечта – совершить кругосветное плавание.

Однажды Крузенштерн спросил у Муловского:

– Говорят, Григорий Иванович, вам обещано было, что вы поведете русский корабль вокруг света. Правда ли это?

– Правда, – ответил Муловский. – Не очень твердо обещали, но разговоры такие были. Быть может, если бы не помешала война, я бы уже готовился к отплытию.

– А после войны поплывете?

– Буду добиваться. Разрешат – поплыву.

– А меня с собой возьмете? Муловский улыбнулся.

– Вас первого назначу к себе на корабль, – сказал он.

Гогландский бой, в сущности, решил судьбы войны. Шведам стало ясно, что победить Россию и отнять у нее прибалтийские земли – задача для них непосильная. И все же война продолжалась еще целых два года. «Мстиславу» пришлось участвовать еще во многих стычках и сражениях. И в одном из этих сражений, в конце 1789 года, был убит славный командир «Мстислава» Григорий Муловский.

Крузенштерн чувствовал себя осиротевшим. Он потерял друга и руководителя.

3 августа 1790 года был наконец подписан мир. К этому времени у девятнадцатилетнего Крузенштерна была уже слава опытного, заслуженного моряка. Корабли вернулись на Кронштадтский рейд. Здесь, в Кронштадте, Крузенштерн снова встретился со своим другом Юрием Лисянским, тоже побывавшим во многих сражениях, выросшим и возмужавшим.

– Не слышал ли ты, – спросил он его, – не собираются ли послать корабль в кругосветное плавание?

– Нет, не слышал, – ответил Лисянский.

Со смертью Муловского русское правительство окончательно отказалось от этого плана. Крузенштерну предстояло до конца своих дней мирно и однообразно служить в Кронштадте.

А Крузенштерн был неукротимо любознателен. Никогда не чувствовал он себя

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru удовлетворенным тем, что знал и видел, постоянно ему хотелось знать и видеть еще и еще. Он мечтал поведать весь мир, а судьба складывалась так, что ему не удавалось выйти за пределы Балтийского моря. Он любил свою родину, он любил славу русского флота и мечтал умножить ее отважными подвигами на далеких морях. Он любил свое искусство моряка и хотел совершенствоваться в нем. Но, чтобы совершенствоваться, нужно плавать, а все то, чему можно было научиться на Кронштадтском рейде, он уже знал.

Но вот в 1793 году русское правительство решило отправить несколько наиболее способных молодых моряков в Англию для усовершенствования в мореходном деле. Услышав об этом, Крузенштерн подал просьбу, чтобы и его отправили вместе с ними, и получил согласие. Так попал он в Англию, в большой портовый город Гуль.

С этого дня начались его необычайные приключения.

Отправляясь в Англию, он затаил одну мечту. Он решил побывать в Индии, которая в те времена была английской колонией.

Однако скоро он убедился в том, что именно в Индию попасть труднее всего. Из всех своих заморских владений Англия больше всего дорожила Индией и старательно следила, чтобы туда не проник ни один иностранец.

Приезду молодых русских офицеров английское правительство было радо. Англия вела войну с Францией, и боевые действия происходили главным образом на морях. Русские ехали в Англию, чтобы поучиться у англичан, а англичане были счастливы, что им удастся поучиться у русских. Англичане отлично знали, что у всех этих молодых русских офицеров за плечами огромный опыт победоносной морской войны со Швецией.

Крузенштерна приняли мичманом на английский фрегат. И фрегат этот отправился вовсе не в Индию, а в Канаду: оберегать английские владения на реке Святого Лаврентия от французов и их союзников – американцев.

У берегов Канады Крузенштерн провел почти два года, участвовал во многих сражениях и был произведен в лейтенанты. Война кончилась, и фрегат получил приказание плыть назад, в Англию. Но у берегов Соединенных Штатов он налетел на скалу и разбился.

Крузенштерна спасли американские рыбаки. Так оказался он в Соединенных Штатах Америки.

Соединенные Штаты были тогда совсем еще молодой страной. Всего несколько лет назад стали они самостоятельным государством – после долгой и трудной войны за независимость. Американцы ненавидели англичан, от владычества которых только что избавились. Но, узнав, что Крузенштерн не англичанин, они отнеслись к нему хорошо.

Долго странствовал он по стране, из города в город, и наконец попал в Филадельфию, тогдашнюю столицу Соединенных Штатов. И Джордж Вашингтон, первый американский президент, пригласил его к себе и беседовал с ним. Дело в том, что военный флот Соединенных Штатов в то время был мал и слаб. Соединенные Штаты для развития своего флота прежде всего нуждались в опытных моряках, но своих моряков было у них мало, а англичанам они не доверяли. Крузенштерн не был англичанином и имел большой морской и боевой опыт участника двух войн – России со Швецией и Англии с Францией. Вашингтон знал об этом и предложил ему поступить на службу в американский флот.

Крузенштерн находился в положении безвыходном: у него не было ни денег, ни возможности уехать, и ему ничего не оставалось, как согласиться. Он поставил только одно условие: пусть его назначат на такой корабль, который направляется в какое-нибудь дальнее плавание.

Американские корабли в те времена не часто совершали дальние плавания, но как раз один из них собирался идти из Бостона в Караибское море, к Антильским островам. Это было не особенно далеко, но давало возможность побывать в тропиках, где Крузенштерн не бывал никогда. Обласканный президентом, Крузенштерн поехал в Бостон и поступил на корабль.

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru
Крузенштерн побывал на острове Барбадос, в Карибском море, повидел тропические леса, негров-невольников, под бичами надсмотрщиков обрабатывавших плантации сахарного тростника, и вернулся в Бостон. Служба в американском флоте ему не понравилась. Учиться ему здесь было нечему, да и в Индию на американском корабле не попадешь.

В Индию можно было попасть только из Англии. В Бостоне как раз стоял английский военный корабль, который собирался вернуться в Англию. И капитан этого корабля согласился взять с собой Крузенштерна.

К тому времени война между Англией и Францией возобновилась. И едва они вышли из Бостона, как на них напали два французских военных корабля. Начался бой, потом артиллерийская перестрелка, которая продолжалась полтора месяца, пока все три корабля, сражаясь, не перешли через весь Атлантический океан и не добрались до английских берегов.

Корабль, на котором находился Крузенштерн, вошел в гавань полуразрушенным – в него во время пути попало шестнадцать ядер.

В Англии Крузенштерну советовали вернуться в Россию – английское правительство больше в нем не нуждалось. Но Крузенштерн не торопился возвращаться – он еще не побывал в Индии.

Из Англии в Индию уходило много судов, но ни одно из них не соглашалось взять Крузенштерна. Англичане считали, что русскому моряку в Индии делать нечего. Тогда Крузенштерн придумал хитрый план: поехать сначала в Южную Африку, на мыс Доброй Надежды, в те времена все корабли, отправлявшиеся из Европы в Индию, огибали Африку, и мыс Доброй Надежды находился как раз на половине пути. Расчет Крузенштерна строился на том, что многие корабли, идущие к Индии, вынуждены у мыса Доброй Надежды пополнять свою команду, потому что во время долгих плаваний моряки часто гибнут. А в Южной Африке моряков мало, и английские капитаны волей-неволей будут сговорчивее.

Крузенштерн нанялся в Англии на торговый корабль, идущий в Южную Африку. Возле мыса Доброй Надежды был расположен город Капштадт, в те времена еще совсем небольшой. В Капштадте Крузенштерн сошел с корабля и стал ждать.

В гостинице он познакомился с двумя английскими офицерами, которые тоже мечтали попасть в Индию на каком-нибудь проходящем мимо судне. Через несколько дней на Капштадтском рейде появился английский фрегат «Птица». Он шел из Ливерпуля в Индию, но у африканских берегов половина его команды умерла от малярии. Капитан решил набрать в Капштадте новых моряков. Он с радостью согласился взять не только двух английских офицеров, но и их товарища Крузенштерна, несмотря на то что тот иностранец. Крузенштерн и оба английских офицера сейчас же отвезли на фрегат свои вещи и вернулись в город погулять, потому что «Птица» отходила только на следующий день.

Утром Крузенштерн встретил возле порта обоих англичан, собиравшихся в Индию вместе с ним, и они сказали ему:

– Отказывайтесь! Это гроб, а не корабль. Мы узнали, что он едва держится на воде. Мы уже и вещи свои перевезли назад, на берег.

Крузенштерн выслушал их и поехал за своими вещами.

Капитан встретил его на фрегате и сказал:

– Я рад, что вы не оказались таким же трусом, как ваши товарищи, и решились ехать со мной.

После этих слов у Крузенштерна не хватило духу признаться капитану, что он тоже приехал за своими вещами. И он остался на фрегате.

И они совершенно благополучно доплыли до Калькутты, которая в те времена была столицей британских владений в Индии. Но, когда в калькутском доке осматривали фрегат, сбегался чуть ли не весь город. Оказалось, что в днище фрегата была пробоина. В пробое этой застрял, как пробка, обломок скалы и спас моряков от неминуемой гибели. Обломок держался в дыре едва-едва, малейший толчок мог выбить

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
его вон.

В Индии Крузенштерн прожил около двух месяцев. Его тянуло все дальше и дальше. Он поступил на корабль, который направлялся в Индо-Китай. В Индо-Китае он заболел тропической лихорадкой, провалялся несколько недель на полу в малайском госпитале и еле выжил. Когда он поправился, ему посоветовали как можно скорее покинуть страну с таким вредным климатом и вернуться в Европу. Но до Европы было далеко, а до Китая близко. Не мог же он пропустить такой случай и не побывать в Китае.

Китайское правительство не пускало европейские корабли в китайские порты. Разбойничьи нравы западноевропейских держав хорошо были известны китайцам хотя бы по хозяйничанью англичан в Индии и голландцев в Индонезии. Но португальцам еще в XVI веке удалось завладеть в Южном Китае портом Макао, возле Кантона. Макао был центром всей европейской торговли с Китаем. И Крузенштерн отправился в Макао.

В Макао он прожил целых полгода, изучая китайские нравы, присматриваясь к торговле. С каждым днем его все больше тянуло на родину. Он чувствовал, что пора возвращаться.

Из Макао шел в Англию корабль. У Крузенштерна была уже слава первоклассного моряка, и капитан охотно взял его к себе в помощники. Крузенштерн прибыл в Англию, а из Англии – в Россию. Выла уже осень 1799 года.

Слава Крузенштерна, опередив его, достигла Кронштадта, Петербурга. Молодые русские моряки с восхищением смотрели на вернувшегося путешественника. Приключения его были так удивительны, что многие

отказывались им верить. Шутка ли – одинокий молодой человек без всякой помощи со стороны правительства, без денег, из одной только любознательности, объездил Америку, Африку, Индию, Китай и благополучно вернулся на родину.

– Уж не тот ли это Ивам Крузенштерн, который в Гогландской битве был на «Мстиславе» у Муловского? – спрашивали моряки постарше.

– Тот самый.

– А что он теперь собирается делать?

– Он обратился к правительству с просьбой отправить его на русском корабле в кругосветное плавание..

Слыша об этом, все с сомнением качали головой.

Пока Крузенштерн странствовал, императрица Екатерина II умерла и русским императором стал ее сын Павел, угрюмый и жестокий деспот. Все знали, что он не любил никаких просьб и проектов. А к поданной в правительство просьбе Крузенштерна был приложен подробный проект организации и подготовки кругосветного путешествия. Вельможи Павла не осмелились решать сами и отнесли просьбу и проект к императору. Павел прочитал и воскликнул:

– Что за чушь!

РУССКАЯ АМЕРИКА

Однако в Петербурге нашлись люди, которым проект Крузенштерна вовсе не показался чушью.

Это были купцы из так называемой Российско-Американской компании, основанной для торговли с русскими владениями в Северной Америке.

В те времена Россия владела на тихоокеанском побережье Северной Америки обширными землями. Эти владения включали в себя полуостров Аляску и прилегающие

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru к нему многочисленны острова. На эти земли Россия имела бесспорные права, так как открыли их в 1741 году два русских мореплавателя – Беринг и Чириков. По следам Беринга и Чирикова туда двинулись отважные русские охотники за пушным зверем, которых тогда называли промышленниками. В той части Америки пушного зверя было видимо-невидимо, и вслед за промышленниками туда двинулись купцы. Они скупали у промышленников и индейцев меха и продавали им соль,

хлеб, порох. Многие из этих купцов разбогатели, особенно один купец, родом из города Рыльского, Григорий Иванович Шелехов.

Шелехов был человек умный, талантливый, подлинный русский патриот. Он не только торговал, но и заботился об укреплении власти России в этой далекой стране, об улучшении жизни русских поселенцев. Он составлял подробные карты, строил крепости, основывал школы. Императрица Екатерина прослышала о его деятельности и вызвала его в Петербург. В Петербурге Шелехов выдал свою дочь и наследницу замуж за одного из екатерининских вельмож. И сейчас же стал сколачивать с другими купцами компанию для расширения торговли с русскими владениями в Америке.

Это и была Российско-Американская компания. До начала ее деятельности Шелехов не дождался – он умер в 1795 году, а через несколько месяцев умерла и покровительствовавшая ему Екатерина. Вступивший на престол Павел, подозрительный, невежественный и не любивший все, чему покровительствовала его мать, долго не соглашался утвердить устав компании. Прошло несколько лет, прежде чем его удалось убедить, и Российско-Американская компания была официально разрешена только в 1799 году, незадолго до возвращения Крузенштерна.

Проект Крузенштерна, поданный им императору Павлу, сразу стал известен руководителям компании и взволновал их чрезвычайно. Да и как было не взволноваться, когда в проекте Крузенштерна были два утверждения, основанные на его собственном опыте, которые сулили компании огромное увеличение ее барышей. Во-первых, Крузенштерн утверждал, что провоз груза из Европы в Русскую Америку морем вокруг Африки или Америки обойдется во много раз дешевле, чем провоз того же груза сухим путем, через Сибирь, как возили до сих пор. Во-вторых, он утверждал, что за купленную в Америке пушнину в Китае заплатили бы гораздо дороже, чем в Европе. Это доказал капитан Лаперуз, который так дорого продал в Макао привезенные из Америки меха. Но особенно важно было первое его утверждение. Чтобы понять всю его важность, нужно знать, каков был в XVIII веке единственный известный путь в Русскую Америку.

Вот как ездили туда из Петербурга или из Москвы.

Весной садились в коляску и, меняя лошадей через каждые сто верст, неслись на восток. В июне переезжали через Волгу, в июле – через Уральские горы, в августе были на берегах Оби. Переправлялись через Обь, затем через Енисей и прибывали к первому снегу в Иркутск. Здесь ждали, пока установится настоящая зима, садились в сани и неслись по замерзшему руслу Лены до Якутска. В Якутск прибывали в январе и оставались там до весны, потому что путешествие по тайге зимой невозможно. Весной – распутица, половодье, ехать тоже нельзя. Дожидались июня и на оленях отправлялись в дальнейший путь по лесным тропинкам. К августу были в Охотске, на берегу Охотского моря.

Сухопутное путешествие кончалось, начиналось путешествие морское. В ужасе разглядывал путешественник крохотные суденышки, паруса, сшитые из лоскутков, канаты, связанные из обрывков. Путешественнику объясняли, что паруса, канаты, гвозди и якоря для этих кораблей привезены обозами в Охотск из Петербурга через Волгу, Урал, Обь, Енисей, Иркутск и Якутск. Чтобы уложить на возы такие крупные вещи, их в Петербурге разрывали и разламывали на части, а в Охотске сшивали,

связывали и сковывали вновь. Провоз одного пуда из Петербурга в Охотск стоил целое состояние.

Пускаться в море на этих судах корабельщики решались только в июле, когда стоит тихая погода, потому что даже средней силы ветер рвал лоскутные паруса на части.

В июле подымали паруса, переплывали Охотское море и в сентябре попадали на Камчатку. На Камчатке снова зимовали и только следующим летом отправлялись через Берингово море в Америку.

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru
Русский купец, потратив несколько лет своей жизни, приезжал в Америку, скупал там меха за бесценок. Потом, потратив еще несколько лет, возвращался с этими мехами в Петербург и продавал их в шестьсот раз дороже. Но, подсчитав свои прибыли и убытки, купец с ужасом убеждался, что дорога съела почти все его барыши.

Нетрудно себе представить, как волновались купцы Российско-Американской компании, когда познакомились с подсчетами Крузенштерна, доказывавшими, что проезд из Петербурга в Русскую Америку сухим путем, через Сибирь, гораздо труднее, длительнее и, главное, несравненно дороже, чем проезд морем мимо мыса Горн – южной оконечности Америки или мыса Доброй Надежды – южной оконечности Африки.

Сам Крузенштерн в действительности мало интересовался доходами Российско-Американской компании. Он был настоящим моряком и любил море, путешествие, славу России. Неугомонный, беспокойный, предприимчивый, он не в силах был долго сидеть на одном месте. Он понимал, что без помощи Российско-Американской компании ничего не добьется, и растравлял воображение купцов мечтами о несметных богатствах только для того, чтобы они поддержали его проект.

Но всем планам Крузенштерна был нанесен жестокий удар, когда Павел, прочитав проект, воскликнул: «Что за чушь!» Купцы отчаялись и махнули рукой – все их мечты рухнули.

Однако Крузенштерн не терял надежды. Он был не из тех, кто отчаивается. Он твердо верил в свою удачу. Служа на корабле, который и зиму и лето стоял в Ревельском порту, он посылал письмо за письмом в Адмиралтейство. В этих письмах он на все лады доказывал великую пользу, которую принесет русскому флоту исполнение его проекта: кругосветное плавание будет великолепной школой для русских матросов и морских офицеров.

«Они там, в Петербурге, еще передумают, – говорил он друзьям. – Я умею ждать и дождусь».

И, действительно, дождался.

В 1801 году император Павел был убит. В заговоре участвовал его сын Александр, который вступил на престол под именем императора Александра I. Российско-Американская компания сейчас же обратилась за помощью к новому императору.

Купцы на этот раз повели дело гораздо тоньше: они предложили важнейшим вельможам и самому Александру стать членами их компании и сулили им необыкновенные выгоды. И вельможи и Александр согласились.

Это была своего рода взятка, которая решила все. Не станет же император мешать делам компании, членом которой он сам состоит!

Проект утвердили. Казначейство выдало деньги на покупку двух кораблей. Иван Федорович Крузенштерн был произведен в чин капитан-лейтенанта и назначен начальником экспедиции. В выборе помощников ему предоставили полную свободу – он мог сам, никого не спрашивая, нанять команды для своих кораблей. И путь, которым пойдут его корабли вокруг света, предоставили выбрать ему самому.

«Не теряйте времени, – писали Крузенштерну из морского департамента. – Его императорское величество хочет, чтобы вы немедленно принимались за дело».

В ПУТЬ

Крузенштерну было тридцать два года, он недавно женился и вскоре должен был стать отцом. Тяжело было надолго расставаться с семьей. Жена плакала и не хотела его отпускать. Но отступить он не собирался – наконец-то мечта всей его жизни начала осуществляться!

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru

Прежде всего нужно было решить, кто будет командовать вторым кораблем. И Крузенштерн сразу вспомнил о своем старом друге – Юрии Федоровиче Лисянском.

Лисянский, так же как и Крузенштерн, был уже к этому времени капитан-лейтенантом. Так же как и Крузенштерн, он побывал за границей – правда, не столь долго и не столь далеко. Так же как и Крузенштерн, он считался одним из самых опытных и образованных молодых офицеров русского флота. Крузенштерн не был уверен, будет ли Лисянский доволен, если его старый товарищ станет его начальником.

Он пригласил Лисянского к себе и спросил его напрямик:

– Хочешь поехать под моим начальством вокруг света?

– Хочу, – ответил Лисянский не раздумывая.

– Хорошо, – сказал Крузенштерн. – Одним кораблем буду командовать я, а другим ты.

Они вдвоем принялись подбирать моряков для своих кораблей. Но тут возникли новые затруднения: некоторые адмиралы заявили, что русские моряки не годятся для такого трудного плавания.

– Надо нанять английских матросов, – советовали они. – У англичан есть опыт и привычка. С нашими матросами дальше Балтийского моря не поплывешь. Пусть флаги на кораблях будут русские, а матросы – англичане.

Но Крузенштерн не соглашался.

– Какой же пользы мы добьемся, если на наших кораблях поплывут англичане? – возражал он. – Я видывал в море и русских и англичан и знаю, что русский моряк справляется с бурями не хуже англичанина, а порою даже лучше.

В конце концов ему удалось настоять на своем. Команды обоих кораблей он набрал из русских моряков. Только троих иностранцев пригласил Крузенштерн с собой в путешествие. И все трое были ученые: замечательный швейцарский астроном Горнер и два немецких естествоиспытателя – Тилезиус и Лангсдорф. Крузенштерн написал им письма, и они с радостью согласились принять участие в экспедиции.

Тем временем правительство дало экспедиции еще одно поручение: отвезти в Японию русского посла.

Япония, расположенная так близко от русских владений на Дальнем Востоке, была в то время русским почти неизвестна. Японцы не пускали к себе европейцев.

Для одной только Голландии делали они исключение – голландские корабли имели право заходить в японский порт Нагасаки.

Россия тоже хотела добиться этого права для своих кораблей. Торговля с таинственной Японией сулила большие выгоды. Да и нужно было собрать сведения о таком близком и, по слухам, могущественном соседе. И русское правительство решило отправить на одном из кораблей Крузенштерна посла к японскому императору для переговоров об условиях будущей торговли.

Послом Александр I назначил камергера Николая Петровича Резанова.

Николай Петрович Резанов был тот самый вельможа, который женился на дочери купца Григория Шелехова, основателя Российско-Американской компании. После смерти Шелехова он, его наследник, оказался одним из крупнейших пайщиков компании и был чрезвычайно заинтересован в предстоящей экспедиции. Он очень обрадовался возможности поехать с Крузенштерном – ему хотелось самому присмотреть за торговыми операциями. Человек он был неглупый и понимал, что с пустыми руками ехать в Японию нельзя. По его настоянию Александр приказал приготовить подарки для японского императора.

Тут, кстати, вспомнили о том, что в России есть несколько японцев. К Алеутским островам, где жили русские звероловы, в 1793 году было принесено бурей

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru заблудившееся японское рыбацье суденышко. Оно разбилось о береговые скалы, но рыбаков русские спасли. С Алеутских островов этих японских рыбаков перевезли в Иркутск и там поселили. И вот теперь о них вспомнили.

– Нужно бы взять этих японцев с собой и отправить на родину, – говорил Резанов. – Этим мы докажем свое желание жить с Японией в дружбе, и японское правительство лучше нас встретит.

И в Иркутск помчались курьеры – за японцами.

Наконец оба корабля, предназначенные для экспедиции, прибыли на Кронштадтский рейд. Это были крупные парусные шлюпы – один в четыреста пятьдесят топи, другой в триста семьдесят. Предстояло дать им имена. Крузенштерн решил назвать большой корабль, командовать которым будет он сам, – «Надеждой».

«Всех моряков ведет в путь надежда», – говорил он.

А второй корабль, командовать которым поручили Лисянскому, назвали «Невой».

В Кронштадт начали прибывать моряки, будущие спутники Крузенштерна. Первым своим помощником на «Надежде» Крузенштерн назначил опытного моряка Макара Ивановича Ратманова. Лейтенантами были Федор Ромберг, Петр Головачев и Ермолай Левенштерн. Кроме того, на «Надежде» оказалось и два совсем молоденьких офицера: мичман Фаддей Беллингсгаузен и мичман Отто Коцебу. Никто тогда, конечно, не мог предвидеть, что именно этим двум самым младшим спутникам Крузенштерна предстояло в дальнейшем, много лет спустя, прославить свои имена и сделаться гордостью русского флота. Никто не подозревал, что придет время, когда Коцебу и Беллингсгаузен будут сами водить корабли вокруг света, а Беллингсгаузен к тому же откроет целый материк – тот Южный материк, который не удалось открыть Куку, – Антарктиду.

Лисянскому было разрешено самому выбрать себе помощников, и он взял на «Неву» двухлейтенантов – Павла Арбузова и Петра Нова-лишина.

Матросов Крузенштерн выбирал с особенной осторожностью. Первое его условие заключалось в том, чтобы матрос ехал добровольно. В те времена русские матросы были крепостные и посылались на корабли большей частью против своего желания. Крузенштерн знал, что такие матросы для трудного и долгого плавания не годятся. Он брал только желающих и даже назначил им жалованье, случай в России совсем небывалый, – сто двадцать рублей в год. Желающих оказалось очень много. Их всех осмотрел доктор Эспенберг, судовой врач «Надежды», и выбрал только самых здоровых.

Ученые Горнер, Тилезиус и Лангсдорф тоже приехали уже в Кронштадт. 10 июня 1803 года корабли начали торопливо грузить. Это было дело нелегкое и требовавшее немало времени: кроме запаса провизии на три года, нужно было еще взять с собой товары Российско-Американской компании и подарки для японского императора. Провизия состояла из нескольких тысяч бочек солонины и сухарей. Все остальное, необходимое для прокормления команды, Крузенштерн собирался покупать в разных портах по дороге. На Камчатку и на Аляску Российско-Американская компания отправляла с Крузенштерном шесть тысяч пудов железа, спирт, ружья, порох и много других вещей. Все это к 6 июля было погружено в трюмы. Корабли могли бы уже выйти в море, но не хватало подарков, японцев и посла.

Посол Резанов прибыл со свитой только 20 июля. Он привез с собой подарки – огромные драгоценные зеркала в золотых рамах. Зеркала эти нужно было поместить на «Надежде» с большой осторожностью, чтобы они не разбились и не испортились в пути.

Посла сопровождала свита. Состояла она, как написано было в постановлении коллегии иностранных дел, из «благовоспитанных молодых людей».

Вот их имена: майор Фредерици, надворный советник Фос, художник Степан Курляндцев, доктор медицины Бринкин и гвардии поручик граф Федор Иванович Толстой.

Все были очень озадачены, узнав, что молодого графа Федора Толстого причислили к «благовоспитанным людям». Он был, пожалуй, самым неблаговоспитанным молодым

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru человеком во всем Петербурге. Задира, скандалист, пьяница и картежник, граф Федор Толстой знаменит был тем, что очень часто дрался на дуэлях. Стоя под дулом пистолета, он проявлял необыкновенную храбрость. Он славился как отличный стрелок и стрелял в своих противников без всякого сожаления.

Кроме доктора Бринкина и художника Курляндцева, всем этим «благовоспитанным молодым людям» на корабле было нечего делать. Всех их вместе с сундуками и денщиками нужно было разместить по лучшим каютам.

Крузенштерну, конечно, совсем не нравилось иметь на корабле столько бесполезных пассажиров, но приходилось подчиняться. Он еще надеялся, что хоть японцы не приедут из Иркутска.

Однако через несколько суток курьеры, загнав по пути немало лошадей, примчали в Петербург пятерых японцев. Их перевезли в Кронштадт и поместили на «Надежде» в одной каюте.

Наконец все готово. Ждать уже больше нечего. На «Надежде» находилось шестьдесят пять человек, на «Неве» – пятьдесят четыре. Можно трогаться в путь.

Подул легкий ветерок с востока. Оба корабля медленно вышли в море.

Было это 7 августа 1803 года.

2. В ТИХИЙ ОКЕАН ВОКРУГ МЫСА ГОРН

На знакомом пути до Англии оба корабля встретила сильная буря. Это было как бы испытание, посланное в самом начале путешествия, – испытание, которое и корабли и люди вынесли с честью. Достигнув Англии, они зашли в маленький порт Фалмут. 6 октября оба корабля покинули Фалмут, вышли в Атлантический океан и направились к югу. Несмотря на то что надвигалась осень, с каждым днем становилось теплее.

19-го увидели огромную остроконечную гору, подымавшуюся, как казалось, прямо из вод океана. На вершине ее сверкали полосы снега. Не верилось, что там может быть снег, потому что моряков мучила жара и они давно уже работали в одних рубашках. Это был Тенерифский пик.

Вечером того же дня «Надежда» и «Нева» вошли в гавань городка Санта-Крус – столицу острова Тенериф и всех Канарских островов. Это был маленький сонный испанский городок с белыми домиками и плохо вымощенными узкими улицами, полный пьяных монахов, оборванных нищих, ослов, коз, свиней.

Вот что Крузенштерн записал в своем дневнике о Санта-Крус: «Всеобщая бедность народа и толпы тучных монахов, шатающихся ночью по улицам, возбуждают отвращение. Нищие обоего пола и всех возрастов, покрытые рубищами и носящие на себе знаки всех болезней, наполняют улицы вместе с монахами.

Инквизиция господствует здесь, как и во всех владениях испанских, и притом, по уверению многих, с великою строгостью для человека, свободно мыслящего.

Ужасно жить в таком месте, где злость инквизиции и неограниченное самовластие губернатора действуют в полной силе, располагающей жизнью и смертью каждого гражданина. Здешний гражданин не имеет ни малейшей свободы...»

Крузенштерн запасся в Санта-Крус пресной водой, свежим мясом, овощами, прекрасным тенерифским вином, дал погулять и отдохнуть своим морякам.

26 октября оба корабля опять вышли в море.

Ровно через месяц, 26 ноября, корабли перешли через экватор и вступили в Южное полушарие.

Это был первый случай за всю историю русского флота, когда русские корабли

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru пересекли экватор. Никогда прежде русским морякам не приходилось заплывать так далеко от родины.

Переход через экватор решили отпраздновать, как требует старинный морской обычай, издавна соблюдаемый на всех флотах мира. Одного веселого матроса, Павла Курганова, имевшего, по словам Крузенштерна, «отменные способности и дар слова», нарядили Нептуном – древним богом морей, прицепили ему длинную бороду из пакли и дали в руки большие трехзубые вилы. Нептун произносил грозные речи; его дразнили, он гонялся за всеми с ведром, обливал водой, махал трезубцем. Кончилось это все плясками под звездным тропическим небом.

18 декабря увидели берег Бразилии. В те времена Бразилия была португальской колонией. Крузенштерн повел свои корабли вдоль берега к югу и через два дня ввел их в гавань бразильского города Дестеро. Восемнадцать лет назад эту же гавань посетил Лаперуз.

«Надежда» одиннадцатью пушечными выстрелами приветствовала город, и городская крепость ответила ей салютом из одиннадцати выстрелов.

В Дестеро экспедиция задержалась на целых полтора месяца, потому что, едва корабли вошли в гавань и стали на якорь, выяснилось, что грот-мачта «Невы» слегка накренилась и треснула. Продолжать путешествие с такой мачтой было невозможно – ее нужно было заменить новой. А в окрестностях Дестеро совсем не было мачтового дерева. Крузенштерну удалось договориться с бразильскими купцами, которые подрядились доставить подходящую мачту издалека. А это, конечно, должно было занять много времени.

Крузенштерна поразили жалкий вид португальских солдат. «Солдаты, – записал он, – несмотря на то что из Бразилии посылают в Лиссабон ежегодно множество алмазов, уже многие годы сряду не получают жалованья».

В ожидании мачты Крузенштерн поселил большую часть своих моряков на берегу. Губернатор, встретивший русских очень приветливо, предоставил им свою загородную виллу, где они могли отдыхать в полном покое. Ученые занялись изучением природы, а остальные гуляли по окрестностям и отдыхали.

Новый год офицеры встретили в гостях у губернатора. Странно было встречать Новый год в такую жаркую, душную ночь. В Южном полушарии январь – самый жаркий месяц года.

В Бразилии множество попугаев и длиннохвостых обезьян. Попугай там такая же обычная птица, как у нас ворона или воробей. Крузенштерн для забавы купил полдюжины попугаев самых необычайных цветов, посадил их в большую клетку и отправил на свой корабль. А граф Федор Толстой достал обезьяну, приручил ее и с ней не расставался.

Окрестности Дестеро кишели бесчисленными ядовитыми змеями. «Я нередко удивлялся многим из наших спутников, – записал в своем дневнике Лисянский, – которые не подвергались никакому несчастному случаю, каждый день гоняясь за бабочками. Здесь их несметное множество, и наипрекраснейших в свете. Губернатор уверял меня, что посылаемые им курьеры в Рио-де-Жанейро во избежание укуса ядовитых змей, лежащих иногда поперек дороги целыми стадами, принуждены бегут скакать на лошадях верхом с возможной скоростью.. Из насекомых более всех забавляли нас огненные мухи... Взяв в руки трех из них, можно читать книгу ночью. Мне самому случилось однажды с помощью такой мухи отыскать в темноте платок. Этими светящимися насекомыми столь на-полнены здешние места, что от вечерней до утренней зари повсюду бывает довольно светло».

В конце января привезли наконец новую мачту, и корабельные плотники начали ее устанавливать. Скоро все было готово. 4 февраля 1804 года корабли покинули гавань Дестеро и направились дальше к югу.

Крузенштерн очень торопился. Мыс Горн можно обойти только в летние месяцы – декабрь, январь и февраль. В остальное время года здесь свирепствуют ураганы.

С каждым днем становилось все холоднее. Матросы опять удивлялись: приближался март, по русским представлениям – весенний месяц, а погода портилась, тепло исчезало.

Начались бури. Волны подымали корабли и швыряли их в разные стороны. Нередко «Нева» и «Надежда» теряли друг друга из виду. Пока им удавалось всякий раз находить друг друга, но, кто знает, не придется ли им длительное время плыть врозь. Когда наступило наконец затишье, продолжавшееся всего несколько часов, Крузенштерн направился на шлюпке к «Неве».

– Нам надо условиться, где мы встретимся, если туман и буря разлучат нас надолго, – сказал он капитану Лисянскому. – Кораблям, вероятно, придется обходить мыс Горн поодиночке.

Обсудив положение, капитаны назначили местом свидания остров Пасхи в Тихом океане.

– Но если у острова Пасхи вы «Надежды» не найдете, – сказал Крузенштерн, – ищите нас у острова Нукагива. Этот остров совсем не исследован, и нам необходимо там побывать.

Едва Крузенштерн вернулся на «Надежду», буря разбушевалась с новой силой. «Нева» исчезла в крутящемся тумане и больше не появлялась. Сквозь мрак и холод «Надежда» продолжала свой путь к югу.

Наконец, 3 марта, увидели мыс Горн, огромную черную, голую скалу, о которую разбивались пенистые волны – гребни их были выше корабельных мачт. Осторожно, медленно «Надежда» обошла эту скалу и вышла в Тихий океан.

– Проскочили! – сказал Крузенштерн с облегчением.

ОСТРОВ НУКАГИВА

Крузенштерн назначил Лисянскому встречу возле острова Пасхи, но обстоятельства сложились так, что заходить к острову Пасхи оказалось невыгодным. В южной части Тихого океана «Надежду» долго не оставляли бури, сильно задержали ее и отнесли далеко на запад от первоначально намеченного курса. Чтобы подойти к острову Пасхи, пришлось бы возвращаться к востоку против сильного встречного ветра и потерять много времени. И Крузенштерн решил идти прямо к острову Нукагива и там ждать «Неву». Он очень спешил, потому что задержался в Бразилии дольше, чем предполагал, а осенью хотел быть уже в Японии. Запасы пресной воды, взятой в Дестеро, подходили к концу, и Крузенштерн распорядился, чтобы никто на корабле не смел выпивать больше одной кварты в день. «Надежда» шла по неведомой части Тихого океана, где никогда еще не был ни один корабль. Днем на салинге, а ночью на бушприте беспрестанно сидел матрос и смотрел, не видно ли земли.

Крузенштерн обещал вознаграждение тому, кто первый увидит землю. Но проходили дни и ночи, а кругом ничего не было, кроме волн.

17 апреля 1804 год перешли южный тропик. Еще через двадцать дней, 7 мая, увидели наконец берега Нукагивы.

Остров Нукагива, один из Маркизских островов, был впервые замечен американским капитаном Ингрегэмом в 1791 году, за тринадцать лет до того, как его посетил Крузенштерн. Ингрегэм был невежественный торговец и, посетив остров, не узнал о нем почти ничего. А Крузенштерну хотелось исследовать Нукагиву.

Остров казался густым темно-зеленым садом. В зелени разбросаны были розовые, оранжевые, белые пятна – деревья, покрытые яркими цветами. Крузенштерн и его спутники много слышали о прелести тропических тихоокеанских островков, но такой пышности и красоты не ожидали.

«Надежда» шла вдоль берега, держась от него на расстоянии трех миль. Легкий ветерок приносил на корабль пряный и сладкий запах леса. Крузенштерн осматривал берег в подзорную трубу. Он искал бухты, обозначенную на карте Ингрегэма под именем бухты Анны-Марии. Среди деревьев видел он крохотные, едва заметные фигурки голых людей, бегавших, прыгавших, размахивавших руками.

Из-за мыса появилась длинная узкая лодка. Было в ней шестеро гребцов. Она быстро неслась к кораблю. Как большинство полинезийских лодок, она имела так называемый противовес, то есть бревно, плывущее рядом с нею и прикрепленное к ней палками; это бревно не давало лодке перевернуться. Сидевшие в лодке люди были голы, и Крузенштерн принял их всех за туземцев. Он очень удивился, когда туземец, находившийся на носу, вдруг поднял над собою развевающийся белый флаг.

В Европе белый флаг – знак мира. Но народы других частей света, как было известно Крузенштерну, знака этого не понимали. Немудрено, что моряки удивились, увидев белый флаг в лодке туземцев.

Лодка подошла вплотную к кораблю. Крузенштерн приказал бросить конец. Человек, державший белый флаг, вскарабкался по канату на палубу.

Голый, в одной только коротенькой юбочке, сплетенной из травы, он подошел к Крузенштерну, низко поклонился и проговорил на чистом английском языке:

– Меня зовут Робертс. Я здешний житель. К вашим услугам, капитан.

Тут только Крузенштерн заметил, что человек этот белый. Вернее, был когда-то белым, потому что тропическое солнце обожгло его тело и покрыло темным загаром. Но все же он был гораздо светлее коричневых островитян, сидевших в лодке. Команда «Надежды» с любопытством разглядывала странного гостя.

– Вы здешний житель? – удивленно спросил Крузенштерн. – Как же вы сюда попали?

– Буду с вами откровенен, – ответил Робертс с поклоном. – Восемь лет назад я сбежал с английского военного корабля, проходившего мимо этого острова. Мой капитан много раз бил меня по лицу. После года службы у меня осталось только семь зубов. – Он открыл рот и показал беззубые челюсти. – Надеюсь, сэр, вы не отправите меня обратно в Англию. Я могу быть вам здесь очень полезен.

Крузенштерн, служивший в английском флоте, хорошо знал, как жестоко обращаются на английских кораблях с матросами. Знал он также, что пойманного беглого матроса ждет в Англии виселица.

– Какую же пользу вы можете нам принести? – спросил он.

– Большую пользу, – убежденно ответил белый островитянин. – Во-первых, я могу служить вам лоцманом и ввести ваш корабль в бухту Анны-Марии, а дело это для человека, не знающего прохода между рифами, очень нелегкое. Во-вторых, я свободно говорю на языке здешних жителей и могу служить вам переводчиком. И в-третьих, я нахожусь в самых близких родственных отношениях с королем. И вы понимаете, сэр, что от меня отчасти зависит, как вас встретят туземцы.

Робертс сейчас же бойко вскочил на капитанский мостик рядом с Крузенштерном и повел корабль меж розовых коралловых рифов в бухту Анны-Марии. Он показывал Крузенштерну глубокие безопасные места, и Крузенштерн видел, что без его помощи, пожалуй, трудно было бы ввести «Надежду» в бухту.

Пришлось признать, что Робертс может приносить пользу – он был хорошим лоцманом. Но был у него и бросающийся в глаза крупный недостаток – необыкновенная болтливость. Истосковавшись по родному языку, он теперь трещал без умолку.

– Здесь на острове живет еще один белый, – говорил он. – Француз. Тоже беглый матрос. Негодяй, каких свет не видел. Заклинаю вас, капитан, остерегайтесь этого человека. Он непременно явится к вам, будет предлагать свои услуги. Но вы не верьте ни одному его слову и гоните в шею.

«Робертс боится конкуренции», – подумал Крузенштерн и спросил:

– Почему же он негодяй, этот француз? Что он такого негодного сделал?

– Он каждую минуту делает тысячи пакостей! – заговорил Робертс, приходя в ярость. – Он хочет меня убить. Он хочет поссорить меня с островитянами.

– Вы с ним единственные европейцы на острове, – сказал Крузенштерн. – Это должно

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
было бы сблизить вас. Отчего вы с ним не помириться?

– Вы не знаете, что это за человек! – возразил Робертс. – Я сам вначале рассуждал, как вы, и много раз предлагал ему мириться. Но, разве можно жить с ним в мире, если он все время норовит тебя зарезать исподтишка!

«Надежда» благополучно прошла между рифами и стала на якорь посреди бухты. Мгновенно с берега к кораблю вплавь кинулось несколько сотен островитян.

Они чувствовали себя в воде свободно, как на суше, разговаривали, плескались, двигались с необыкновенной быстротой и легкостью. Никогда еще русским морякам не приходилось видеть таких отличных пловцов. Они тащили к кораблю на продажу кокосовые орехи, плоды хлебного дерева и бананы. Даже с тяжелым грузом они плавали как рыбы.

– А нельзя ли здесь купить свиней? – спросил Крузенштерн Робертса.

Команда «Надежды» много месяцев питалась одной солониной и мечтала о свежем мясе.

– Свиней тут мало, и островитяне ими очень дорожат, – ответил Робертс. – Боюсь, что они вам их продавать не станут.

Крузенштерн поручил вести торговлю с островитянами лейтенанту Ромбергу и доктору Эспенбергу. Они показали островитянам несколько железных топоров. Островитяне в воде подняли радостный крик, потрясая над головами кокосовыми орехами и бананами. Но Робертс, по просьбе доктора Эспенберга, объяснил им, что топоры они могут получить в обмен на свиней, а за фрукты им будут давать обломки железных обручей от старых бочек. Обручам они тоже обрадовались и охотно давали за них фрукты. Эспенберг и Ромберг спускали им с палубы куски железа на канатах. Островитяне отвязывали железо и привязывали к канатам свои товары. Торговали они вполне честно.

Подобно людям каменного века, они изготавливали все свои орудия только из камня, из дерева, из кости. Добывать металлы они не умели и поэтому железом дорожили чрезвычайно. «За кусок обруча, – пишет Крузенштерн, – давали они обыкновенно по пяти кокосов или по три и по четыре плода хлебного дерева. Они ценили такой железный кусок весьма дорого... Малым куском железного обруча любовались они, как дети, и изъявляли свою радость громким смехом. Выменявший такой кусок показывал его другим, около корабля плавающим, с торжествующим видом, гордясь приобретенною драгоценностью. Чрезмерная радость их служит ясным доказательством, что они мало еще имели случаев к получению сего высоко ценимого ими металла».

Торговля продолжалась уже несколько часов, а свиней никто не привозил. Крузенштерн убедился, что Робертс был прав: свежим мясом запастись в Нукагиве было очень трудно.

В четыре часа дня от берега отошла большая лодка, полная мужчин, и поплыла к «Надежде».

– Кто это? – спросил Крузенштерн у Робертса.

Русские видели, что лодок у островитян очень мало и что они предпочитали двигаться по морю вплавь. От берега до корабля было совсем недалеко, и любой островитянин мог переплыть это расстояние без всякого труда. Крузенштерн удивился, увидев островитян, которые ради такого короткого путешествия сели в лодку.

– Это едет к вам король Тапега, – сказал Робертс.

Едва лодка подошла к кораблю, спустили трап. Тапега взобрался на палубу вместе со свитой.

Ему было лет сорок пять. Он носил такую же юбочку, как остальные островитяне, но все его тело и лицо были покрыты татуировкой, изображавшей листья, странных птиц и гроздь бананов. На вельможах, сопровождавших его, тоже были узоры, но не такие пышные и густые.

Крузенштерн повел короля и его приближенных к себе в каюту. В каюте они держали себя важно и чинно. Крузенштерн подарил королю нож и двадцать аршин красной материи. Тапега сейчас же обмотал свое туловище материей, как катушку обматывают ниткой.

В капитанской каюте было большое зеркало, висевшее на стене. Это зеркало поранило и восхитило островитян. После нескольких неудачных попыток влезть в него они стали заглядывать в щель между зеркалом и стеной, стараясь разглядеть, что там находится. Король Тапега обрадовался своему отражению в зеркале и с наслаждением рассматривал себя, подымая ноги, руки, приседая, строя рожи. Крузенштерн с трудом оторвал его от этого занятия.

«Портрет жены моей, написанный масляными красками, обратил особенно на себя их внимание, – пишет Крузенштерн. – Долгое время занимались они оным, изъявляя разными знаками свое удивление и удовольствие. Кудрявые волосы, которые, вероятно, почитали они великою красотой, нравились каждому столько, что всякий на них указывал».

В соседней каюте висела клетка, где жили попугаи, купленные в Бразилии. Эти попугаи понравились им еще больше, чем зеркало. Они никогда не видели таких пестрых красивых птиц. Особенно понравились им красные загнутые, словно крючки, клювы. Король произнес несколько слов, обращаясь к Робертсу.

– Тапега просит вас подарить ему одного попугая, – сказал Робертс. – Но я, сэр, не советую дарить ему. Он любит выпрашивать.

– Пусть берет, – сказал Крузенштерн. – Но спросите его раньше, не собирается ли он съесть этого попугая. И дам ему птицу только с тем условием, что он будет о ней заботиться.

Но король есть попугая не собирался. Напротив, он стал подробно расспрашивать, чем его надо кормить, и по всему было видно, что он хочет его сохранить.

Крузенштерн подарил ему маленького попугая. Тапега взял его в руки с величайшей осторожностью.

Когда снова вышли на палубу, Крузенштерн показал королю пушки и спросил через Робертса, знает ли король, что это такое.

– Знаю, – ответил король. – Это гром, который разрушает деревни. «Здесь жителям, по-видимому, пришлось уже испытать на себе действие этого грома», – подумал Крузенштерн.

– Этот гром не принесет тебе никакого вреда, Тапега, – сказал он королю, – если твои люд» не будут обижать нас.

– Мои люди никогда не обижают чужестранцев, – ответил король с достоинством, – но бывает так, что чужестранцы обижают моих людей.

Крузенштерн отвел Робертса в сторону и спросил его:

– Откуда у них такие сведения о пушках?

– Лет пять назад сюда заходил один английский корабль, – ответил Робертс. – Он остановился у противоположного берега острова. Капитан этого корабля хотел, чтобы островитяне доставляли ему провизию даром. И конечно, ничего не получил. Тогда он послал своих матросов на остров отбирать бананы и свиней. Но островитяне побили матросов камнями и заставили их вернуться на корабль. Капитан, обозленный, велел налить из всех пушек и уничтожил две деревни. Островитяне хорошо запомнили канонаду – горы дрожали даже на этой стороне острова.

Стало темнеть. Король начал собираться домой. Крузенштерн обещал завтра приехать к нему в гости. Они расстались дружески.

На другой день, рано утром, к кораблю подошла лодка. Двое островитян привезли Крузенштерну в подарок от Тапеги большую свинью. Свинья, связанная, была втащена с помощью канатов па палубу. Наконец-то Крузенштерн мог накормить свою команду свежим мясом! Это была первая свинья, которую удалось достать на Нукагиве. Он отлично понимал ценность королевского подарка – ведь островитяне не соглашались менять своих свиней даже на железные топоры.

Через час Крузенштерн поехал на берег, чтобы отдать королю визит. Заодно он хотел поискать речку, где можно было бы запастись пресной водой.

Всем хотелось ехать вместе с капитаном. Каждый мечтал погулять по твердой земле. Крузенштерн собирался сначала взять с собой только посла Резанова, двух лейтенантов и шестерых вооруженных матросов под начальством поручика Федора Толстого для охраны, но, увидев, как были огорчены остальные, он решил захватить с собой еще человек пятнадцать.

– Как вы думаете, Робертс, – спросил он англичанина, который теперь не отходил от него, – не опасно ли оставлять корабль под защитой такой маленькой команды? Ведь почти все едут на берег...

Вокруг корабля по-прежнему барахталось в воде множество туземцев.

– А вы объявите корабль табу, – посоветовал Робертс, – и никто не посмеет коснуться корабля.

Крузенштерн слышал о действии на полинезийцев – жителей тихоокеанских островов – таинственного слова «табу». Об этом рассказано у многих путешественников. Табу можно было наложить на все, что угодно: на жилище, пищу, оружие, человека. Ни один островитянин не решался даже близко подходить к предмету, заколдованному словом «табу». Это суеверие помогало жрецам властвовать над народом. Одно смущало Крузенштерна: может ли он объявить табу, если это право предоставлено только жрецам?

– Вы выше, чем жрец: вы святой, – объяснил ему Робертс. – Островитяне твердо уверены, что корабли белых приходят к ним с облаков, где живут боги.

Табу над «Надеждой» было объявлено так: Крузенштерн вышел на палубу с рупором под мышкой и замахал рукой, чтобы привлечь внимание плававших в бухте людей. Когда они все оглянулись на него, он поднес рупор ко рту и трижды громко проревел замогильным голосом:

– Табу! Табу! Табу!

И указал рукой на свой корабль.

А чтобы «табу» было крепче, он, по совету Робертса, велел выстрелить из пушки холостым зарядом.

Островитяне очень перепугались, и Крузенштерн даже пожалел, что послушался совета Робертса. Они все бросились к берегу.

Впрочем, испуг их был непродолжителен и бухта снова наполнилась плавающими. Но к кораблю они больше в тот день не подплывали.

Отправлявшиеся в гости к королю отошли от корабля на двух шлюпках. Командование «Надеждой» на время своего отсутствия Крузенштерн передал Ратманову. Ратманов сам мечтал посетить остров, но ему при шлось остаться.

На берегу моряков встретила толпа в несколько тысяч человек. Стало немного жутко. Но островитяне встретили русских моряков весело и дружелюбно. Приходилось страдать только от их чрезмерного любопытства: каждый островитянин старался не только осмотреть моряка поближе, но и потрогать.

Крузенштерн искал глазами в толпе короля. Но Тапега не пришел на берег встречать гостей.

– Он встретит вас у дверей своего дома, – объяснил Робертс. – Здесь такой обычай.

Вместо себя король прислал высокого, красивого островитянина, который подошел к Крузенштерну и заявил, что он будет служить чужестранцам проводником. Это был важный вельможа – королевский огнезажигатель. Жители Нукагивы, чтобы добыть огонь, терли одну палочку о другую. Никакого другого способа они не знали. Зажигание огня – тяжелая, ответственная работа, требовавшая большого умения. И вельможа, заживавший огонь в королевской хижине, был очень важным человеком.

Крузенштерн прежде всего хотел найти место, где можно наполнить бочки пресной водой. Оставив у вытасненных на берег шлюпок четырех вооруженных матросов и приказав им не заводить никаких ссор с туземцами, он попросил Робертса отвести его к речке. Робертс и королевский огнезажигатель повели маленький отряд по узкой тропинке, вокруг которой росла трава в человеческий рост. Необыкновенная пышность растительности на Нукагиве поражала русских. Лес, переплетенный лианами, казался непроходимым. Путников оцепенял пряный запах цветов и гниющих плодов.

Наконец моряки, сопровождаемые огромной шумной толпой любопытных островитян, не отстававших от них ни на шаг, подошли к устью светлой маленькой речки. Набирать воду здесь было удобно и просто: речка впадала в ту самую бухту, где стоял корабль. Чтобы не терять даром времени, Крузенштерн попросил отвести себя сейчас же к королю.

Минут через двадцать они увидели несколько десятков круглых тростниковых хижин без окон, с маленькими дверцами, войти в которые можно было только низко согнувшись. У околицы гостей встретил статный седой старик с перевязанным глазом. Это был дядя короля Тапеги, прославленный воин, потерявший глаз в бою с воинами соседнего племени. Он новел Крузенштерна и его спутников через деревню к жилищу короля.

Хижина Тапеги ничем не отличалась от остальных жилищ деревни. У дверей прибывших встретил наконец сам король. Он ввел в свой тростниковый дворец Крузенштерна, Резанова, Головачева, Ромберга, Эспенберга и Робертса. Остальные русские и все островитяне принуждены были остаться на дворе: русские потому, что дворец не мог всех их вместить, а островитяне потому, что королевское жилище для простых людей было табу.

15 хижине короля на циновках сидела вся королевская семья, состоявшая главным образом из женщин. Королева и ее дочери, уже взрослые, носили ту же одежду, что и мужчины, но тело их не было покрыто татуировкой. Зато руки были измазаны до локтей чем-то черным, и Крузенштерну в первую минуту показалось, будто это перчатки.

Гостей усадили на циновки рядом с хозяевами. Женщины приветливо улыбались. Они с необыкновенным вниманием разглядывали шитые золотом мундиры офицеров. Крузенштерн подарил им несколько блестящих пуговиц, ножей и маленьких зеркалец. На пуговицы они почти не обратили внимания, ножи передали королю и огнезажигателю, а в зеркальца долго с удовольствием смотрелись.

Посидев немного, все встали, вышли из хижины, вошли под большой соломенный навес, находившийся во дворе, и там снова уселись на циновках. Под навесом было гораздо просторнее, чем в хижине. Тут поместились все русские, приехавшие с корабля, и близкие королю островитяне.

Навес служил королевской семье столовой. Жители Нукагивы никогда не ели у себя в хижинах, а либо под открытым небом, либо под соломенными навесами, защищающими от дождя и солнца. Англичанин Робертс, как оказалось, часто обедал под навесом короля, потому что был женат на одной из многочисленных королевских дочерей.

Принесли груды расколотых кокосовых орехов, бананов и горячих дымящихся плодов хлебного дерева. Тапега усердно потчевал гостей. Островитяне ели долго, много и молча. Видно было, что они считали еду очень важным делом. К королевскому столу не подали мяса, и Крузенштерн еще раз убедился, какой драгоценностью считали островитяне свиней, единственных своих домашних животных.

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru
После обеда Крузенштерн встал, поблагодарил, попрощался, пригласил короля почаще заезжать на корабль и направился со всеми своими спутниками к берегу. Король проводил их до своей хижины, дядя короля – до конца деревни, а королевский огнезажигатель пошел с ними и дальше.

– Как бедно живет ваш король! – сказал Крузенштерн Робертсу, который шел рядом с ним. – Жизнь простых островитян, я вижу, мало отличается от королевской.

Робертс засмеялся.

– Королевство Тапеги состоит из одной деревушки, – сказал он. – На Нукагиве всего пять деревушек, и в каждой – свой король.

ДВА РОБИНЗОНА

Моряков сопровождала вся деревня – мужчины, женщины и ребяташки.

В толпе Крузенштерн заметил человека очень странной внешности.

Человек этот, как все островитяне, был гол до пояса, но носил не короткую юбку, как туземцы, а дырявые парусиновые матросские штаны. Черная борода его паклей падала на голую грудь, усы были франтовато закручены колечками кверху, а волосы взбиты в огромный грязный ком.

Вообще человек этот показался гораздо грязнее и неопрятнее остальных жителей Нукагивы, которые часто плещутся в море и очень чисты.

– Кто это? – спросил Крузенштерн у Робертса. Робертс нахмурился, и лицо его искривилось от злости.

– Это француз Кабри, сэр, – сказал он, – тот самый негодяй, о котором я вам рассказывал. Сделайте вид, будто вы его не заметили, кали-тан, а то он к вам привяжется и не отстанет.

Присмотревшись, Крузенштерн заметил, что человек с черной бородой действительно белый. Но кожа его была покрыта таким слоем грязи, что он казался даже темнее островитян.

– Он глядит на вас, сэр, – проговорил Робертс. – Он хочет, чтобы вы его позвали. Отвернитесь.

И Робертс показал своему врагу кулак.

Но Крузенштерн вовсе не собирался становиться в этой вражде на сторону Робертса. Ему хотелось помирить обоих европейцев, живущих на острове. И, не обращая внимания на недовольство англичанина, он поманил Кабри к себе.

Француз подошел и поклонился.

– Добрый человек, – заговорил с ним Крузенштерн по-французски, – расскажите, как вы живете. Не могу ли я вам чем-нибудь помочь, и почему вы ненавидите вашего соседа?

Вместо ответа Кабри стал с яростью бранить Робертса и осыпать его самыми отборными французскими и английскими ругательствами.

– Не верьте ему, сударь, это коварный человек. Он родственник людоеда Тапеги и сам людоед. Они собираются завлечь вас в укромное местечко, убить и съесть...

Робертс выхватил из-за пояса нож, и дело могло бы кончиться плохо, если бы Крузенштерн не схватил англичанина за руки. Он стал объяснять им, как невыгодно ссориться и как было бы хорошо для них обоих, если бы они стали друзьями. Он долго и упорно уговаривал их помириться. Наконец они угрюмо подали друг другу руки.

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru

Но, едва француз немного поотстал, Робертс сказал Крузенштерну вполголоса:

– Это ненадолго, сэр. Вот увидите, еще сегодня он сделает мне какую-нибудь гадость.

И действительно, едва Робертс отошел на минуту в сторону, к Крузенштерну подошел француз и заговорил шепотом:

– В двадцати милях отсюда, в море, есть пустынная скала. Отвезите туда этого гнусного англичанина, сударь, прошу вас. Крузенштерн рассердился.

– Стыдитесь! – сказал он.

– Так вы отказываетесь отвезти его на скалу? – дерзко спросил кабри.

– Отказываюсь.

– Хорошо же, капитан, вы в этом раскаетесь.

Француз пошел прочь, потом обернулся, погрозил Крузенштерну кулаком и крикнул:

– Я вам отомщу! – и бросился бежать.

ВСТРЕЧА КОРАБЛЕЙ

Вернувшись на берег, Крузенштерн нашел свои шлюпки в полной сохранности. Матросы, сторожившие их, сидели рядом в тени большого дерева и курили. Они рассказали, что за время отсутствия капитана их никто не тревожил. Крузенштерн вместе со всеми своими спутниками отправился на корабль. Там тоже все было в порядке.

– Лейтенант Ромберг, – сказал капитан, – я хочу сегодня начать запасаться пресной водой. Возьмите баркас, захватите несколько пустых бочек и поезжайте с десятью матросами к устью той речки, которую мы с вами видели. До темноты осталось еще четыре часа, и вы успеете съездить туда и обратно.

Лейтенант Ромберг отошел на корабельном баркасе и скоро скрылся за узким мысом. Но, к удивлению Крузенштерна, через час он вернулся.

– Что случилось? – спросил озабоченный Крузенштерн. – Отчего вы так рано?

– Все в порядке, – ответил Ромберг.

– Почему вы привезли пустые бочки?

– Все наши бочки полны, капитан, – сказал Ромберг и рассмеялся.

Он рассказал, что едва они вошли в устье, бросили якорь и начали погружать ведра в воду, как в роке появилось множество туземцев, которые подплыли к баркасу, сбросили с него все сорокаведерные бочки и потом подняли их назад полными до краев. В несколько минут была проделана работа, которая заняла бы у моряков не меньше двух часов.

– Их было человек пятьсот, – рассказывал Ромберг. – Каждую бочку тащило двадцать силачей. Поглядели бы вы, какие среди них есть здоровяки! Каждого можно было бы в гвардию сдать. Сначала я испугался, по потом увидел, что они просто на редкость добродушный и услужливый народ.

Отправляясь снова за водой, Ромберг захватил с собой несколько дюжин железных обручей в подарок своим неожиданным помощникам.

До темноты он успел еще дважды съездить к устью речки и вернуться.

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
Следующим утром, 10 мая, часов около одиннадцати, на корабль приплыл островитянин, который заявил Робертсу, что он прислан к Крузенштерну от короля. Крузенштерн приказал немедленно пустить королевского посла на палубу. Тапега прислал этого островитянина сказать Крузенштерну, что с гор сегодня на рассвете видели далеко в море большой корабль, который идет прямо к Нукагиве.

– Тапега твой друг, – сказал островитянин. – Он решил предупредить тебя заранее. Ведь, может быть, на том корабле твои враги.

Роберте оказался прекрасным переводчиком, и с его помощью разговаривать было легко.

– Поблагодари короля за дружбу, – ответил Крузенштерн королевскому послу, – но передай ему, что у меня нет врагов и я никого не боюсь.

Крузенштерн сразу догадался, какой корабль островитяне видели с гор. Это безусловно была «Нева», которая, не найдя «Надежды» у острова Пасхи, спешила к Нукагиве.

Зная, как трудно войти в бухту Анны-Марии без лоцмана, Крузенштерн послал навстречу «Неве» шлюпку под командой лейтенанта Головачева. В шлюпке этой отправился и Роберте.

Через три часа «Нева» стала на якорь рядом с «Надеждой».

Вся команда «Надежды» была очень рада появлению «Новы», которую не видела с самого мыса Горн. Когда оба корабля находились вместе, все чувствовали себя гораздо спокойнее.

У каждого офицера и матроса «Надежды» были на «Неве» приятели, свидание с которыми всех обрадовало.

Капитан Лисянский вошел в каюту Крузенштерна.

– Ну как? – спросил Крузенштерн.

– Все благополучно, – ответил Лисянский. – Ни одной сломанной реи, ни одного больного матроса.

Оба капитана обнялись и расцеловались.

– Мы прибыли к острову Пасхи, где вы собирались нас подождать, – докладывал Лисянский начальнику экспедиции, – обошли остров кругом, но «Надежды» нигде не нашли. Войти в залив я не решился, потому что дул сильный западный ветер, при котором лавировать было очень трудно. Я послал на берег шлюпку под начальством лейтенанта Повалишина. Повалишин расспросил знаками островитян и узнал у них, что «Надежда» на остров Пасхи не заходила. Он купил у них немного бананов и вернулся на корабль. Я понял, что вы решили ждать нас у Нукагивы, и, нигде больше не задерживаясь, поспешил прямо сюда.

МЕСТЬ ФРАНЦУЗА

На другой день случилось происшествие, которое нарушило спокойное течение жизни на обоих кораблях и едва не вызвало серьезные последствия.

Утром в гости к Крузенштерну приехал Тапега. Король и королевский огнезажигатель теперь каждый день бывали на «Надежде». Особенно охотно проводили они время с графом Федором Толстым.

Оказалось, что королевский огнезажигатель владеет еще одним искусством – искусством татуировать. Это он татуировал всех юношей в королевстве Тапеги. И молодой граф, желая поразить своих приятелей в России, попросил огнезажигателя покрыть ему узорами грудь и спину.

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru
Он пообещал огнезажигателю большой топор, и тот принялся за работу. Острой раковиной рассекал он кожу графа и смазывал ранки соком какого-то растения. Воль была мучительная, но граф мужественно терпел, стиснув зубы. Ранки вспухли, однако черен несколько дней опухоль спала, и на теле графа появились узоры: птицы, кольца, змеи, листья.

Тапегу на корабле больше всего привлекало большое зеркало в капитанской каюте. Перед этим зеркалом он простаивал но многу часов, приседая, двигая руками и меняя выражение лица. Крузенштерн так привык к этому занятию короля, что не обращал на него никакого внимания и спокойно работал в его присутствии за письменным столом: писал судовой журнал, изучая карты, проверял вместе с профессором Горпером астрономические наблюдения.

На следующее утро после прибытия «Невы» Тапега, войдя в капитанскую каюту, застал Крузенштерна за бритьем. С удивлением глядел он, как предводитель белых мазал себе щеки мылом и потом водил по ним острой сверкающей бритвой. Но особенно понравилась ему пахучая вода, которой Крузенштерн после бритья вымыл себе лицо. Жители Нукагивы тоже умели бриться, но брились они острыми раковинами и дело это занимало много времени. Увидав, с какой легкостью и быстротой бреются белые, Тапега захотел и сам испытать этот способ бритья. Он попросил, чтобы его побрили.

Крузенштерн позвал матроса, исполнявшего на «Надежде» обязанности парикмахера, и велел ему побрить короля. Тапега сел в кресло. Матрос принялся за работу. На лице Тапеги во время бритья было выражение полного счастья.

– Еще, еще! – шептал он, когда его обрызгали душистой водой.

Между тем Крузенштерну надо было ехать на «Неву», к капитану Лисянскому. После некоторого колебания он решил оставить Тапегу в каюте – очень уж жалко было лишать короля удовольствия любоваться собою в зеркале. Тапега был человек смирный, и Крузенштерн спокойно уехал, попросив Ратманова присматривать за ним.

Когда Крузенштерн прибыл на «Неву», оказалось, что капитан Лисянский с офицерами и несколькими матросами собрался ехать на берег, шлюпка уже была спущена на воду. Увидев своего начальника, Лисянский решил остаться. Но Крузенштерн, зная, как моряки, несколько месяцев пробывшие в море, тоскуют по земле, попросил его ехать. Он обещал Лисянскому дожидаться его возвращения.

Шлюпка помчалась к берегу. Моряки с радостью думали о том, что сейчас под ногами будет суша, что они погуляют в лесу. Зная из рассказов Крузенштерна о миролюбии островитян, они не взяли с собой никакого оружия – ведь лейтенант Ромберг тоже ездил за водой безоружным. Едва под лодкой зашкрипел песок, все с наслаждением выпрыгнули на берег, разглядывая высокие пальмы, и сразу же увидели толпу островитян, выходившую из леса им навстречу. Вид этой толпы несколько удивил их: она состояла исключительно из мужчин и двигалась молча.

– Странно! – воскликнул Лисянский. – Иван Федорович ничего не говорил нам о том, что здешние жители носят при себе оружие.

Действительно, у каждого островитянина было в руках длинное узкое копьё. На каждом копьё был острый наконечник – либо каменный, либо выточенный из кусочков железных обручей, недавно купленных у русских.

Моряки поджидали приближавшихся островитян благодушно и немного растерянно. Им все еще не приходило в голову, что те могут напасть на них.

Они опомнились, только когда уже были со всех сторон окружены толпой, со зловещей медлительностью подымавшей копьё.

– И шлюпку! – скомандовал Лисянский.

Но было поздно. Кольцо сомкнулось, и выбраться из него было невозможно. Копья поднялись в воздух и застыли в вытянутых руках. Островитяне медлили. Они как будто ждали, чтобы кто-нибудь первый решился и начал.

Наконец какой-то здоровяк взмахнул копьем над головой стоявшего с краю матроса. Матрос нагнулся.

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru

– Оставь! Не смей! – кричал Лисянский по-русски, в отчаянии подскакивая к дерзкому зачинщику и надеясь остановить его хоть криком.

Но тут сквозь толпу островитян торопливо протискался человек, необыкновенно взволнованный на вид. Он храбро расталкивал локтями всех попадавшихся ему на пути.

Лисянский узнал его: это был их вчерашний лоцман – англичанин Робертс.

Робертс что-то крикнул островитянину, собиравшемуся заколоть матроса, и тот опустил копье. Тогда Робертс о чем-то заговорил пылко и быстро, и все островитяне закричали вокруг.

Воспользовавшись замешательством, моряки пробрались к своей шлюпке, влезли в нее и оттолкнулись от берега. Робертс, яростно споря, тоже отступал к воде. Островитяне злобно кричали на него, но копья не подымали – он был свой. Наконец, оттесненный к самому краю берега, Робертс повернулся, прыгнул в воду и поплыл. Он догнал шлюпку вплавь.

– Я очень вам благодарен, – сказал Лисянский, пожимая ему руку. – Вы вмешались как раз вовремя. Вез вашей помощи мы были бы убиты. Но скажите, что случилось? Отчего они, до сих пор такие кроткие и дружелюбные, вдруг решили нас убить?

Робертс нахмурился.

– Что сделал капитан Крузенштерн с Тапегой? – вместо ответа спросил он.

– С королем? Не знаю, не слышал.

– Островитяне утверждают, будто Тапега закован в цепи и заперт, – сказал Робертс. – Мне это кажется очень странным: до сих пор капитан Крузенштерн так ласково обращался с ним. Старейшины, родственники Тапеги, очень раздражены и жаждут мести.

Шлюпка подошла к «Неве». Крузенштерн, выслушав рассказ Лисянского и Робертса, взволновался.

– Я оставил Тапегу у себя в каюте, – сказал он, – и, конечно, ни в какие цепи его не заковывал. Мы расстались самым дружеским образом. Может быть, Ратманов заковал его без меня? Нет, тут что-то не так... Ратманов не мог сделать такую глупость.

Он сейчас же сел в шлюпку и помчался вместе с Робертсом к «Надежде».

Бухта была пуста – островитяне, постоянно плававшие в ней и продававшие морякам кокосовые орехи, исчезли.

Это был дурной знак.

Взойдя на палубу «Надежды», Крузенштерн вызвал Ратманова.

– Что вы сделали с Тапегой? – спросил он его.

– С Тапегой? – удивился Ратманов. – Ничего я с ним не сделал.

– Вы заковали его в цепи?

– Да что вы, капитан! И не думал!

– А как он вел себя здесь без меня?

– Как всегда, – ответил Ратманов. – Вертелся перед зеркалом.

Крузенштерн обернулся к Робертсу.

– Вот видите, друг мой, – сказал он, – все это ложь. – И опять спросил Ратманова: – А где он сейчас?

– Он только что уехал, капитан.

– Вы расстались с ним мирно?

– Вполне мирно. Ему надоело в каюте, он вышел, улыбнулся мне ласково, сел в свою лодку и уехал.

– Я понял! – вдруг воскликнул Робертс, хлопнув себя ладонью по лбу. – На острове пущен ложный слух нарочно, чтобы поссорить островитян с вами. И я знаю, кто этот слух пустил.

– Кто? – спросили в один голос Крузенштерн и Ратманов.

– Кабри! – сказал Робертс злобно. – Я вам говорил, капитан, что от этого человека можно ожидать всего, что угодно.

Как бы то ни было, дело обстояло скверно. «Надежда» уже успела набрать почти столько пресной воды, сколько ей было нужно, но бочки «Невы» были еще пусты.

В случае ссоры не только нечего было надеяться на помощь туземцев, но опасно было посылать шлюпку в устье реки. А как продолжать путешествие без пресной воды?

Крузенштерн понимал, что нужно помириться с островитянами во что бы то ни стало.

Впрочем, он надеялся, что король, благополучно вернувшись с корабля, рассеет ложный слух.

Крузенштерн спустился в кают-компанию обедать, а Робертс отправился на берег. Он обещал вернуться часа через три и рассказать, что там происходит.

Во время обеда Крузенштерну сообщили, что на палубу прибыл Тапега с французом и одним островитянином, который привез свинью для продажи. Крузенштерн и все офицеры сейчас же прервали обед и вышли на палубу.

Тапега улыбался благодушно, как всегда, даже еще благодушнее. Видно было, что он привез островитянина со свиньей, чтобы помириться. Он знал, как нуждаются моряки в свежем мясе. Но француз Кабри, стоявший рядом с ним, был угрюм и смотрел на капитана с мрачным высокомерием. Крузенштерн сердился на него за то, что он распустил ложные слухи, и сначала хотел прогнать его, но сдержался.

Ему даже стало немного жаль этого грязного, озлобленного человека. В конце концов, может быть, слухи распустил вовсе не он. Мало ли чего не скажет Робертс о человеке, которого так ненавидит.

Островитянин что-то проговорил. Кабри хмуро перевел его слова Крузенштерну.

– Он хочет за свою свинью получить такую же красивую птицу, как та, что вы дали Тапеге.

Крузенштерну вовсе не хотелось расплачиваться за свиней попугаями – он надеялся привезти их в Россию. Но на этот раз он решил согласиться. Он рассчитывал этим попугаем купить не только свинью, но и мир.

– Передайте ему, что я согласен, – сказал он французам.

Кабри промолвил что-то островитянину, и тут случилась вещь совсем необъяснимая. Островитянин схватил свою свинью, лежавшую на палубе со связанными ногами, и швырнул в воду. Затем прыгнул вслед за ней. Поймав там тонущую свинью, он быстро поплыл к берегу, таща ее за собой.

– В чем дело? – воскликнул удивленный Крузенштерн. – Ведь я согласился дать ему попугая! Крикните ему, чтобы он вернулся, – сказал он Кабри, – Попросите Тапегу приказывать ему вернуться!

Француз проговорил что-то, обращаясь к Тапеге, и король громко закричал какие-то повелительные слова вслед уплывающему за свиньей островитянину. Но тот, вместо

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru того чтобы вернуться, еще быстрее поплыл к берегу.

Тапега и француз внезапно прыгнули вниз, в королевскую лодку, и стремительно отошли от корабля.

Никто ничего не понял. Офицеры недоуменно переглядывались.

– Тапега, верно, поехал ловить непослушного островитянина, – сказал лейтенант Головачев.

– Нет, – возразил лейтенант Ромберг, – королевская лодка поплыла вправо, а островитянин со свиньей – влево. Король и не думает его догонять. Мне показалось, что Тапега приказал своему подданному не возвращаться на корабль, а плыть от корабля.

– Мне тоже так почудилось, – сказал Крузенштерн. Ратманову пришла в голову совсем новая мысль.

– Вы знаете, – проговорил он задумчиво, – мне кажется, тут опять виноват француз. Что, если он неверно переводил слова Ивана Федоровича, нарочно перевирали их?

Крузенштерн ничего не ответил. Но он чувствовал, что Ратманов, пожалуй, прав.

Вечер начался беспокойно.

На острове в сумерках вдруг вспыхнули костры – один, другой, пятый, двадцатый! – и так по всему берегу. Это было совсем необычно – до сих пор островитяне всегда ложились спать едва стемнеет и по ночам огня не зажигали.

На обоих кораблях ясно слышали звуки каких-то странных песен, которые доносились с берега.

Всем островом, казалось, овладело лихорадочное возбуждение.

Часов в одиннадцать к «Надежде» подплыл Робертс. Он влез по якорному канату на палубу.

Крузенштерн вышел из каюты, чтобы поговорить с ним. Вид у Робертса был хмурый и недовольный.

– Зачем вы прогнали Тапегу и его приятеля с корабля? – спросил он.

– Я их не прогонял, – ответил Крузенштерн.

Он рассказал Робертсу, как приезжали на корабль король с французом и островитянином, который хотел продать свинью, и что произошло дальше.

Робертс удивился.

– А Тапега говорил мне совсем другое, – сказал он. – По его словам, вы отказались дать за свинью попугая и выгнали их всех с корабля, запретив возвращаться!

Наконец-то все выяснилось!

Ратманов был прав: француз неправильно переводил островитянам слова Крузенштерна.

– Что же мне теперь делать? – спросил Крузенштерн, – Нам необходимо помириться с Тапегой, иначе «Нева» останется без воды. Робертс задумался.

– Дело плохо, – проговорил он наконец. – Но попытаемся завтра утром всё уладить. Сейчас островитяне очень возбуждены: они пляшут вокруг костров и поют военные песни. Но к утру они устанут, притихнут, и их боевой пыл пройдет. Я уверен, что Тапега вовсе не хочет с вами ссориться, – ведь он всякий раз получает от вас столько подарков и дружба с вами ему очень выгодна. Если будет хоть малейший предлог для мира, он охотно помирится. Мы сделаем так: я переночую у вас на

Капитан Крузенштерн, Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru корабле, а на рассвете пойду к Тапеге и расскажу, как его обманул этот проклятый француз. Если Тапеге смягчится, я дам вам знать, и тогда вы поезжайте к нему. Но непременно с подарками. Привезите королеве еще одно зеркальце, это подействует лучше всего.

ПРОГУЛКИ ПО ОСТРОВУ

Робертс исчез с корабля на рассвете. Все ждали, когда наконец он даст знать, как идут переговоры. Многие, напуганные вчерашними военными песнями островитян, сомневались в успехе. В полдень Робертс вернулся. Он улыбался. – Поезжайте, – сказал он Крузенштерну. – Все улажено! После вчерашнего нападения на шлюпку было бы, конечно, безрассудно ехать невооруженным. Моряки отправились на остров в двух шлюпках – одна под начальством Крузенштерна, другая под начальством Лисянского. В каждой шлюпке были лейтенант и десять матросов с ружьями. Робертс находился с Крузенштерном.

На берегу было пусто и тихо. Все островитяне попрятались. Крузенштерн оставил девять матросов под командой лейтенанта сторожить шлюпки. Остальные пошли вслед за Робертсом в деревню. Робертс повел их новой дорогой.

Отряд с трудом пробирался через густую, пышную траву. Перешли вброд несколько ручейков. Лес, переплетенный лианами, пришлось обходить, так он был густ.

Моряков поразили высота стволов и изобилие плодов кокосовых пальм и хлебных деревьев.

За лесом начинались деревенские поля, огороженные плетнями, сделанными из прутьев какого-то особого дерева, совершенно белых и сверкающих на солнце. Поля эти засажены были растением таро, корень которого съедобен, и бананами.

Пройдя поля, отряд вошел в деревню и зашагал между тростниковыми хижинами.

Островитяне угрюмо смотрели на моряков из дверей своих хижин, но путь им никто не преграждал.

Вот наконец и королевская хижина. Навстречу им вышел, как и в прошлый раз, Тапеге.

Он радостно улыбался. Лицо его не выражало ничего, кроме приветливой любезности. Видно было, что Робертс добросовестно выполнил возложенное на него дипломатическое поручение и король считал мир уже восстановленным.

Крузенштерн, Лисянский, Робертс и лейтенант Арбузов прошли вслед за королем в хижину и сели на циновки рядом с женщинами. Крузенштерн стал сейчас же раздавать подарки: все получили еще по зеркалу, а королева сверх того несколько аршин желтой материи. Тапеге Крузенштерн привез офицерскую саблю, которую тот принял с восторгом. О вчерашнем раздоре никто не сказал ни слова, как будто его никогда и не было.

Посидев с гостями несколько минут, Тапеге предложил всем пообедать, но Крузенштерн, поблагодарив, отказался. Он попросил Тапегу показать островитянское кладбище, так называемый морай. Описание кладбищ на тихоокеанских островах Крузенштерн читал в книгах путешественников и очень хотел увидеть их сам. Тапеге охотно согласился отвести моряков к семейному королевскому морая, где покоились останки его предков. Все вышли из хижины.

На дворе Крузенштерну показали внучку Тапеге, шестимесячную девочку его старшего сына. Дети короля и его сыновей в младенчестве считались богами, и островитяне воздавали им божеские почести. Крохотный божок жил в отдельной хижине, которая была табу для всех, кроме матери и теток. Хижина служила ему храмом. Только достигнув десятилетнего возраста, ребенок королевской фамилии переставал быть богом и мог переселиться в хижину своих родителей. Крузенштерн погладил по головке девочку, сосавшую кулачок, и этим очень обрадовал ее бабушку – королеву.

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru
Тапега повел гостей в сторону гор, находящихся посередине острова. Робертс объяснил Крузенштерну, что все морая островитяне устраивают обычно у подошвы какой-нибудь горы.

Дорога поднималась вверх, тропическое солнце жгло немилосердно, путники изнывали от жары и скоро утомились. Наконец они подошли к зеленому, почти отвесному горному склону. Тапега ввел их в небольшую рощу. Оказалось, что эта роща и есть королевский морай.

Моряки содрогнулись от удушающего трупного запаха. Среди веток деревьев были построены навесы из тонких жердей. На этих навесах лежали человеческие черепа и кости. Жители Нукагивы не зарывали своих мертвецов в землю, а клали их на деревья, среди ветвей. Мясо съедали хищные морские птицы, а кости оставались.

Посередине рощи стояли статуи в человеческий рост, сделанные из дерева. Тапега объяснил, что статуи эти изображают его прапрадедов, давно уже ставших богами. Тут же находился высокий столб, обвитый доверху листьями кокосовой пальмы и белой материей. Крузенштерн хотел дотронуться до этого столба, но Робертс вовремя сказал ему, что столб табу и трогать его нельзя. Невдалеке от столба и статуй находилась хижина жреца, охранявшего морай. Тапега позвал его, но из хижины никто не откликнулся. Жреца не было дома.

Тогда Тапега предложил морякам войти в хижину и там отдохнуть. Но моряки просидели там недолго. Запах тления был нестерпим, и они поспешили выйти из этой кладбищенской рощи.

Тапега попрощался – ему надо было вернуться в деревню. Он расстался с Крузенштерном самым дружеским образом и обещал скоро приехать на корабль.

Робертс повел моряков кратчайшей дорогой к берегу.

Но солнце жгло так, что все вскоре взмолились о тени и отдыхе. Тогда Робертс заявил, что тут совсем рядом находится его дом, и пригласил всех к себе. Моряки охотно приняли это приглашение.

Робертс повел их в лес, и скоро они вышли на небольшую лесную полянку, посреди которой стояла одинокая тростниковая хижина.

Жилище Робертса ничем не отличалось от жилищ островитян. Навстречу гостям вышла молодая женщина с ребенком на руках. Это была жена Робертса, родная дочь Тапеги. Робертс ласково улыбнулся сыну, и ребенок протянул к нему ручки.

– Ваш сын тоже бог? – спросил Крузенштерн. – Ведь он внук короля.

– Нет, он не бог, – ответил Робертс смеясь. – Дети королевских сыновей – боги, но дети королевских дочерей – простые смертные.

Гости вошли в хижину и уселись на циновках. В углу стоял медный чайник и лежало ружье; только эти две вещи указывали на европейское происхождение хозяина; вся остальная утварь была такая же, как во всех других хижинах Нукагивы. Жена Робертса научилась от мужа нескольким английским словам и сейчас же попробовала пустить их в ход, но ничего связного ей сказать не удалось, и она смущенно умолкла.

Отдохнув и освежившись холодным кокосовым молоком, моряки снова пустились в путь. Робертс вывел их на берег как раз к тому месту, где стояли шлюпки. Здесь все было в полном порядке. Матросы спокойно покуривали свои трубки; их с самым добродушным видом окружали островитяне, пришедшие на берег, едва стало известно, что мир заключен.

Вернувшись на «Неву», капитан Лисянский немедленно послал шлюпку за водой. Через час шлюпка вернулась с полными бочками – островитяне сами наполнили их.

Все шло по-старому.

Крузенштерн объявил, что экспедиция тронется в дальнейший путь, едва «Нева» вдоволь запасется водой. «Надежда» давно уже была готова к отплытию, и команда ее последние два дня стоянки у берегов Нукагивы провела в прогулках и поездках

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy Nikolai.ru
на шлюпках вдоль берега.

Но время одной из таких поездок лейтенанту Головачеву, командовавшему шлюпкой, удалось открыть неизвестный до тех пор географам залив, который был больше и глубже бухты Анны-Мари. Залив этот он назвал именем знаменитого русского моряка Чичагова. На берегу залива Чичагова стояла деревня, побольше и побогаче той деревни, в которой правил Тапега. Был здесь свой король, встретивший Головачева очень ласково. О Тапеге он отзывался презрительно: деревня Тапеги могла выставить в бою только восемьсот воинов, а деревня залива Чичагова – тысячу двести.

Головачев наметил, что хижины здесь гораздо новее на вид, чем хижины деревни Тапеги, стены которых были покрыты плесенью и начали подгнивать. Это удивило его.

– Наша деревня, видно, недавно построена? – спросил он короля.

– Нет, она построена давно, – ответил король, – но недавно ее разрушили громом твои братья, белые люди, и нам пришлось строить ее заново.

Головачев догадался, что это одна из тех двух деревень, которые разрушил капитан английского корабля, когда островитяне отказались дать ему провизию даром,

В окрестностях Головачев нашел несколько небольших ям, которые могли быть только следами пушечных ядер.

Головачев решил возвратиться сушей. Он отправил шлюпку прежним путем, а сам вместе с тремя спутниками пошел к бухте Анны-Мари пешком, через пустынную центральную часть острова. Целый день бродили они в горных ущельях, среди дикого тропического леса, такого густого, что иногда им приходилось прорубать себе дорогу топором. Усталый, измученный прибыл поздно вечером Головачев на «Надежду».

– Ложитесь спать, лейтенант, – сказал ему Крузенштерн. – Завтра мы выходим в море.

Англичанин Робертс сопровождал моряков во всех их прогулках по острову.

Он оказал экспедиции много важных услуг. Собираясь сняться с якоря, Крузенштерн хотел как-нибудь отблагодарить Робертса.

– Поезжайте с нами, Робертс, – сказал он ему. – На обратном пути мы будем плыть мимо Англии, и я отправлю вас на родину.

– Что вы! – закричал Робертс в ужасе. – Там беглых матросов заковывают в кандалы и отправляют на виселицу!

– Это верно, – согласился Крузенштерн. – Но у меня в Англии много влиятельных знакомых, и я мог бы похлопотать за вас. Неужели вы совсем не тоскуете по родине, по родному языку, по большим городам?

– Нисколько, – ответил Робертс. – На родине я был беден, бездомен, вечно голоден. Мне приходилось работать по пятнадцати часов в сутки, жевать черствый хлеб, жить на чердаке. А здесь я свободен и сыт, я сам себе господин, у меня есть дом и семья. Уверяю вас, капитан, я отсюда никогда не уеду. Я был бы вполне счастлив, если бы черт унес куда-нибудь этого проклятого француза, который вечно делает мне пакости. Но на такое счастье невозможно надеяться. Крузенштерн задумался.

– Что же я могу предложить вам, Робертс? – сказал он наконец. – Я дал бы вам денег, но, боюсь, на Нукагиве они вам не пригодятся. Просите у меня сами чего хотите.

– Сначала я хотел попросить порошу и пуль, сэр, потому что у меня есть ружье и нет зарядов, – ответил Робертс. – Но потом я подумал, что мне никогда не придется стрелять из ружья: зверей, чтобы охотиться, здесь нет, островитяне относятся ко мне отлично, а Кабри трус и никогда не посмеет открыто напасть на меня. Нет, капитан, благодарю вас. Я ходил с вами по острову потому, что это

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru было для меня развлечением. Никакой награды мне не нужно.

И все же Крузенштерну удалось, хотя и невольно, оказать Робертсу услугу.

17 мая 1804 года на рассвете «Надежда» и «Нева» подняли якоря. Ветер дул порывистый, постоянно менявший направление, и выйти из узкого, загроможденного коралловыми рифами горла бухты Анны-Марики оказалось очень трудно. Только к вечеру оба корабля были в открытом море. Едва стемнело, к Крузенштерну подошел лейтенант Ромберг и доложил, что в старых парусах, сложенных на палубе, матросы нашли человека, который забрался туда, вероятно, еще накануне вечером.

– Кого? Нукагивского островитянина? – спросил Крузенштерн.

– Нет, капитан, – ответил Ромберг, – белого.

Крузенштерн был удивлен таким открытием и приказал немедленно привести этого человека к себе. Но он удивился еще больше, когда человек этот оказался французом Кабри.

Кабри повалился Крузенштерну в ноги.

– Простите, капитан, простите! – закричал он. – Меня оклеветал враг. Я всегда был искренним вашим другом.

– Зачем вы без разрешения забрались на мой корабль? – строго спросил Крузенштерн.

– Я знал, что вы откажетесь взять меня. Я был оклеветан и не имел возможности оправдаться, – продолжал Кабри. – А на Нукагиве оставаться я больше не мог, потому что мой враг собирался погубить меня, едва вы покинете остров.

– Как же он собирался вас погубить?

– Он хотел застрелить меня из ружья.

Крузенштерн усмехнулся, вспомнив, что у Робертса нет ни крупинки пороха.

– Смилуйтесь, капитан, не бросайте меня в воду! – умолял Кабри. – Я не хочу даром есть хлеб, я буду работать вместе с матросами. Вы, кажется, плывете сейчас на Гавайские острова. Высадите меня там. Я согласен жить где угодно, лишь бы мой враг был далеко.

Крузенштерн принужден был оставить француза на корабле. Впрочем, он был даже рад этому: он отблагодарил Робертса.

ГАВАЙСКИЕ ОСТРОВА

Оба корабля плыли теперь к Гавайским островам. Там им предстояло разлучиться надолго: Крузенштерн решил отправить «Неву» к Аляске, а сам на «Надежде» держать путь к Камчатке.

Такое разделение кораблей должно было намного ускорить решение многочисленных задач, стоявших перед экспедицией. В то время, когда «Надежда» будет находиться в Японии, «Нева» посетит русские владения в Америке.

25 мая вторично пересекли экватор и опять вошли в Северное полушарие. Дул ровный попутный ветер. Он смягчал тропическую жару, погода стояла теплая, мягкая и приятная. Стаи летучих рыбок взлетали на воздух вокруг кораблей. Моряки, отдохнувшие на Нукагиве, работали усердно и охотно.

В свободное время офицеры «Надежды» развлекались рассказами француза Кабри. Крузенштерн заставил его вымыться, постричься, побриться, одеться в матросский костюм. Но, когда он начинал говорить, все удивлялись диким суевериям этого европейца.

Он твердо верил в колдовство и разные заговоры. На груди у него висел волшебный

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru талисман, который он надел перед отъездом с острова для того, чтобы Крузенштерн не бросил его в море. Талисман состоял из кожаного мешочка, в котором лежали два свиных зуба. А чтобы талисман действовал верней, он положил в мешочек еще маленький медный крестик.

Он был глубоко убежден, что только благодаря этому талисману Крузенштерн оставил его на корабле.

Моряки особенно охотно слушали его рассказы о том, как он разными волшебными способами старался извести своего врага – Робертса.

– Эй, Кабри, – просили они его, – расскажи нам, как ты нагонял на Робертса болезнь.

– Да, я решил нагнать на Робертса болезнь, – начинал Кабри. – Для этого мне нужна была его слюна. Я пошел к Робертсу и притворился, что хочу помириться с ним. Он пожал мне руку. Тогда я угостил его гнилым бананом. Банан был горький, и Роберте начал плевать. Один его плевок попал на траву. Я сейчас же сорвал листик с плевком и отнес к себе в хижину. А там у меня уже был запасен волшебный порошок, который я достал у жреца, живущего в море. Я смешал слюну Робертса со щепоткой порошка, зашил смесь в мешочек, сплетенный из древесной коры, и зарыл потом этот мешочек в землю. Человек, слюна которого зарыта вместе с волшебным порошком в землю, начинает болеть и в конце концов после долгих мучений умирает.

– Ну что же, Роберте заболел?

– Нет! – печально восклицал Кабри. – Но я знаю, отчего он не заболел. Он сам волшебник, и на него никакое волшебство не действует.

Во время этого плавания между Нукагивой и Гавайями произошла неприятная история с Федором Толстым. Крузенштерн давно уже неодобрительно относился к дерзким проделкам молодого графа, но тут Толстой выкинул штуку, которая окончательно вывела капитана из терпения.

Толстой вез из Бразилии обезьяну. Обезьяна смешила весь экипаж любовью к подражанию. Она бродила за Толстым по пятам и делала все, что делал он: тасовала карты, разливала вино по бокалам, сосала трубку. Этим граф воспользовался для злой шутки.

Однажды утром вместе с обезьяной вошел он в капитанскую каюту. В каюте никого не было. Толстой взял лежавший на столе лист чистой бумаги, полил его чернилами и ушел, оставив свою обезьяну в капитанской каюте.

Через полчаса Крузенштерн, зайдя к себе в каюту, увидел там обезьяну, которая сидела на столе и аккуратно поливала чернилами его судовой журнал, лист за листом. Все драгоценные записи капитана о путешествии были испорчены. Их нужно было писать заново.

Крузенштерн сразу догадался, чьи это проделки. Он вызвал к себе Толстого и объявил ему, что на Камчатке высадит его на берег.

7 июня с корабля увидели землю. Это был самый южный и самый большой из Гавайских островов. Раньше всего заметили огромную гору Мауно-Лоа, возвышающуюся посреди острова. Вершина ее была скрыта в облаках.

В конце дня, перед сумерками, моряки увидели лодку, плывшую к «Надежде». Все выбежали на палубу встречать гостей.

В лодке сидели двое – мужчина и женщина. По виду они совсем не отличались от жителей острова Нукагива, но одеты были лучше: кроме юбочек, на них были еще рубашки из желтой бумажной материи. Они привезли с собой для продажи несколько дюжин кокосовых орехов, гроздь бананов и довольно тощего поросенка.

Впустив гостей на палубу, Крузенштерн вызвал Кабри, надеясь, что француз, знавшему язык жителей Нукагивы, удастся сговориться с гавайцами. Кабри заговорил очень бойко, но гавайцы ничего не поняли. Оказалось, что хотя и жители Нукагивы и жители Гаваев полинезийцы, но говорят они на разных наречиях. Гаваец, с

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
недоумением выслушав Кабри, вдруг заговорил на ломаном английском языке.

– Кто вас научил говорить по-английски? – спросил Крузенштерн, совсем сбитый с толку.

– У нас в деревне есть английская церковь и белый жрец, – ответил гаваец. – Он велит нам ходить в церковь, учит говорить по-английски. А кто не ходит в церковь, у тех он отбирает землю.

Крузенштерн понял, что речь идет об английском миссионере.

Минуло уже двадцать шесть лет с тех пор, как Кук открыл Гавайские острова, и восемнадцать лет с тех пор, как их посетил Лаперуз. За это время в жизни гавайцев произошли большие изменения.

Приступили к торговле. Крузенштерн приказал принести два топора и маленькое зеркальце. Гаваец презрительно сморщился и сказал, что этого мало. За такую цену он даст два-три кокосовых ореха, не больше. Крузенштерн прибавил еще топор и еще зеркальце, но гаваец и на это не согласился. Он рассказал, что к их острову каждый год подходят несколько европейских кораблей и все они привозят топоры, зеркальца и бусы. Крузенштерн дал ему сверх того несколько аршин полотна. Это гавайцу понравилось больше. И все же он не согласился отдать поросенка. Он просил сукно.

– К сожалению, у нас на корабле нет сукна, – ответил Крузенштерн.

Он говорил правду.

– А это что? – воскликнул гаваец, хватая Крузенштерна за рукав его капитан-лейтенантского расшитого золотом мундира.

Крузенштерн рассмеялся и объяснил гавайцу, что он не может отдать ему мундир.

Долго еще торговались.

Наконец гаваец уступил. Он продал поросенка, кокосовые орехи и бананы за полдюжины топоров, два зеркальца и десять аршин полотна.

– Немного нам удалось купить сегодня, – сказал Крузенштерн, посылая покупки повару. – Этого поросенка не хватит и на ужин. Авось завтра повезет больше.

Но на другой день совсем не повезло. Долго не появлялись лодки. Наконец после обеда к «Надежде» подошли две-три, но гавайцы, сидевшие в них, узнав, что на корабле нет сукна, сейчас же стали грести к берегу. Из всех европейских товаров жители Гавайских островов теперь ценили только сукно.

– Миссионер запрещает нам ходить голыми и велит всем одеться в суконное платье, – объясняли они. – Вот нам и приходится все отдавать за сукно.

Это была мера, чрезвычайно выгодная английским суконным фабрикантам.

– Мы зря сюда пришли и только напрасно потеряли время, – сердился Крузенштерн. – Высадим здесь своего пассажира и завтра же тронемся в дальнейший путь.

Он позвал Кабри и велел ему собираться.

– Я сейчас исполню ваше желание и отправлю вас в шлюпке на берег, – сказал он ему.

Но француз опять бросился на колени.

– Не губите, капитан! – причитал он. – Там, где есть английский миссионер, есть и французский. А он схватит меня, несчастного беглого матроса, и отправит в кандалах во Францию.

Крузенштерн подумал, что Кабри, пожалуй, прав. Он не питал злобы к этому невежественному человеку. Кроме того, француз был неплохим матросом.

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
– Ладно, – сказал он ему. – Оставайтесь. Я высажу вас на Камчатке.

Вечером Крузенштерн отправился на «Неву» поговорить с капитаном Лисянским. Оба капитана заперлись в каюте. Кораблям предстояло опять разлучиться, и на этот раз разлука должна была продолжаться больше года. Лисянский внимательно слушал своего командира.

Вот каков был план Крузенштерна.

Пока «Надежда» будет находиться на Камчатке, отвозить в Японию посла, исследовать еще неведомые берега Сахалина, «Нева» посетит русские колонии в Америке, выгрузит там товары Российско-Американской компании и наполнит свои трюмы мехами. В сентябре будущего года оба корабля встретятся в Китае, в португальском порту Макао. Там моряки продадут меха и проверят, насколько может быть выгодна торговля с Китаем.

Было уже очень поздно, когда Крузенштерн, крепко пожал Лисянскому руку, сел в шлюпку и вернулся на «Надежду».

Утром корабли расстались во второй раз. «Надежда» пошла на северо-запад, «Нева» – на северо-северо-восток.

КАМЧАТКА

13 июля с «Надежды» увидели наконец гористый берег Камчатки. Сосновые и пихтовые леса покрывали склоны гор, на вершинах которых блестел снег.

Моряки обрадовались этой угрюмой стране – все-таки это была окраина ихродины, там жили русские люди.

Следующим утром корабль вошел в Авачинскую губу и остановился против города Петропавловска.

Но в то время он только назывался городом – на самом деле это была небольшая русская деревушка, состоявшая из шестидесяти изб и трех деревянных казенных строений.

Число жителей в Петропавловске едва достигало ста восьмидесяти человек, причем женщин было не больше двадцати пяти, а остальные – мужчины, главным образом солдаты.

Моряки обрадовались, услышав снова родной язык, и почувствовали себя опять на родине, хотя от Европейской России отделяло их пространство во много тысяч верст.

Крузенштерн прежде всего занялся выгрузкой на берег товаров, присланных Российско-Американской компанией для Камчатки. Эта работа заняла целых две недели. Потом принялись за починку снастей и парусов, сильно истрепавшихся во время такого длинного путешествия. Снасти пришлось заменить новыми, на парусах поставили крепкие заплатки.

12 августа из Нижнекамчатска прискакал камчатский губернатор генерал Кошелев. От Нижнекамчатска до Петропавловска семьсот верст, но губернатор так соскучился в своей дикой дальней губернии, так хотел повидать гостей, прибывших из России, что проделал весь путь по непроходимым дебрям в две недели. Приезд губернатора был очень кстати: без его распоряжений морякам трудно было бы добыть в Петропавловске запас провизии, которого хватило бы на путешествие в Японию и обратно.

Губернатор приказал доставить на корабль мяса и свежей рыбы.

– Ешьте скорей, пока не испортилось, – говорил Крузенштерну. – Посолить рыбу впрок нам нечем. Соль на Камчатке – драгоценность и редкость: фунт стоит четыре рубля, да и по такой цене никто не отдаст.

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru
Недостаток соли помешал Крузенштерну запастись провизией в нужном количестве. Большая часть рыбы, взятой на Камчатке, скоро протухла, и ее пришлось выбросить. В пути из Петропавловска в Японию моряки по-прежнему питались петербургской солониной и петербургскими сухарями. И только пока стояли в самом Петропавловске, могли вволю питаться свежей рыбой и свежим мясом.

На Камчатке в составе пассажиров «Надежды» произошли некоторые изменения: «благовоспитанные молодые люди» доктор Бринкин и художник Курляндцев, которым путешествие успело надоесть, решили ехать в Петербург сухим путем, через Сибирь.

Кроме того, в Петропавловске Крузенштерн оставил одного из своих японцев, француза Кабри и поручика графа Толстого.

Японец этот сам умолял Крузенштерна оставить его в России. Он уверял, что в России ему жилось гораздо лучше, чем в Японии, и просил, чтобы ему разрешили вернуться в Иркутск. Крузенштерн согласился.

А француз Кабри поступил к камчатскому губернатору в лакеи. В те времена у русских бар считалось модным иметь лакея-француза, и губернатор был очень доволен.

Граф Федор Толстой изо всех сил стремился примириться с Крузенштерном, но Крузенштерн оказался непреклонным. Ему не нужен был такой спутник. Он списал Толстого с корабля и взял вместо него поручика Кошелева, младшего брата камчатского губернатора.

Федор Толстой не слишком был этим удручен. Оставленный в Петропавловске, он через некоторое время съездил на купеческом судне на Аляску, пожил среди американских индейцев, посетил Алеутские острова и тем полностью удовлетворил свою страсть к приключениям. Вернувшись в Петербург через Сибирь, он много лет хвастал своей татуировкой и своими похождениями.

3. ЯПОНИЯ ПРИБЫТИЕ

30 августа 1804 года «Надежда» вышла из Петропавловска и направилась к югу Японии.

Погода стояла бурная, мрачная, холодная. Шторм свирепствовал не переставая, в течение двух недель солнца не видели ни разу. В носовой части корабля обнаружили течь, которую никак нельзя было заделать в открытом море. Приходилось непрерывно откачивать воду, и эта дополнительная работа изнуряла моряков.

15 сентября наконец выглянуло солнце, буря немного улеглась, стало гораздо теплее.

28 сентября с корабля заметили берег острова Кю-Сю, на юго-западном побережье которого расположен японский порт Нагасаки. Большой остров этот горист и прорезан многочисленными заливами, глубоко вдающимися в сушу.

Португальцы, испанцы и голландцы издавна делали попытки завладеть Японией. Но японцы, разгадав их намерения, решили отделить свою страну от всего остального мира и не допускать в нее иноземцев. В 1638 году японским правительством был издан закон, который гласил:

«На будущее время, доколе солнце освещает мир, никто не смеет приставать к берегам Японии, хотя бы он даже был посланником, и этот закон никогда не может быть никем отменен под страхом смерти».

Но так как японские помещики нуждались в европейских товарах, пришлось из этого правила сделать исключение. Голландским купеческим судам разрешалось заходить в Японию, впрочем, только в один японский порт – в Нагасаки.

Таково было постановление японского правительства, чрезвычайно выгодное для

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru голландских купцов, которым вовсе не хотелось иметь конкурента и делить барыши с купцами других стран,

Владельцы и капитаны торговых голландских судов знали, что такое положение не может продолжаться вечно, что японское правительство поймет когда-нибудь выгоду торговли с другими государствами и отменит свое постановление. Поэтому голландцы старались изо всех сил помешать иностранным судам ходить в Японию и тщательно скрывали свои географические карты от других мореплавателей.

Вот уже почти двести лет голландцы посылали в Нагасаки свои корабли, а другие европейские народы не знали ни очертаний японских берегов, ни рифов и мелей, расположенных в море вокруг них.

В распоряжении Крузенштерна были чрезвычайно неточные японские и китайские карты, добытые одним французским мореплавателем у китайских географов. Японцы и китайцы в те времена не умели составлять настоящие географические карты – они чертили их на глазок, как вздумается, без указания широты и долготы. Земли, расположенные далеко друг от друга, они рисовали иногда рядом, а земли, расположенные рядом, попадали у них подчас на разные концы карты. Конечно, ни один моряк не мог руководствоваться в своем плавании такими картами. И Крузенштерну приходилось идти не только почти неизвестным путем, но и составлять при этом подробную карту берегов, которой могли бы пользоваться мореплаватели будущих времен.

Особенно измучили русских моряков заливы острова Кю-Сю. Каждый из этих длинных заливов Крузенштерн принимал сначала за пролив. Ему не раз казалось, что Кю-Сю не остров, а целый архипелаг небольших островов, отделенных друг от друга узкими проливами. Для того чтобы проверить это с достоверностью, ему приходилось входить в каждое углубление берега. Но всякий раз, разочарованный, он возвращался обратно, в открытое море, потому что найденные им проливы в конце концов преграждались горами и оказывались заливами.

Не меньше неприятностей доставили ему многочисленные маленькие островки, расположенные вокруг Кю-Сю. На японских картах они были указаны далеко от берега, потому что японские корабли были хуже европейских и всякое морское путешествие казалось японцам очень далеким. А между тем эти островки часто отделялись от берега узкими проходами, в которых кораблю угрожали отмели и подводные камни. Несмотря на жаркую летнюю погоду, ветер дул сильный, порывистый, и «Надежду» швыряло из стороны в сторону.

Все находившиеся на корабле с любопытством разглядывали японский берег. Японии в то время была для европейцев загадочной страной, о которой ходили разные необычайные слухи и рассказы.

Нигде на берегах Японии моряки не видели никаких стад – ни лошадей, ни коров, ни овец; по-видимому, японский крестьянин возделывал поля своими руками, без помощи домашних животных.

С моря хорошо были видны дороги. Дороги эти, проложенные совершенно прямо, как по мерке, уходили вдаль, насколько хватал взор. Каждая дорога была ровно обсажена двумя рядами высоких деревьев.

В заливах и бухтах моряки видели множество лодок – должно быть, рыбачьих. Крузенштерну хотелось поближе познакомиться с жителями страны, и он знаками предлагал рыбакам взойти на корабль. Но рыбаки, увидев русский корабль, начинали изо всех сил грести к берегу: они знали, что всякий японец, который осмелится заговорить с иностранцами без разрешения начальства, будет наказан.

Японцы, которых Крузенштерн вез из России, увидев берега своей родины, сначала немного повеселели. Но когда до Нагасаки было уже совсем недалеко, они вдруг снова стали мрачны и печальны. Какую встречу готовят им их соотечественники? Японцам в те времена было запрещено покидать родину.

Как доказать, что они попали в Россию не добровольно? В Нагасаки у них не было ни знакомств, ни связей, так как родом они были из Северной Японии. 8 октября рано утром «Надежда» вошла в большой залив, на берегу которого расположен город Нагасаки. К кораблю подошла лодка, и на палубу поднялся японский чиновник. Он был без шапки, в шелковом цветном кимоно до пят.

Чиновник долго и прилежно кланялся всем, нагибаясь почти до полу. Посол Резанов с помощью своих японцев стал задавать ему вопросы, но чиновник по-прежнему кланялся, бормоча что-то невнятное. Потом сам стал спрашивать, что за корабль, какому государству принадлежит и зачем прибыл в Японию. Узнав, что перед ним находится посол, он быстро поклонился еще раз пятьдесят, слез к себе в лодку и уехал.

Через час, когда до Нагасаки было уже совсем близко, на корабль прибыл другой чиновник, кланявшийся не меньше первого. Он уже ничего не спрашивал и был нем как рыба. Очевидно, он исполнял в порту обязанности лоцмана, потому что стал рядом с Крузенштерном и начал показывать ему, как войти в гавань. А когда «Надежда» вошла в гавань, он указал, где стать на якорь.

Город из гавани не был виден, потому что гавань окружена высокими холмами, и Нагасаки расположен немного отступя от берега. На холмах моряки сразу заметили сложные укрепления – форты, крепости, батареи. В случае надобности японцы могли с трех сторон обстрелять из пушек находившиеся в гавани суда.

Гавань была полна кораблей. Всюду, куда ни взглянешь, виднелись мачты и развевающиеся по ветру флаги. Вокруг «Надежды» стояли китайские джонки, прибывшие из Китая с грузом шелка, и мною японских судов; в большинстве это были просто широкие, вместительные лодки с навесом, защищавшим гребцов от солнца. Лодки, украшенные различными вымпелами и знаменами, поспешно кружили по гавани. Стояли здесь и довольно крупные парусные японские суда, с обширной палубой, покрытые черной тканью, вооруженные пушками, но их было немного.

Вдали, на другом конце гавани, Крузенштерн разглядел два-три корабля под голландскими флагами. По внешнему своему виду корабли были не военные, а купеческие и притом не очень крупные. Среди всех судов Нагасакской гавани «Надежда» была самым большим.

Едва «Надежда» стала на якорь, чиновник, исполнявший обязанности лоцмана, уехал на берег. Но через полчаса к «Надежде» снова причалила японская лодка. Теперь на палубу вошло сразу десять человек. Новоприбывшие держали себя совсем иначе, чем те два японца, которые приезжали раньше на корабль. Они не только никому не кланялись, но даже, казалось, никого не замечали. Крузенштерн, встретивший их, попытался с ними заговорить, но они, к его удивлению, ничего ему не ответили. Безмолвно, не спросив разрешения, они спустились по трапу в кают-компанию. Начальники сели на диван, а слуги поставили перед ними по ящику с маленькими курительными трубками и по небольшому чугунному котелку с горячими углями. Каждый начальник взял трубку, разжег ее угольком и закурил. Но трубки были так малы, что, сделав две-три затяжки, приходилось класть их обратно в ящики и брать новые. Все трубки набили табаком еще до приезда на корабль.

Изумленный таким бесцеремонным поведением гостей, Крузенштерн вызвал Резанова и двух японцев, бойко говоривших по-русски.

Но на поклон посла начальники тоже не обратили внимания. Так, в полном безмолвии, курили они минут десять. Наконец один из начальников что-то сказал вполголоса своему подчиненному. Тот выслушал своего господина, согнувшись пополам и опустив руки до полу. Пока начальник говорил, он с почтительным шипением втягивал в себя воздух. Потом выпрямился и, обращаясь к Крузенштерну, произнес несколько слов по-голландски.

Тогда все разъяснилось. Подчиненные были переводчики с голландского языка на японский, а начальники – офицеры, которым нагасакский губернатор поручил наблюдение за портом. Такое странное поведение японцев было обычной японской церемонией: знатный японец должен сначала посидеть, покурить и только минут через десять может начать разговор.

Крузенштерн во время своих далеких странствий по свету, а особенно во время своего пребывания в Капштадте, у мыса Доброй Надежды, выучился немного говорить по-голландски и мог теперь кое-как объясняться с японскими офицерами через их переводчиков.

Начался разговор. Едва Крузенштерн произнес первую фразу, как переводчик толкнул его легонько в спину, давая ему понять, что, разговаривая с такими важными

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru
лицами, нужно кланяться. Но Крузенштерн продолжал говорить, стоя совершенно прямо. Японские офицеры слушали его с каменными, ничего не выражавшими лицами.

Он рассказал о цели своего приезда в Нагасаки и о желании русского правительства заключить с Японией торговый договор. Узнав, что Резанов – посол, японцы, сидевшие на диване, слегка поклонились ему не вставая.

Крузенштерн спросил, когда Резанову можно будет ехать в столицу Японии для переговоров, когда команде «Надежды» разрешат сойти на берег и как поступить с японцами, привезенными из России. Но вместо ответа японские офицеры стали задавать ему вопросы о путешествии, совершенном «Надеждой». Они показали при этом, что познания их в географии довольно обширны: им было, например, известно, что Teneriff – один из островов Канарского архипелага и что Дестеро находится в Бразилии.

– Как вы шли из Камчатки в Нагасаки: вдоль восточного берега нашей страны или вдоль западного? – спросили они его.

– Вдоль восточного, – ответил Крузенштерн.

Японцы, казалось, были довольны: они разрешали голландцам подъезжать к Нагасаки только с востока, а западное побережье Японии тщательно скрывали от европейцев. Но от ответов па вопросы Крузенштерна они уклонились, сказав, что вечером доложат обо всем нагасакскому губернатору и губернатор все решит. Они просили русских без позволения губернатора не съезжать на берег и не посещать других судов, стоящих в гавани. А о поездке Резанова в столицу говорить еще рано, потому что это может решить только сам император.

Моряки, находившиеся в это время на палубе, с интересом разглядывали лодку, в которой приехали гости. Лодка, привязанная канатами к кораблю, не была пустой. Там под навесом шевелились какие-то люди. Сквозь щели навеса моряки «Надежды» разглядели там людей, одетых в европейские мундиры.

Через полчаса на палубу из кают-компания вышел японский переводчик и, подойдя к борту, громко крикнул людям в лодке по-голландски:

– Господа, вам разрешается взойти на корабль!

Разрешение было дано не Крузенштерном, а японскими офицерами, которые распоряжались теперь на «Надежде», как па своем собственном корабле.

Из лодки по трапу поднялись на палубу четыре важных голландца. Они приехали в гости вместе с японцами, но должны были из почтения к японским офицерам полчаса просидеть в лодке. Спустившись в кают-компанию, они даже не взглянули на Крузенштерна и Резанова, а остановились прямо против японцев, сидевших на диване..

Голландцы поклонились дивану, опустив лысые головы ниже колен и коснувшись руками иола. Только тогда обернулись они к русским, пожали им руки и представились. Это были: директор голландской фактории в Нагасаки Дуф, его секретарь, два капитана стоявших в гавани голландских кораблей и важный голландский чиновник барон Пабст. Крузенштерн предложил им сесть. Голландцы опасливо взглянули на японских офицеров, потоптались немного и наконец, набравшись храбрости, решились усесться на стульях.

Директор Дуф говорил по-английски. Крузенштерн очень обрадовался этому: он может поговорить с ним о чем захочет, а японцы их не поймут.

– Отчего вы так унижаетесь перед японцами? – спросил Крузенштерн.

– Л как же иначе? – сказал Дуф. – Хочешь торговать с японцами, так подчиняйся их правилам и терпи. Если из вашего посольства выйдет какой-нибудь толк, вы будете унижаться не меньше нас. Впрочем, не думаю, чтобы господина Резанова пустили в столицу Японии. Вероятнее всего, вас выпроводят отсюда ни с чем, как выпроводили англичан, приходивших в Нагасаки лет пять назад...

Крузенштерн не особенно доверчиво слушал пророчество Дуфа: было ясно, что голландцы не хотят допустить русских конкурировать с ними в Японии. Ему

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru казалось, что Дуф просто пугает его, и он заговорил с голландскими капитанами. Разговор скоро налачился – капитанам было интересно поговорить с таким опытным моряком, как Крузенштерн. Они охотно рассказывали ему о своих плаваниях вокруг Африки, по Индийскому океану, среди островов Индонезии. Но, как только Крузенштерн заводил разговор о Японии, где они бывали много раз, капитаны начинали путаться, сбиваться, отвечать невпопад. Они упорно скрывали свои знания от иностранцев.

Наконец гости собрались уезжать. Японские офицеры поднялись все с теми же каменными и надменными лицами. На прощание они объявили, что завтра «Надежду» посетят секретари губернатора и начальник города. Крузенштерн очень обрадовался этому известию: он надеялся, что важные особы, собирающиеся посетить корабль, привезут с собой разрешение морякам съезжать на берег и сообщат наконец что-нибудь о предполагаемой поездке русского посла в город Иеддо, столицу Японии, к японскому императору. Но при этом офицеры прибавили несколько совсем неутешительных слов – они заявили, что секретари губернатора отберут у команды «Надежды» все ружья и весь порох.

– Наше правительство не желает, чтобы в Нагасакской гавани находились вооруженные иностранцы, – сказали они. – Когда вы будете уезжать отсюда, мы вам вернем и ваши ружья и ваш порох.

Крузенштерн сильно встревожился и спросил директора Дуфа:

– Скажите, директор, голландские корабли, приходя в Нагасаки, тоже отдают весь свой порох японцам?

– Конечно, – ответил голландец. – Мы отдаем не только порох, но даже шпаги. Иначе нас ни за что бы сюда не пустили.

И лодка отошла, увозя гостей.

На другой день в четыре часа к кораблю подошло несколько лодок, груженных рыбой, пшеном и живыми гусями. Крузенштерн подумал, что провизия эта привезена на продажу, и стал знаками спрашивать о цене. Но японец-переводчик, находившийся в одной из лодок, объяснил ему, что рыба, крупа, гуси присланы нагасакским губернатором в подарок русским морякам и денег за них платить не нужно. Все на корабле очень обрадовались такому подарку, потому что давно уже не ели свежей пищи.

Через час приехали новые гости, в небольшой барке, разукрашенной цветными флажками. Барку эту тащили на буксире четыре лодки. Гости – секретари губернатора и начальник города – взошли на палубу в сопровождении многочисленной свиты, среди которой было несколько музыкантов, непрерывно бивших в литавры. Крузенштерн повел гостей в кают-компанию. Они держали себя совершенно так же, как приезжавшие вчера офицеры: начальники сели на диван и закурили, а подчиненные остались стоять.

Среди подчиненных было несколько переводчиков, и минут через десять Крузенштерну удалось начать разговор.

Прежде всего он, конечно, спросил, когда русскому послу будет разрешено ехать в Иеддо. Но японцы заявили, что на этот вопрос может ответить только правительство и им самим ничего не известно.

– Губернатор еще вчера послал в Иеддо курьера с сообщением о вашем прибытии, – сказали они.

Крузенштерн спросил, далеко ли от Нагасаки до Иеддо и сколько времени потребует курьеру, чтобы съездить туда и обратно, но ответ получил явно преувеличенный и неопределенный.

– Очень далеко. Вам придется подождать полтора-два месяца.

Крузенштерн знал, что Япония, в сущности, невелика и в ней не может быть очень больших расстояний.

Но японцы всякий раз отвечали ему так, что он не мог себе представить географию

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru их государства. Очевидно, расположение своих городов они считали военной тайной.

Тогда Крузенштерн стал просить, чтобы русским морякам разрешили гулять по берегу и чтобы послу Резанову позволили до получения ответа из Иеддо жить в городе.

– Мы это обсудим. Мы передадим вашу просьбу губернатору. Мы ничего вам не можем сейчас обещать, – твердили японцы.

Также не дали они никакого ответа на вопрос, что делать с их соотечественниками, привезенными из России. Секретари губернатора были важные господа и брезгливо морщились, когда с ними заговаривали о нищих рыбаках, потерпевших крушение у русских берегов.

– Пусть пока поживут у вас на корабле, – говорили они. – Если посол поедет в Иеддо, он захватит их с собой. А если посол в Иеддо не поедет, мы еще успеем решить, что с ними делать.

Побеседовав полчаса, секретари губернатора потребовали, чтобы им выдали весь порох и все ружья, находившиеся на корабле. Крузенштерн колебался, не зная, как поступить. Но посоветовавшись с Ратмановым и Ромбергом, он решил согласиться на требования японцев: ведь все равно в этой гавани, окруженной японскими батареями, «Надежда» при столкновении с японцами была бы разнесена, уничтожена, даже если бы ей оставили порох. Одного только он хотел добиться во что бы то ни стало – чтобы не отбирались ружья у шести матросов, составлявших почетную стражу посла. После долгих споров японцы уступили – шестерым матросам оставили их ружья и немного зарядов. Весь остальной порох и все остальные ружья были свалены на барку и увезены.

– И все же с нами поступили милостивее, чем с голландцами, – улыбаясь, сказал Ратманов Крузенштерну. – У нас не отобрали наши шпаги.

Прощаясь с гостями, Крузенштерн попросил их послать на корабль какого-нибудь купца, у которого он мог бы покупать провизию для команды, пока «Надежда» стоит в Нагасаки.

– Одни только голландцы имеют право покупать провизию и товары у наших купцов, – ответил первый секретарь губернатора. – С Россией у нас нет еще торгового договора, и вы ничего здесь покупать не имеете права. Все, что вам понадобится, губернатор будет присылать бесплатно.

Японские чиновники уехали вместе со свитой, но теперь «Надежду» чуть ли не каждый день стали посещать разные высокопоставленные особы, и Крузенштерн скоро привык принимать гостей.

Моряки давно уже заделали течь в днище своего корабля, и «Надежда» была готова к выходу в море. Но недели шли за неделями, а дело почти не двигалось с места. Прошло полтора месяца, прежде чем губернатор наконец согласился удовлетворить просьбу Крузенштерна и разрешил морякам гулять по берегу. Но конечно, он не позволил им ходить куда угодно. Для прогулок русских моряков на берегу среди пустырей было отведено место в сорок шагов длины и двадцать шагов ширины. Место это обнесли широким крепким забором и поставили кругом вооруженную стражу. Моряки могли там гулять по измятой траве вокруг единственного дерева. Причем, когда шлюпка «Надежды» отвозила моряков в это место для гулянья, ее всякий раз сопровождала целая флотилия лодок, полная солдат. Естественно, что подобные предосторожности отбивали всякую охоту выходить на прогулку, и клочок суши, отведенный русским морякам, пригодился только одному человеку – астроному Горнеру, который отвез туда свой телескоп и устроил временную обсерваторию.

– Там, по крайней мере, нет качки, – объяснил Крузенштерну Горнер. – С качающейся палубы очень трудно смотреть на звезды в телескоп.

Резанову переселиться на берег разрешили еще позже. Японцы все отговаривались тем, что они не могут подыскать помещения, достойного такой важной особы, как русский посол.

В конце концов через два месяца после приезда японцы выполнили эту просьбу Крузенштерна. Они выбрали на самом берегу небольшой двухэтажный домик, стоявший особняком от других, и обнесли его со всех сторон толстым, крепким забором.

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru
Забор этот отгораживал дом даже от моря. Единственные ворота, прорубленные в заборе, выходили к воде и запирались большим замком, ключ от которого находился у начальника японской стражи. Когда забор был готов, Крузенштерна известили, что посол может переехать в дом.

Крузенштерн никогда прежде не бывал в японских домах и поэтому, приехав осмотреть будущее жилище посла, очень удивился. У японцев нет никакой мебели, и дом внутри был совершенно пуст. Комнаты отделялись друг от друга большими ширмами из плотной бумаги, которые свободно передвигались с места на место. Благодаря этим передвижным стенкам, живущие в доме могли по желанию придавать своим комнатам любую форму.

Сдвигающимися стенками Крузенштерн кое-как еще примирился, но с отсутствием мебели он примириться не мог. По его приказанию в дом посла привезли с «Надежды» стулья, столы и кровать.

Переезд Резанова в его новое жилище совершился 17 декабря. Японцы, к удивлению моряков, обставили этот переезд с чрезвычайной торжественностью и оказали русским в этот день множество неожиданных почестей. Какой-то богатый японский князь, живший в Нагасаки, прислал послу для путешествия на берег свою яхту. Никогда еще русские не видали судна, отделанного с такой роскошью: стены кают были покрыты блестящим лаком, лестницы сделаны из красного дерева, иол всюду устлан драгоценными коврами, занавески перед дверьми вытканы золотом, а по бортам всего судна висели огромные шелковые разноцветные флаги с какими-то надписями. Едва Резанов вместе со своей свитой спустился в яхту, как на носу ее был поднят русский флаг. Яхта плыла в сопровождении нескольких сотен разукрашенных лодок. В лодках сидели музыканты, которые играли на странных японских инструментах.

Так въехал русский посол в свой дворец. Но, как только он оказался внутри, его заперли на замок. И впоследствии всякий раз, когда Крузенштерн ездил к послу и когда посол ездил на «Надежду» к Крузенштерну, приходилось вызывать привратника и отпирать ворота. Жить с послом имело право только определенное число людей, и каждый вечер остававшихся на берегу русских пересчитывали.

На другой день после переезда посла японские чиновники заявили Крузенштерну, что губернатор поручил им перевезти с корабля в дом посла подарки, которые русский царь прислал японскому императору. Так как подарки эти заключались главным образом в огромных драгоценных зеркалах, не помещавшихся ни в какой лодке, для перевозки их пришлось соорудить илот из толстых бревен. Положив зеркала на илот, японцы почему-то закрыли их ворохами красных, необычайно дорогих сукон.

– Стоит ли на упаковку тратить такие сукна, – сказал им Крузенштерн. – Зеркалам ничего не сделается, если вы их покроете просто рогожей.

Но чиновники пришли в ужас от его слов. Покрывать подарки, предназначенные для императора, рогожей – это кощунство!

От этих чиновников Крузенштерн узнал, что, если император согласится принять подарки русского царя, эти зеркала будут отнесены из Нагасаки в Иеддо на руках.

– Нельзя иначе! – восклицали японцы. – Два года назад китайский император прислал в подарок нашему императору слона, и наш император приказал отнести этого слона из Нагасаки в Иеддо на руках.

– И отнесли? – спросил Крузенштерн.

– Отнесли! – ответили японцы.

Время шло, а русские все никак не могли узнать, примет император посла или не примет. Японцы уверяли, что ответ из Иеддо еще не получен.

Моряки изнывали от скуки и безделья. Им запретили встречаться даже с голландцами. Директора Дуфа Крузенштерну не удалось повидать больше ни разу. Однажды голландский корабль, собиравшийся покинуть гавань и поднявший якоря, подошел случайно совсем близко к «Надежде». На капитанском мостике этого корабля Крузенштерн увидел одного из капитанов, которые приезжали к нему в гости вместе с Дуфом. Поднеся ко рту рупор, Крузенштерн громко пожелал отъезжающему капитану

счастливого пути, но голландец ничего не ответил и отвернулся. Крузенштерн рассердился, но потом, узнав, что японцы строжайше запретили голландцам разговаривать с русскими, он понял, что капитан иначе поступить не мог.

Как-то рано утром в гавань пришли еще три голландских корабля. На «Надежду» приехал японский офицер и предупредил, что новоприбывшие будут сейчас салютовать Нагасакской крепости пушечными выстрелами.

– Не примите этот салют на свой счет, – сказал он, – и не вздумайте отвечать салютом.

Предупреждение было вздорное, потому что русские все равно не могли палить из пушек, не имея ни крупинки пороха. Голландцы начали салютовать и стреляли в течение шести с половиною часов. Крузенштерн насчитал четыреста выстрелов.

В те времена, но международным обычаям, судно, приходившее в порт дружественной страны, должно было салютовать самое большее тринадцатью выстрелами. Каково же было удивление Крузенштерна, когда на четыреста выстрелов голландских кораблей японская крепость не ответила ни одним!

Живя на корабле, Крузенштерн, конечно, не мог узнать много о жизни и обычаях японцев. Но кое-что он все же узнал и записал. Вот отрывок из его записей:

«Одеяние японцев состоит из короткого верхнего платья с широкими рукавами и из узкого нижнего, длиною по самые пяты, которое подобно одежде европейских женщин, с тою притом разницей, что внизу гораздо уже и для ходьбы очень неудобно. Богатый отличается от бедного тем, что первый носит одежду из шелковой, а последний – из простой толстой ткани. Верхнее платье обыкновенно черное, однако носят и цветное. Праздничное по большей части пестрое.

У многих на верхнем платье вышит фамильный герб величиной с большую монету.

С одного взгляда по гербу можно узнать, к какому семейству принадлежит тот или другой знатный японец. Женщины до замужества носят отцовский герб, а после замужества – герб мужа. Величайшая почесть, которую князь или губернатор кому-либо оказывает, состоит в подарке верхнего платья со своим гербом. Получивший такое отличие носит

свой фамильный герб на нижнем платье. Посланнику нашему твердили много раз о великом счастье, которое ждет его, если император подарит ему платье, украшенное гербом императорским.

Зимой носят японцы часто по пяти и по шести одно на другое надетых платьев.

Но из сукна и из мехов не видел я ни одного, хотя в январе и феврале бывает погода очень суровая.

Странно, что японцы не умеют обувать ног своих лучше. Их чулки, длиною до половины икр, сшиты из бумажной ткани. Вместо башмаков носят они одни подошвы, сплетенные из соломы, которые придерживаются ремешками, надетыми на большой палец. Полы в их комнатах покрыты всегда толстым сукном и тонкими рогожами. И потому японец, входя в дом, скидывает с ног свои подошвы. Знатные не чувствуют неудобства такой бедной обуви, потому что они почти никогда не ходят, а сидят весь день подогнувши ноги. Но простой народ, составляющий, может быть, девять десятых всего населения, конечно, должен терпеть от того много

в зимние месяцы.

Голова японца, обритая до половины, не защищается ничем ни от жары в двадцать пять градусов, ни от холода в один и два градуса, ни от пронзительных северных ветров, дующих во все зимние месяцы. Но время дождя только носят они зонтик. Крепко намазанные помадою, лоснящиеся волосы завязывают на макушке в пучок, который наклоняется вперед. Уход за волосами должен стоить японцу много времени. Он не только ежедневно их намазывает и чешет, но ежедневно же и подстригает. Породы своей японцы не стригут и не бреют, а выдергивают по волоску щипчиками, чтобы не скоро росло. Эти щипчики вместе с металлическим зеркальцем каждый японец держит в карманной своей книжке.

Японцы так чистоплотны, что в этом отношении им нельзя сделать никакого упрека, несмотря на то что рубашек, без которых мы не можем представить себе никакой телесной опрятности, они не носят. Судя по всему нами примеченному, кажется, что соблюдение чистоты есть свойство, общее всем японцам всех сословий.

31 марта и 1 апреля японцы справляли праздник. Он состоял в том, что родители дарили своим дочерям разные игрушки. Посвящая такой детской забаве два дня, японцы считают ее очень важной. Когда наступил этот праздник, они даже и к нам прислали переводчика с просьбой прекратить временно на корабле все работы».

ДИПЛОМАТИЯ

Только с середины февраля 1805 года начали появляться первые, вначале неясные, сведения о том, какая судьба ожидает русское посольство.

На корабль однажды приехали японские чиновники и переводчиками и объявили, что из Иеддо в Нагасаки императором отправлен уполномоченный, которому поручено вести переговоры с русским послом. По их словам, уполномоченный находился в пути. Он очень важный сановник, настолько важный, что имел право смотреть императору на ноги.

– Почему на ноги? – удивился Крузенштерн.

Японцы объяснили ему, что обыкновенные подданные их императора должны в его присутствии лежать ничком на полу и могут при этом смотреть только в иол. И лишь самые важные японские вельможи, разговаривая с императором, имеют право смотреть ему на ноги. Одним императорским родственникам, и то в исключительных случаях, разрешается глядеть на живот своего повелителя.

Крузенштерн стал догадываться, что Резанову не придется ехать в Иеддо. Вряд ли император отправил такого важного сановника только для того, чтобы сопровождать русского посла в пути. Очевидно, ему поручено вести переговоры с послом в Нагасаки.

Скоро это предположение подтвердилось. 20 марта японцы официально сообщили Крузенштерну, что сановник, посланный императором, переговорит с послом обо всем здесь, в Нагасаки. Приезд сановника ожидался со дня на день.

30 марта он наконец приехал в Нагасаки вместе со свитой, состоящей из восьми вельмож. Ему отвели дом недалеко от дома русского посла.

Сейчас же начались переговоры между Крузенштерном и японцами о том, какими церемониями должна сопровождаться дипломатическая встреча представителей двух держав. Японцы хотели, чтобы, здороваясь, русский посол поцеловал ногу уполномоченного их императора. В конце концов сговорились на том, что Резанов поздоровается с японским сановником по-европейски, легким наклоном головы, но зато явится без башмаков, без шпаги и будет сидеть на полу.

Первая встреча состоялась 4 апреля. Резанова вынесли из его дома на носилках, покрытых балдахином. За носилками следовали пешком пять человек – майор Фредерици, поручик Кошелев, советник Фос, доктор Эспенберг и лейтенант Левенштерн. Это была свита посла. Перед носилками шел матрос и нес знамя.

Эта встреча была еще не деловая, и устроили ее только для того, чтобы представители обеих держав познакомились друг с другом. Сказав друг другу несколько вежливых слов и взаимно справившись о здоровье, Резанов и японский сановник расстались.

Вторая встреча, деловая, должна была состояться на следующий день, 5 апреля.

Резанова во второй раз внесли под балдахином в дом сановника. После новых приветствий и изъявлений вежливости приступили к делам. Представитель японского правительства прочитал длинное, чрезвычайно торжественное послание, подписанное японским императором. Переводчики перевели слова послания на голландский язык.

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru

В послании японский император запрещал впредь русским судам посещать японские порты и отказывался подписывать какой бы то ни было торговый договор. Мало того, он не хотел даже принять привезенные ему из России подарки.

В японской ответной грамоте говорилось:

«Могущественный государь российский посылает посланника и множество драгоценных подарков. Приняв их, властелин японский должен был, по обычаям страны, отправить посольство к императору России с подарками, столь же ценными. Но существует запрещение жителям и судам оставлять Японию. К тому же Япония не столь богата, чтобы ответить равноценными дарами. Следовательно, властелин японский не может принять ни посланника, ни подарки».

Итак, первое русское посольство в Японию должно было вернуться на родину, ничего не добившись.

Впрочем, в послании своем японский император был очень любезен. Он обещал бесплатно снабдить русский корабль на два месяца провизией и сверх того дарил русским морякам две тысячи мешков соли, две тысячи маленьких шелковых ковриков и сто мешков пшена.

Провизию, соль, пшено, шелковые коврики – все это японцы доставили на корабль в несколько дней. Резанов покинул свой дом и вернулся на корабль вместе с зеркалами, которых никому не пришлось нести на руках в Иеддо.

Несчастные японцы, привезенные из России, получили наконец право оставить корабль и сойти на берег. С огорчением покидали они «Надежду». Родина встретила их неприветливо, они не скрывали, что опасаются за свое будущее.

18 апреля 1805 года «Надежда» вышла из Нагасакской гавани.

АЙНЫ

Возвращаясь на Камчатку вдоль восточных берегов Японии, – говорили Крузенштерну японцы перед отъездом. – Вдоль западных берегов мы иностранцам плавать не позволим.

Оказавшись снова в открытом море, моряки вздохнули с облегчением. Тяжелый семимесячный гнет кончился, они опять чувствовали себя на свободе. Здесь Крузенштерн не обязан был слушаться японских приказаний. И, отойдя верст на пятьдесят от Нагасаки, он внезапно решил идти на север запрещенным путем, как раз вдоль западных берегов Японии.

Он, в сущности, ничем не рисковал. Порох ему перед отъездом вернули, и пушки «Надежды» были теперь так же опасны для врагов, как прежде. Он видел в Нагасаки японский флот и знал, что у японцев нет ни одного судна, способного тягаться с «Надеждой» в быстроте и силе, – значит, нечего опасаться погони. Испортить таким непослушанием дипло магические отношения между Японией и Россией он тоже не боялся, потому что японцы сами не хотели иметь с Россией никаких дипломатических отношений.

А привлекательного в этом пути было очень много.

Во-первых, этим путем не проходил еще ни один европейский мореплаватель, кроме Лаперуза, который держался все время возле берегов Азиатского материка и поэтому мог сообщить очень мало сведений о Японии. Западное побережье Японии было известно только по японским и китайским картам, а Крузенштерн уже имел случай судить об их точности. Даже число главных островов Японского архипелага вызывало в те времена споры географов.

Во-вторых, путь этот вел к острову Сахалин, который тогда был, пожалуй, одним из самых неисследованных мест земного шара. Кроме Лаперуза, никто из европейцев Сахалина не посещал. Лаперуз исследовал только небольшую часть побережья

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru
Сахалина. Он утверждал, что Сахалин – остров.

Но многие географы того времени не соглашались с ним и утверждали, что Сахалин не остров, а полуостров, соединенный с Азиатским материком узким перешейком.

В-третьих, этот путь был, по предположению Крузенштерна, короче пути вдоль извилистых восточных берегов Японии. И понятно, что Крузенштерн не хотел упускать случая пройти этим путем.

«Надежда» под всеми парусами вошла в Корейский пролив.

20 апреля увидели остров Цусима, лежащий в самом конце Корейского пролива. Занеся тщательно берега Цусимы на карту, Крузенштерн вывел свой корабль в Японское море и направился дальше на север. Сначала он из осторожности старался держаться в открытом море, вдали от берегов, но потом, достигнув 39° северной широты, решил свернуть к востоку и поискать берег Японии.

1 мая снова увидели землю. Это был безусловно остров Хондо, самый большой из островов Японии. Берег вдавался в море длинным мысом, на котором стояла дымящаяся гора – большой вулкан. «Надежда» обогнула мыс и пошла дальше к северу, не теряя уже берега из виду, но осторожно держась от него на довольно большом расстоянии. Впрочем, ничего опасного морякам заметить не удалось – море было пустынно, а северная часть Хондо, загромажденная горами, казалась необитаемой.

Через два дня увидели на берегу маленький японский городок, расположенный в цветущей долине. Поля вокруг городка были так же усердно обработаны, как на Кю-Сю. На склонах холмов росли небольшие темно-зеленые рощи. В устье речки возле городка стояло много больших лодок. Очевидно, жители этого побережья занимались рыболовством.

Крузенштерн не хотел попадаться на глаза японцам и, увидя городок, повернул от берега. Но в городке успели заметить большой иностранный корабль. Японцы послали ему вдогонку шесть лодок, в каждой из них сидело человек по тридцать. Ветер в тот день был очень слабый, и лодки, мчавшиеся на всех веслах, догоняли корабль. Крузенштерн приказал на всякий случай зарядить пушки. Он не знал, какие намерения у людей, гнавшихся за ним. Наконец лодки поравнялись с кораблем. Крузенштерн крикнул им в рупор несколько учтивых японских приветствий, которым научился в Нагасаки, но японцы ничего не ответили. Они обошли на своих лодках вокруг корабля и направились обратно к берегу. Очевидно, русский корабль показался им очень большим, и они решили с ним не связываться.

На другой день к вечеру Крузенштерн увидел наконец Цугарский пролив, отделяющий Хондо от Хоккайдо, самого северного острова Японии. Точное положение этого пролива не было тогда еще известно европейцам, и поэтому Крузенштерн истратил весь следующий день на изучение его.

Затем, войдя опять в Японское море, он отправился дальше, к северу, вдоль западных берегов острова Хоккайдо.

Здесь уже были совсем неведомые края. Каждый мыс, каждый залив был для него неожиданностью. Однажды ему даже почудилось, что он открыл новый пролив, который разделяет Хоккайдо на две части. Если бы это было так, пришлось бы признать, что Хоккайдо не один, а два острова. Двое суток потратила «Надежда» на исследование предполагаемого пролива. Но в конце концов оказалось, что это не пролив, а большой залив, врезающийся в сушу.

10 мая «Надежда» наконец достигла самой северной точки острова Хоккайдо и вошла в пролив Лаперуза, который отделяет Хоккайдо от Сахалина. Погода стояла туманная, и сахалинский берег не был виден.

За все плавание вдоль берегов Хоккайдо Крузенштерн ни разу не заметил на этом острове человеческого жилья и пришел к выводу, что этот большой японский остров почти необитаем. А если так, то кто ему может пометать высадиться на берег?

И он стал искать подходящую бухту.

Бухта нашлась очень скоро, вполне подходящая для стоянки. Но в одном Крузенштерн ошибся. Хоккайдо был обитаем. Когда «Надежда» обогнула мыс и вошла в бухту,

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
навстречу ей попалась небольшая лодочка, в которой сидел человек.

– Это не японец, – сказал Ратманов, смотревший в подзорную трубу.

Действительно, человек, сидевший в лодке, был совсем не похож на японца. Японцы выщипывают свои бороды, а у него была большая черная борода лопатой. Японцы во всякую погоду ходят без шляп, а голову человека в лодке покрывала широкая конусообразная соломенная шляпа. Японцы носят шелковые кимоно, а одежда человека в лодке состояла из собольих шкур. Видом своим он напоминал скорее камчадала, чем японца. Лодка его была полна рыбы.

– Это, вероятно, мохнатый айн, – предположил Крузенштерн.

О мохнатых айнах в Европе узнали от католических монахов-иезуитов, которые в XVII веке приехали в Японию, чтобы сделать японцев христианами. Изгнанные из Японии иезуиты рассказывали, что на севере Японии живет особый народ – мохнатые айны. Мохнатыми этих людей называли будто бы оттого, что все тело их покрыто шерстью, как у животных. Так как Хоккайдо самый северный из японских островов, естественно было предположить, что жители его, не похожие на японцев, – мохнатые айны.

Крузенштерн замахал человеку в лодке рукой, прося его приблизиться к кораблю. Но тот изо всех сил стал грести к берегу и скрылся в тумане.

Впрочем, как только «Надежда» стала на якорь, ее окружило несколько десятков лодок; в каждой из них сидел человек с такой же бородой и в такой же соломенной шляпе. Крузенштерн знаками пригласил их всех на палубу, и они сразу же забралась по канатам, таща на спинах кули с рыбой. Поклонившись несколько раз до иолу, как кланяются японцы своим начальникам, они выпрямились, благодушно улыбаясь в широкие бороды.

– Айн? – спросил их Крузенштерн.

– Айн, айн! – радостно закричали бородачи.

Рыбу они отдали русским в подарок, не попросив за нее ничего взамен. Но Крузенштерн непременно хотел что-нибудь им подарить. Он приказал принести на палубу множество мелких европейских вещей. Айны с удивлением и восторгом разглядывали бусы, ножи, топоры, посуду. Но больше всего им понравились блестящие медные пуговицы. Они подбрасывали их в воздух, передавали из рук в руки, хохотали. И Крузенштерн долго не мог растолковать своим гостям, что он дарит им эти драгоценные пуговицы в полную собственность. Айны не верили такой щедрости, отдавали пуговицы назад и, когда наконец убедились, что могут взять их с собой, очень обрадовались. Зажав пуговицы в своих больших кулаках, они попрыгали в лодки и уехали па берег.

Морякам очень хотелось погулять по твердой земле. Последний раз они нагулялись вволю в Петропавловске – девять месяцев назад. С тех пор они были почти безвыходно заперты на своем корабле. И теперь, когда «Надежда» стала на якорь, все мечтали поскорее съездить на берег, хотя это было небезопасно: Хоккайдо все-таки японская территория.

Оставив корабль на попечение Ратманова и взяв с собой моряков и ученых, Крузенштерн сел в шлюпку. Шлюпка понеслась к берегу, скрытому туманом. Возле самого берега путь ей преградили kloчующие буруны, пройти сквозь которые было очень опасно. Но тут на помощь явились айны на своих маленьких мелкосидящих лодках.

Айны ловко, без всякого вреда для себя, проскакивали сквозь бурлящую пену, где всякая европейская лодка неминуемо опрокинулась бы. Окружив корабельную шлюпку, они пересадили в свои лодки моряков и перевезли их вполне благополучно через буруны на берег.

На берегу Крузенштерна прежде всего поразил глубокий снег. Ныл уже май, а в мае снега не сыщешь даже в местах, расположенных гораздо севернее, чем Хоккайдо, например в Архангельске. Снег, покрывший Хоккайдо, только начал подтаивать, так что нечего было надеяться, что он весь растает раньше начала июня. Этот глубокий рыхлый снег очень огорчил моряков: он лишал их возможности как следует

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru погулять. Им оставалось только бродить по нескольким узким тропинкам, протоптанным между избами.

Изб было пять. Они стояли на берегу под соснами, похожие на избы русских крестьян; стены были сделаны из толстых, потемневших от времени бревен, крыши соломенные, трубы глиняные. Ничем они не напоминали легкие японские домики, построенные из тонких досок и картона. От русских изб их отличали только окна, сделанные не из стекла или слюды, а из прозрачных тюленьих пузырей. Возле каждой избы был сарай, где хранилась копченая рыба.

Айны стали наперебой зазывать гостей в свои избы. Крузенштерн зашел в одну из них.

В избе не было никакой мебели, и вся семья – десять человек – сидела на иолу и обедала. Обед состоял из рыбы и рисовой каши. Хозяева стали упрашивать гостей отобедать вместе с ними, и моряки, чтобы их не обидеть, съели немного лососины.

Крузенштерн сразу заметил, что вся посуда у айнов японская и безусловно привезена сюда с юга японцами. На стене висело шелковое японское одеяние, которое айны носят, вероятно, летом, когда в мехах становится слишком жарко.

– Я очень хочу посмотреть шерсть, которая растет у них на теле, – сказал лейтенант Головачев, обращаясь к Крузенштерну. – Как вы думаете, капитан, нельзя ли попросить их раздеться?

Крузенштерн и сам был очень этим заинтересован. Кто же не хочет посмотреть такую диковину – человека, на теле которого растет шерсть! И он стал упрашивать молодого айна на минуту снять его меховую шубу. Тот был очень удивлен, никак не мог понять, для чего он должен раздеваться, но в конце концов уступил.

Оказалось, что шуба из собольих шкур была надета прямо на голое тело. Он сбросил ее.

– Где же шерсть? – воскликнул удивленный Головачев. – На нем растет не больше шерсти, чем на нас с вами, капитан!

Действительно, никакой шерсти на теле айна не оказалось.

Они заставили его несколько раз повернуться, осмотрели грудь, спину, плечи, но ничего не нашли. Самая обыкновенная человеческая грудь, самая обыкновенная человеческая спина, без всякой шерсти.

Крузенштерн раздал всем обедавшим подарки, главным образом пуговицы, и моряки вернулись на корабль. Через буруны их опять перевезли в своих лодках благодушные айны.

На корабле Крузенштерна ждал новый гость – только что с берега приехал японский офицер.

Крузенштерн встретил японца на палубе и поклонился ему как мог приветливее.

Японец тоже учтиво поклонился, но сделал страшное лицо, махнул рукой на юг и проговорил, надувая щеки:

– Бум-бум! Бум-бум! Бум-бум!

Это «бум-бум» он повторял до тех пор, пока Крузенштерн не догадался, что он хочет сказать, будто с юга скоро придут японские корабли и прогонят русских пушками. Крузенштерн дал ему понять, что японских кораблей он не боится и что прибыл к острову Хоккайдо с мирными намерениями.

Разговаривать с японцем Крузенштерну помог Резанов, который за семь месяцев жизни в Нагасаки выучил довольно много японских слов. Японец спросил, из какого государства прибыли моряки, и, когда узнал, что из России, вдруг закричал с радостью, ко всеобщему удивлению:

– Карашо! Карашо! Понимай русс – карашо!

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru
Оказалось, что сюда, в эту бухту, несколько лет назад уже приходил русский корабль из Охотска – должно быть, торговый. Этот офицер встречался с русскими моряками, тоже уговаривал их уехать и запомнил несколько русских слов.

Крузенштерн повел своего гостя в кают-компанию. От обеда японец решительно отказался, но чашку чаю он выпил охотно.

Он рассказал, что живет обычно в Матсумае, японском городе на юге Хоккайдо, а сюда приезжает только на лето, чтобы следить за торговлей между айнами и японскими купцами. Айны выменивают свою рыбу у японцев на крупу, чай, посуду, железные вещи. По его словам, раньше

весь Хоккайдо был заселен айнами, но теперь японцы переселились в южную его часть с острова Хондо и загнали всех айнов на север.

Крузенштерн хотел сделать своему гостю подарок. Он предложил ему поношенный офицерский мундир, довольно большое зеркало и саблю.

Но японец отказался принимать подарки.

– Если мое начальство увидит у меня эти вещи, оно подумает, что я пустил вас сюда за взятку, – объяснил он кое-как знаками и словами. – А пустил я вас сюда потому, что не могу же я один сражаться с военным кораблем!

Впрочем, он до самого конца усердно упрашивал Крузенштерна отплыть и пугал его своим «бум-бум». Крузенштерн обещал, что уйдет, как только рассеется туман. Он прибавил, что собирается плыть к Сахалину, и спросил японца, известна ли ему такая земля.

– Конечно, – ответил японец. – Она отсюда совсем близко и даже видна в ясную погоду. Там сейчас много наших купеческих кораблей.

Но из более подробных расспросов Крузенштерн выяснил, что японцам известен только южный берег Сахалина, а о более дальних его частях они ровно ничего не знают.

Крузенштерн добросовестно выполнил обещание, данное японскому офицеру, и 13 мая, когда наконец рассеялся туман, «Надежда» покинула остров Хоккайдо.

ИССЛЕДОВАНИЕ САХАЛИНА

14 мая вошли в залив Аниву, на южном побережье Сахалина. Этот берег не отличался от северной оконечности Хоккайдо и был только немного лесистее. Жили тут такие же айны, и управляли ими японские офицеры.

«Всеобщий господствующий у здешних жителей обычай, – рассказывает о своих записках Крузенштерн, – заключается в том, что в каждом доме воспитывают молодого медведя (по крайней мере, я и офицеры виде ли медведей в каждом без исключения доме, в коем только быть случалось). Живет он в углу жилой избы и, конечно, должен быть беспокойнейшим сочленом семейства. Одному из наших офицеров желалось купить себе такого молодого медведя. Он давал за него суконный сюртук. Хотя айны ценят сукно весьма дорого, потому что и японцы не могут их снабжать сукном, однако владевший медведем не хотел расстаться со своим воспитанником».

Крузенштерн повел свой корабль сначала на восток, потом на север и вошел в другой сахалинский залив, называемый заливом Терпения, расположенный севернее Анивы, сведения о нем были очень неточные. Крузенштерн исследовал и занес на карту все берега залива. Японцы сюда еще не проникли, и местность была совсем дикая. Здесь, по-видимому, тоже жили айны, но, заметив моряков, они убежали в леса.

Покинув залив Терпения, «Надежда» направилась далее к северу, держась восточного берега Сахалина. Шли медленно, потому что берег был совсем неизвестный и каждую его извилину нужно было заносить на карту. Но 20 мая путь им преградил густой

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru
плавучий лед. Пробраться сквозь него не было никакой возможности. И Крузенштерн стал решать, как ему быть: ждать ли здесь, пока лед растает, и тогда продолжать исследование берегов Сахалина или, оставив Сахалин, сейчас же идти на Камчатку.

Самому ему не хотелось бы покидать Сахалин, но Резанов спешил в Петропавловск, чтобы поскорее послать оттуда извещение в Петербург о результатах своих переговоров с японцами.

После долгих колебаний Крузенштерн наконец принял такое решение: плыть, не задерживаясь, на Камчатку, оставить там Резанова и сразу же вернуться на Сахалин, чтобы продолжать исследование его берегов.

5 июня «Надежда» вошла опять в Петропавловский порт.

Трудно себе даже представить, в какой восторг пришли жители Камчатки, узнав, что в трюме «Надежды» находится две тысячи мешков соли. Подарок японского императора пришелся как нельзя более кстати. Крузенштерн приказал отвезти все эти мешки на берег для бесплатной раздачи жителям.

Петропавловцы, иногда целыми годами обходившиеся без соли, теперь были обеспечены ею на несколько лет.

Резанов отправил в Петербург длинное, подробное сообщение обо всем, что случилось с ними в Японии, а сам, теперь уже не в качестве посла, а в качестве одного из совладельцев Российско-Американской компании, сел на купеческое судно и отправился через Берингов пролив в русские владения в Америке, чтобы произвести там ревизию. Потом он поехал в Петербург обычным в то время путем, через Сибирь, но по дороге заболел и умер в Красноярске.

Выгрузка соли и починка снастей задержала «Надежду» в Петропавловске на целый месяц. Только 5 июля вышла она в море и направилась опять к Сахалину. Впервые за все путешествие на ней не было ни пассажиров, ни лишнего груза, и это очень облегчало плавание.

16 июля подошли к берегу Сахалина, как раз в том месте, где были почти два месяца назад. Лед давно растаял, и море было чисто. Вокруг корабля плескалось множество тюленей.

Началось медленное плавание вдоль восточного сахалинского берега к северу. Каждую бухту, каждый залив нужно было отметить на карте. Эта кропотливая, трудная работа отнимала много времени. Земля, то заросшая лесом, то засыпанная голым песком, была совершенно пустынна. Моряки нигде не встречали человеческого жилья.

8 августа добрались наконец до самого северного сахалинского мыса. Крузенштерн назвал его мысом Елизаветы. Обогнув этот мыс, «Надежда» пошла к югу вдоль северо-западного берега Сахалина.

Но моряки понимали, что обойти весь Сахалин кругом им не удастся, потому что осенью они должны уже быть в Китае, где их будет ждать «Нева». Они остановились на несколько дней в маленьком заливе, который назвали по имени своего корабля заливом Надежды, и запаслись там пресной водой.

Таким образом, Крузенштерну не удалось обойти Сахалин кругом и вопрос о том, является ли Сахалин островом или полуостровом, оставался нерешенным. Этот вопрос был решен только сорок четыре года спустя другим замечательным русским путешественником – адмиралом Невельским.

Из залива Надежды отправились обратно на Камчатку.

30 августа Крузенштерн в третий раз ввел свой корабль в Петропавловский порт.

Короткое северное лето уже подходило к концу. С каждым днем погода становилась все холоднее, дождливее и ветренее. Крузенштерн хотел уйти из Петропавловска до наступления осенних бурь, но приготовления к длинному, опасному путешествию вокруг Азии и Африки заняли больше времени, чем он предполагал. Пять недель ушло на проверку и починку снастей, парусов, на закупку провизии. А между тем приближалась ранняя камчатская зима.

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru

В конце сентября в Петропавловск из Аляски пришло торговое судно Российско-Американской компании. Капитан этого судна приехал на «Надежду» в гости.

– Не встречались в Америке с «Невой»? – спросил его Крузенштерн.

– Нет, не встречались, – ответил капитан. – Но должен вам сообщить, что по слухам, которые ходят среди русских промышленников на Аляске, команде «Невы» пришлось где-то выдержать сражение с индейцами. А чем кончилось это сражение, не могу вам сказать.

После такого известия Крузенштерн стал еще поспешнее готовиться к отплытию.

4. В РУССКОЙ АМЕРИКЕ СТРАШНЫЕ СЛУХИ

Теперь вернемся к 10 июня 1804 года, к тому дню, когда возле Гавайских островов капитан Лисянский попрощался со своим начальником и другом капитаном Крузенштерном и «Нева» разлучилась с «Надеждой». «Надежда» направилась прямо к Камчатке, а «Нева» задержалась у Гавайских островов еще на несколько дней, потому что Лисянский хотел во что бы то ни стало запастись съестными припасами, так как не знал, удастся ли ему это сделать у американских берегов. Он долго и довольно безуспешно торговался с гаванцами, требовавшими от него сукна или по крайней мере парусины за каждый кокосовый орех, и вдруг за одним из мысов заметил стоявший на якоре небольшой купеческий корабль под флагом Соединенных Штатов Америки.

Часа через два на «Неву» прибыли в гости два американца – капитан корабля и его помощник. Лисянский встретил их любезно, по-товарищески, как принято между моряками. Он познакомил их с лейтенантами Повалишиным и Арбузовым и пригласил в кают-компанию пообедать.

Обед прошел оживленно. Американцы казались людьми простыми, добродушными и откровенными. Они рассказывали о своем плавании из Бостона к Гавайским островам вокруг мыса Горн. Русские моряки, тоже недавно обогнувшие мыс Горн, рассказали им о плавании «Невы» и «Надежды».

Это был профессиональный разговор, очень любопытный для каждого моряка.

– А куда вы теперь направляетесь? – спросил один из американцев.

Лисянский ответил, что «Нева» направляется к русским владениям на северо-западном побережье Америки. В этом не было никакой тайны, и Лисянский не считал нужным скрывать свои намерения.

– Куда же вы собираетесь зайти раньше: к острову Кадьяк или в Ситкинский залив? – продолжал спрашивать американец.

Дело в том, что у русских владений в Америке было в то время как бы два центра: один на большом острове Кадьяк, а другой значительно восточнее, в заливе Ситка. Остров Кадьяк был освоен русскими промышленниками давно, еще во времена Шелехова, а в Ситкинский залив русские проникли значительно позже. Но Лисянский знал, что в 1799 году Варанов, управляющий владениями Российско-Американской компании, построил на берегу Ситкинского залива крепость Архангельскую.

Лисянский ответил, что еще не принял окончательного решения, но что, пожалуй, раньше пойдет в Ситку, а уж потом на Кадьяк.

Американцы многозначительно переглянулись.

– А вы ничего не слышали?.. – начал было один из них.

– О чем?

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
– Да нет, мы сами ничего не знаем..

Они, казалось, жалели, что проговорились. Но так как Лисянский настаивал, они передали ему страшный слух: будто в 1802 году индейцы напали на поселения русских возле Ситкинского залива, всё сожгли и разрушили и уничтожили всех до одного человека.

Увидев, какое впечатление произвел их рассказ, они сразу же стали отказываться от своих слов.

– Мало ли что болтают... Раз вы ничего не слыхали, значит, ничего и не было... Ведь вы покинули Петербург через год, в 1803 году... Л уж в Петербурге знали бы...

Но Лисянский отлично понимал, что за такой короткий срок, как один год, никакое известие из Русской Америки не могло пройти через Берингов пролив, Камчатку, Охотской море, Сибирь и Урал до Петербурга. Он расспрашивал американцев, стараясь добиться от них подробностей, но они ничего больше не знали или не хотели сказать и только бранили индейцев.

– Мы хорошо с ними знакомы, – говорили они. – Это неблагодарный народ, который нужно истребить весь. Вы, русские, в своих владениях слишком мягко поступаете с ними. Вот теперь вы наказаны за свою мягкость.

Американцы пообедали, попрощались и уехали. Проводив их, лейтенант Повалишин сказал:

– Они, кажется, гораздо больше знают об этом деле, чем говорят.

Лисянский ничего не ответил, но в этот день окончательно решил, что «Нева» пойдет сначала к острову Кадык..

Плавание «Невы» было вполне благополучно, и ничего особенно любопытного во время него не произошло. Впрочем, в пути Лисянский сделал одно довольно важное наблюдение. Он заметил, что в этой части Тихого океана между жарким климатом и холодным нет почти никакого перехода. Оба климата непосредственно соседствуют друг с другом. Стоит отойти немного к северу от тропических Гавайских островов, и сразу попадешь в полосу сырых туманов и ледяных ветров. Ночью 30 июня температура упала до одного градуса выше нуля. «Среди лета мы нашли глубокую осень, – записал Лисянский в своем дневнике. – Судя же по широте, климат должен был бы быть подобным тому, какой мы имеем в южной части Европы».

Высокий каменистый берег острова Кадык увидели 10 июля. На холмах еще лежал снег. На безлесных пустынных склонах кое-где рос низкий кустарник. «Нева» двинулась к главному поселку острова, называвшемуся гаванью Святого Павла. Основал этот поселок Шелехов и дал ему имя своего корабля, который назывался «Святой Павел».

Но войти в гавань Святого Павла оказалось совсем не просто. Над морем стлался туман, а от острова тянулись длинные каменистые мысы, и обходить их в тумане нужно было очень осторожно. До входа в гавань до брались только утром 13 июля. Берег был скрыт дымкой, двигаться приходилось почти наугад. И тут, возле самой гавани, «Нова» едва не погибла.

Из узкого горного ущелья на острове вырвался внезапный шквал, налетел на «Неву» и стремительно понес ее к огромному черному камню, торчавшему из воды. Этот камень, похожий на громадный горб, русские поселенцы прозвали Горбуном. В ясную, тихую погоду Горбун был безопасен, но при ветре и в тумане он становился страшен. «Нева» пронеслась в нескольких сажнях от его черных крутых боков, возле которых кипел и пенился бурун. Одно мгновение гибель казалась неизбежной, и моряки с трудом поверили в свое спасение даже после того, как Горбун был уже позади.

Внезапный шквал, едва не погубивший «Неву», на несколько секунд разорвал пелену тумана, и в двух-трех милях от себя моряки заметили крупный трехмачтовый корабль, который на всех парусах шел из гавани Святого Павла курсом в открытое море. Лейтенант Арбузов схватил подзорную трубу.

– Юрий Федорович! – удивленно крикнул он Лисянскому. – А ведь на этом корабле

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
флаг Соединенных Штатов!

Лисянский взял у Арбузова подзорную трубу и глянул сам. Да, сомневаться невозможно, Арбузов прав. Но зачем заходил корабль Соединенных Штатов в русскую гавань Святого Павла?

Теперь они уже видели и всю бухту, и крепость, и поселок. Нетрудно было догадаться, почему именно это место выбрал Шелехов для поселка, – здесь по берегам рос еловый лес. Для постройки домов необходим был лес, а на каменистом голом Кадьяке лес рос только возле этой бухты.

Крепость салютовала «Неве» одиннадцатью пушечными выстрелами. И множество странных кожаных лодок понеслось навстречу кораблю.

Лисянский и его спутники видели такие лодки впервые. Это были байдары – замечательное изобретение алеутов, отважного маленького народа, населявшего примыкавшие к Аляске острова, в том числе и остров Кадьяк. Остовы байдар состояли из деревянных обручей, обтянутых тюленьей кожей. Байдара была сверху так же водонепроницаема, как с боков и снизу. Гребец, вооруженный двухлопастным веслом, садился на дно байдары, просунув ноги в узкое отверстие. Кожаные края отверстия туго затягивались вокруг пояса гребца, и внутрь байдары не могло попасть ни капли воды. Огромные океанские волны перекатывались через байдару, не причиняя ни малейшего вреда ни ей, ни гребцу. Гребец к тому же надевал на себя камлейку, сшитую из не пропускающих воду тюленьих кишок, и потому, сколько бы его ни окатывало волнами, оставался сухим.

Бывали и большие байдары, с двумя и тремя отверстиями, в которые садилось одновременно два-три гребца. На своих легких, быстроходных, безопасных байдарах алеуты совершали громадные морские путешествия, посещая многочисленные острова, раскинувшиеся между Азией и Америкой в северной части Тихого океана.

Вместе с байдарами к «Неве» двигался и большой бот, в котором сидело несколько мужчин. Нот подошел к «Неве» вплотную, и пассажиры его, встреченные Лисянским, поднялись на палубу. Это были русские охотники за пушным зверем, или, как в те времена говорилось, промышленники. Один из них шел впереди, и Лисянский принял его за Баранова, правителя всех поселений Российско-Американской компании. Но он ошибся. Это был всего только помощник Баранова, служащий компании, по фамилии Бандер. При громких криках «ура» Бандер от имени жителей Кадьяка торжественно поздравил Лисянского с благополучным прибытием. «Каждый может себе вообразить, – записал Лисянский в своем дневнике, – с каким чувством надлежало мне принять это поздравление, видя, что я первый из русских, предприняв столь трудный и дальний путь, достиг места своего назначения, не только не имея на своем корабле ни одного человека больного, но с людьми, которые были еще здоровее прежнего. Все это приводило меня в радостное восхищение».

После такого долгого плавания Лисянский и его спутники мечтали пожить на твердой земле, отдохнуть.

– А где же Баранов? – спросил Лисянский у Бандера. Лицо Бандера помрачнело.

– Воует, – ответил он.

– В Ситкинском заливе?

– Л! Вы уже всё знаете! – воскликнул Бандер с удивлением.

– Значит, это правда? Бандер кивнул головой.

– Но почему индейцы напали на крепость? – спросил Лисянский.

– Это осталось загадкой, – сказал Бандер. – У нас с ними были самые сердечные отношения. Мы ничего у них не трогали, не вмешивались в их жизнь, и торговля с нами была для них чрезвычайно выгодна.

Бандер вкратце рассказал Лисянскому, как на русскую крепость Архангельскую, построенную на берегу Ситкинского залива, напали шестьсот вооруженных ружьями индейцев. Крепость стойко оборонялась, но индейцы каким-то образом проникли внутрь, подожгли стоявшие в крепости деревянные избы и, пользуясь своим

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru численным превосходством, взяли крепость приступом. Они убили всех находившихся в крепости русских и кадьякцев – мужчин, женщин и детей – и разграбили склад Российско-Американской компании, в котором хранилось две тысячи бобровых шкур.

– Подробностей этого дела мы не знаем, – сказал Бандер в заключение, – потому что никто не остался в живых.

Произошло это два года назад. И, по словам Бандера, в течение минувших двух лет Баранов готовился к походу, чтобы вернуть России Ситкинский залив.

Месяц назад его отряд двинулся в путь на четырех кораблях Российско-Американской компании и на трехстах байдарках. В отряде было сто двадцать русских и восемьсот кадьякцев. Кроме того, Баранов предполагал, что к нему присоединятся несколько индейских племен, с которыми он заключил союз.

– Но больше всего он, признаться, рассчитывал на вас и на ваш корабль, – сказал Бандер. – С тех пор как мы узнали, что к нам должен прийти русский военный корабль, мы воспрянули духом. Баранов оставил для вас письмо.

И Бандер протянул Лисянскому запечатанный конверт.

В письмо Баранов просил командира русского военного корабля, не задерживаясь, двинуться ему на помощь, в Ситкинский залив.

И Лисянский понял, что здесь ни ему, ни его спутникам отдохнуть не удастся.

– А что это за американский корабль стоял у вас в бухте? – спросил он, между прочим, Бандера.

– А, этот, который сегодня ушел? – сказал Бандер равнодушно. – Им командует шкипер О'Кейн. Его задержали встречные ветры, и он шесть недель простоял у нас, в гавани Святого Павла. Вчера наши островитяне заметили с гор «Неву», и я сказал американскому капитану, что сюда прибывает русский корабль, совершающий плавание вокруг света. Я думал, ему интересно будет встретиться с вами, а он сегодня на рассвете вдруг поднял паруса и ушел. И ветер как будто не переменялся...

– А куда он направляется? – спросил Лисянский.

– К себе в Бостон, должно быть, – ответил Бандер. – Впрочем, я не любопытствовал...

ЗАЛИВ СИТКА

Как ни спешил Лисянский в Ситкинский залив, «Неве» удалось покинуть Кадьяк только через месяц. Весь этот месяц занимались разгрузкой товаров, присланных из Петербурга, и ремонтом корабля, который как-никак обошел уже полмира. И разгрузка и ремонт подвигались медленно – на Кадьяке не хватало рабочих рук, всех работоспособных мужчин Баранов увел с собой в поход.

Готовясь к плаванью в Ситку, Лисянский старался собрать как можно больше сведений о нападении индейцев на русскую крепость, чтобы попытаться понять причины этого события и лучше разобраться в сложившейся обстановке. Большинство русских, с которыми он говорил, считали нападение индейцев ровно ничем не вызванным, беспричинным. По их словам, отношения с индейцами, жившими па берегу Ситкинского залива, были самые хорошие, настолько хорошие, что русские ничего не опасались. И оставалось совершенно загадочным, почему индейцы внезапно совершили такой вероломный поступок и лишили себя торговли с русскими, приносившей им большие выгоды.

Но вскоре Лисянский разыскал человека, которому все случившееся не казалось столь загадочным. Человек этот был кадьякский алеут по имени Савва.

Это был опытный охотник, лет уже пятидесяти, но на редкость моложавый и крепкий. По-алеутски он звался как-то иначе, а Саввой назвал его русский поп при

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru крещении. Большую часть своей жизни Савва прожил с русскими и говорил по-русски, как русский. С Шелеховым он был дружен, гордился этой дружбой и часто в разговоре поминал его, называя попросту Григорием Ивановичем. С Барановым он тоже был в хороших отношениях и хвалил его, но несколько свысока – молод еще, дескать. Савва был в числе тех кадьякских алеутов, которых Баранов поселил в крепости Архангельской на берегу Ситкинского залива. Спаситься ему удалось только благодаря случайности – во время нападения на крепость он находился в лесу, где охотился на лисиц. Возвращаясь, он увидел дым над крепостью, услышал военные песни индейцев и обо всем догадался. Лесами добрался он до селения соседнего индейского племени, враждовавшего с племенем, напавшим на крепость. Оставшиеся верными русским, индейцы помогли ему добраться до русского торгового поста в заливе Якутат, а оттуда он на байдаре вернулся к берегам своего родного Кадьяка.

Савва был единственным жителем крепости Архангельской, оставшимся в живых, и потому Лисянский особенно внимательно прислушивался к его словам.

В рассказах его постоянно упоминались тайон Котлеан и три английских матроса. Тайонами в тех местах называли алеутских и индейских вождей. Котлеан был главным тайоном индейцев, живших на берегах Ситкинского залива. Именно он командовал индейцами, совершившими нападение на крепость Архангельскую. Но кто были три английских матроса? Откуда они взялись?

– Удрали с английского корабля, – объяснил Савва. – Английский корабль приходил сюда за котиковыми шкурами. Капитан бил матросов, и три матроса удрали.

Лисянский вспомнил беглого английского матроса Робертса, которого они встретили на Нукагиве. Каково, значит, служить в английском флоте, если во всех концах мира английские матросы бегут со своих кораблей. – Они удрали со своего корабля, – продолжал Савва, – и хотели попасть в американский город Бостон, откуда приходят сюда американские корабли. Но до Бостона очень далеко, и американские капитаны не соглашались везти их туда бесплатно. Тогда они пошли к Баранову и стали просить, чтобы он взял их на службу.

– И Баранов взял?

– Взял, конечно. Как не взять. У нас кораблей все больше, а в опытных моряках нехватка. Взял и отправил в крепость Архангельскую. В Архангельской мы с ними и пожили и повидали, что они за люди.

– А что они за люди? – спросил Лисянский. Савва задумался, стараясь подыскать слово поточнее.

– Дикие люди, сударь, совсем дикие.

– Дикие? – удивился Лисянский.

– Дикие, как волки. Дружества не понимают, обязанностей не признают. Своих англичан боятся, русских не любят, алеутов и индейцев презирают. Дружить они старались только с американцами, упрашивали взять их в Бостон, по и американцев ругали, жаловались, что те не берут. потому что им за проезд заплатить нечем.

Савва помолчал, подумал и сказал:

– Однако, у них нашлось чем заплатить. Однако, они заплатили.

– Чем же они заплатили? – спросил Лисянский.

– Нашей крепостью. Архангельской.

– Позволь, позволь! – закричал Лисянский. – Ведь на крепость напали индейцы. При чем же здесь американцы? Савва усмехнулся.

– Это верно, сударь, – сказал он, снисходя к непонятливости Лисянского, – напали индейцы. Американская шхуна в целых десяти милях за мысом стояла, чтобы никто потом по мог сказать, что у них на глазах убивали женщин и детей, а они не пытались помочь. Верно, напали индейцы. Зачем индейцам было нападать, однако? Ведь если так посмотреть, все это нападение – глупость одна была, для них же самих беда и разорение. Ну чем тайон Котлеан прельстился, что он захватил в

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru нашей крепости? Ну, две пушки чугунные, почти что без ядер, ну, ружей штук пятьдесят, ну, топоры, обручи железные... Так ведь эти топоры да обручи и так им достались бы, они для мены привезены были... Ну, захватили рыбы вяленой, ну, склад с бобровыми шкурами... А что они с этими шкурами делать будут, если они с русскими поссорились? У них шкур и так достаточно, было бы кому их продать... Им ведь вот как дружба с русскими выгодна была, они русские товары тем племенам продавали, которые далеко от моря живут. Купят топор за одну шкурку, продадут за двадцать... А теперь дружбе конец и торговле конец... Неужто вы верите, сударь, что тайон Котлеан такой глупый человек?

– Зачем же он такую глупость сделал, если он не глупый человек? – спросил Лисянский.

– А потому, что ему столько посулили, что он не побоялся поссориться с русскими, – сказал Савва.

– Посулили, говоришь? А что ему могли посулить?

– Это, сударь, легко отгадать. Первое – посулили ему, что сами будут покупать у него меха вместо русских. Однако, одного такого посула было бы ему мало, он и слушать не стал бы. А второе – посулили ему, что купят у него две тысячи бобровых шкур из русского склада. Тут большая выгода. Получалось, что индейцы одни и те же шкуры два раза продавали: один раз продали русским, а теперь американцам продадут... Однако, и на этот посул Котлеан не пошел бы, не стал бы он из-за бобровых шкур ссориться с русскими... Значит, ему такое посулили, о чем он больше всего мечтал...

– А о чем он больше всего мечтал? – спросил Лисянский.

– Он? Известно о чем: об оружии.

– Об оружии? – переспросил Лисянский.

– Ну да. Ружья, пушки, свинец, ядра вот чего хотелось тайону Котлеану. Шестьсот ружей у него, как видите, было. Но ему нужны были тысячи ружей...

– Для охоты?

– Для войны.

– С кем же он хотел воевать?

– Со всем миром. Но раньше всего с индейцами, которые живут у залива Якутат. И с индейцами, которые живут на реке Медной. И с индейцами, которые живут у Чугатского залива. Он хотел завоевать их и стать властелином всей этой страны. Сначала он надеялся, что Баранов ему поможет, но Баранов друг всех племен и не хочет, чтоб их завоевал тайон Котлеан. И стал Котлеан разговаривать с американцами, а те посулили ему всё, если он нападет на Архангельскую...

– А при чем тут три английских матроса?

– Три английских матроса впустили индейцев в крепость, – сказал Савва.

И прибавил:

– Теперь они, конечно, в Бостоне.

Этот разговор с Саввой взволновал Лисянского. Он вовсе не был уверен, что старый алеут прав. Напротив, он очень сомневался, он полагал, что в рассказе Саввы гораздо больше фантазии, чем правды. Действительно, легко ли поверить, что американские моряки и торговцы способны на такой коварный, предательский поступок! Однако слов Саввы Лисянский забыть не мог, и порой ему казалось, что старый охотник пролил все-таки некоторый свет на это темное дело...

15 августа 1804 года «Нева» вышла из гавани Святого Павла и двинулась в сторону залива Ситка. Ветер был попутный, западный.

19 августа впереди заметили мыс Эчком, за которым расположен вход в Ситкинский

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru залив. Ветер упал, и «Нева» двигалась медленно. Только к вечеру поравнялась она наконец с мысом. На закате солнца один из матросов доложил Лисянскому, что в заливе виден какой-то крупный трехмачтовый корабль. Крупных кораблей у Баранова быть не могло, и потому крупный корабль, внезапно обнаруженный внутри Ситкинского залива, вызвал всеобщее любопытство.

Лейтенант Арбузов разглядывал неизвестный корабль в подзорную трубу.

– Юрий Федорович! – крикнул он Лисянскому. – А ведь это старый наш знакомый.

– Знакомый?

– Это корабль американского шкипера О'Кейна! Мы с ним встретились, когда входили в гавань Святого Павла на Кадьяке!

Лисянский взял подзорную трубу у Арбузова. Да, сомневаться было невозможно. Это был корабль О'Кейна, месяц назад покинувший остров Кадьяк. Полагали, что он отправился на родину, а оказывается, он здесь, в заливе Ситка! Что ему надо? Чего ради он проводит целое лето возле берегов русских владений в Америке?

Но солнце зашло, и все потонуло во мраке.

В залив «Нева» удалось войти только на следующее утро. Залив Ситка очень обширен, изрезан мысами и состоит из нескольких бухт. «Нева» не пыталась приблизиться к стоявшему на якоре американскому кораблю и бросила якорь на большом от него расстоянии.

Берега показались Лисянскому необыкновенно пустынными. «Не видно было нигде не только ни одного человека, – записал он, – но даже ни малейшего знака, чтобы в этих местах было какое-либо жилище. Взорам нашим повсюду являлись леса, которыми покрыты все берега. Сколько мне ни случалось встречать необитаемых мест, но они никоим образом не могут сравниться с этими своей дикостью и пустотой».

Самым удивительным было то, что нигде не удалось обнаружить ни Баранова, ни его войска. Впрочем, вскоре оказалось, что в одной из бухт стоят два судна Российско-Американской компании – «Александр» и «Екатерина». Ими обоими командовал штурман Петров, который не замедлил явиться на «Неву» к Лисянскому. От Петрова Лисянский узнал, что ни Баранов, ни его войско до Ситки некого залива еще не добрались, хотя покинули Кадьяк уже два месяца назад. Алеутские байдары, на которых двигалась мать Баранова, шли не напрямик через море, как «Нева», а вдоль выгнутого широкой дугой южного берега Аляски, и подолгу останавливались во всех заливах, где Баранов договаривался с тайонами союзных индейских племен о том, какую помощь они ему окажут. Все новые и новые отряды воинов примыкали к войску Баранова, и войско все росло, а так как всему этому множеству людей в пути нужно было питаться, то приходилось делать длительные остановки для охоты и рыбной ловли. «Александр» и «Екатерина» были посланы Барановым вперед и находились в Ситкинском заливе уже десять дней. Прибытия Баранова и его главных сил нужно было ожидать со дня на день.

Петров, хорошо знавший эти места, объяснил Лисянскому, что берега залива вовсе не так уж пустынные. Стоя на палубе, он показал Лисянскому ту бухту, возле которой находилась разрушенная Архангельская крепость; за стволами деревьев можно было разглядеть обгорелые срубы. Затем он показал тот мыс, за которым расположена была главная деревня ситкинских индейцев. Петров утверждал, что ситкинские индейцы давно рассказываются в том, что они натворили, но уверены, что русские будут мстить, не ждут себе пощады и потому сражаться будут отчаянно. – Глядите, пирога! – воскликнул лейтенант Арбузов. Действительно, из-за мыса, за которым находилась деревня индейцев, вынырнула пирога. В пироге находилось всего три человека – двое

гребли, третий стоял на носу и смотрел вперед. Видно было, как развевались орлиные перья, украшавшие его голову.

– А ведь я этого молодца знаю! – воскликнул Петров, разглядывая лодку в подзорную трубу. – Это старший сын тайона Котлеана!

– А куда они направляются? – спросил Арбузов.

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
Но это сразу стало ясно – лодка направлялась к кораблю О'Кейна. Обойдя американский корабль, она подошла к тому борту, который не был виден с «Невы».

– Нужно постараться перехватить их на обратном пути, – сказал Лисянский.

Он приказал спустить на воду самый быстроходный бот «Невы» и посадить в него шестерых самых лучших гребцов-матросов под начальством лейтенанта Арбузова. Ждать пришлось недолго. Сын тайона Котлеана пробыл у О'Кейна не больше сорока минут. Пирог с тремя индейцами отделилась от американского корабля и понеслась к мысу. И в то же мгновение бот «Невы» помчался ей наперерез.

Началась погоня.

Нее, кто был на «Неве», не отрываясь следили за ботом и пирогой. Безусловно, следили за ними и все, кто был на корабле О'Кейна. Тайно следили за ними и тысячи глаз из безмолвных береговых лесов.

Это было состязание в скорости. При каждом дружном взмахе весел бот словно делал прыжок вперед. Так он и двигался по глади залива – стремительными рывками. Два пенистых бурунчика клочотали у его носа, разрезавшего воду. Однако индейцы тоже были великолепно гребцами. Расстояние между ботом и пирогой уменьшалось. Но уменьшалось оно медленно. Гораздо быстрее уменьшалось расстояние между пирогой и мысом. Было уже ясно, что пирога к мысу подойдет первой. Сын Котлеана поднял ружье и выстрелил в своих преследователей. Звук выстрела далеко и звонко разнесся над водной ширью. Загремели выстрелы, и с бота над водой поплыли пороховые дымки. Но пирога уже скрылась за мысом.

Дойдя до мыса, Арбузов остановился. Преследовать дальше было безрассудно – там, за мысом, находилось селение, и горсточка моряков не могла принять бой со всем племенем. Нот вернулся к «Неве».

Лисянский посетил оба судна Российско-Американской компании – «Александра» и «Екатерину». Они были очень малы, и Лисянский подивился, как люди отваживались выходить на них в океанское плавание. С сожалением смотрел он на их сшитые из лоскутов паруса, на связанные из обрывков канаты. Особенно встревожила его слабость их вооружения. Правда, на каждом из них было по четыре небольших пушки. Но такой незначительный запас пороха и ядер, что любая из этих пушек могла бы выстрелить только по одному разу. А обстановка в Ситкинском заливе была грозная. И Лисянский перевооружил оба суденышка с помощью богатых запасов «Невы». Он щедро снабдил их порохом и ядрами и прислал на каждое еще по две пушки.

8 сентября корабль О'Кейна внезапно снялся с якоря, поставил паруса и ушел. Присутствовать при сражении американцы не хотели.

19 сентября в залив вошел Баранов со своим бесчисленным флотом.

АЛЕКСАНДР БАРАНОВ

Впрочем, грандиозная эта армада, состоявшая из алеутских байдар и деревянных пирог индейцев – союзников Баранова, появилась далеко не сразу. Во время долгого пути она растянулась на громадное пространство. Двигаясь к Ситкинскому заливу, воины Баранова то задерживались где-нибудь в лесу, увлеченные удачной охотой, то застревали на пирах у друзей, которых нужно было навестить по дороге. В течение целой недели в Ситкинский залив входили небольшие группы байдар и пирог, двигаясь не открытым морем, а пробираясь по многочисленным проливам между материком и прибрежными островами. Проходя мимо «Невы», те, у кого были ружья, салютовали ей выстрелами из ружей. На берегу, недалеко от того места, где стояла «Нева», появился огромный лагерь, который рос с каждым часом.

«Требуется великий дар красноречия, чтобы надлежащим образом описать эту картину, – рассказывает Лисянский в своем дневнике. – Некоторые успели уже построить шалаши, иные же еще начали делать их, и байдарки ежeminутно приставали к берегу во множестве. Казалось, все окружавшие нас места были в сильном движении. Иные люди размешивали свои вещи для сушки, другие варили пищу, третьи

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru разводили огонь, а остальные, утомясь от трудов, старались подкрепить свои силы сном».

Несмотря на предстоящие поенные действия, многие индейцы прибыли с женами и даже с детьми. Каждое семейство выстроило для себя шалаш. «Шалаша эти состояются самым простым образом, – пишет Лисянский. – Пирог кладется на ребро, перед ней вколачиваются два шеста с поперечной жердью, а сверху кладутся весла; все это обыкновенно прикрывается тюленьими кожами, а пол устилается травой и йотом рогожами. Перед каждым таким жилищем разводится огонь, на котором, особенно поутру, непрестанно что-нибудь варят или жарят...»

«Войско Баранова, – рассказывает он дальше, – было составлено из жителей кадьякских, аляскинских, кенайских и чугацких. При отправлении из залива Якутат в нем было 400 байдарок и около 900 человек, но в Ситку пришло первых не более 350, а последних 800. Такие потери в людях приписывали простудным болезням, от которых несколько человек умерло, а другие для излечения отправлены назад в Якутат. При войске находилось 38 тайонов, как старшин, которые управляли своими подчиненными и во всем сносились с русскими промышленниками. Обыкновенное вооружение воинов составляли длинные копья, стрелы и другие орудия, приготовленные для промысла морских зверей. Но на этот раз выдано было много ружей».

Все эти соратники и союзники русских беспрестанно приезжали на «Неву» в гости. «Я нарочно приказал пускать всех, чем они крайне были довольны, – пишет Лисянский. – Им никогда не случалось видеть такого корабля, и потому дивились ему чрезвычайно. Наши пушки, ядра и прочие снаряды приводили их в изумление. Тайоны потчевал я водкой в каюте. Они, конечно, уехали г теми мыслями, что на корабле моем собраны самые лучшие сокровища, так как стулья, столы и моя койка превышали их воображение. После обеда индейцы-чугачи забавляли нас на берегу своей пляской. Они были наряжены в самые лучшие свои уборы, головы их были украшены перьями и пухом. Они пели песни, приближаясь к нам, и каждый из них держал весло, кроме тайона, который, одетый в красный суконный плащ и круглую шляпу, важно выступал несколько в стороне от своего войска. Подойдя к нам, они стали в кружок. Сперва запели они протяжно, а потом песня становилась мало-помалу веселее. Пенье свое сопровождали они телодвижениями, которые под конец превращались в исступленные. Танцовщики были в то же время и музыкантами, а музыка состояла из их голосов и старого жестяного изломанного котла, который служил им вместо литавров.

По окончании этого увеселения я роздал каждому по несколько листов табаку и возвратился на корабль».

Но, сказать по правде, Лисянского гораздо больше, чем индейцы, интересовал их предводитель Баранов – легендарный русский человек, управляющий от имени России бесчисленными островами в северной части Тихого океана и громадными пространствами на двух материках. Баранов прибыл в Ситку на корабле Российско-Американской компании «Ермак», таком же маленьком и слабо вооруженном, как «Александр» и «Екатерина». На «Ермаке» же находились и его главные помощники, наиболее приближенные к нему люди, – русские промышленники, сибиряки родом, прошедшие жизнь в лесах и морях на охоте за зверем. Прибыв, Баранов, конечно, прежде всего поехал на «Неву» и познакомился с Лисянским.

Лисянский внимательно вглядывался в своего гостя. Александр Андреевич Баранов был человек среднего роста, лет уже за пятьдесят, светловолосый, с коричневой от солнца и ветра кожей на лице, с небольшими светлыми, очень зоркими глазами. Родом он был купец из северного русского городка Каргополя, и в речи его чувствовался северный поморский говорок. Теперь у него уже был чин коллежского советника, дававший ему право считаться не купцом, а дворянином. Он обладал редким умением держать себя с людьми.

В сущности, в обществе индейских тайонов он был совершенно таким же, как и в обществе Лисянского, – ровный, внимательный, благожелательный, без всякой приниженности и без всякого высокомерия и, главное, очень спокойный. Спокойствие казалось основным свойством его характера, и только руки его, сильные и подвижные, выдавали порой неожиданным жестом, какой деятельный и неукротимый дух скрыт за этим спокойствием.

При первом же разговоре Лисянский постарался узнать, разделяет ли Баранов мнение

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru охотника Саввы, ясна ли ему та роль, которую во всех происшествиях сыграли люди ил Соединенных Штатов Америки. И убедился, что Баранову вполне понятны все происки американцев, но что относится он к ним без особого волнения.

– Только не делать того, что они хотят, тогда ничего у них не выйдет, – сказал он.

– А что они хотят? – спросил Лисянский.

– Они хотят, чтобы мы воевали. Втянуть нас в долгую, трудную, изнурительную войну с индейцами – вот их мечта. Такая война позволила бы им разом добиться всего, чего они здесь добиваются.

– А чего они здесь добиваются?

– Многого, – ответил Варанов и усмехнулся. – Главная их цель – ослабить влияние России в Америке. Наша война с индейцами помогла бы достижению этой цели. Вторая их цель – поставить здешние индейские племена в зависимость от себя. И эта цель была бы достигнута: индейцам для войны понадобилось бы очень много огнестрельного оружия, а доставать его они могли бы только у американцев, и американцы за грошвые старые ружья скупили бы все меха здешнего края. Третья их цель – самая подлая, истребить индейцев. Там у себя, в Соединенных Штатах, они индейцев уже почти истребили и продолжают истреблять остатки. Здесь они хотели бы истребить индейцев нашими руками...

– Ну что ж, – сказал Лисянский, помолчав, – выходит, что они добьются всех трех своих целей. Наша война с индейцами неизбежна.

– Вы так думаете? – спросил Варанов.

– А вы разве думаете не так? – удивился Лисянский.

– Нет, не так, – сказал Варанов твердо. – Война не неизбежна, и мы должны сделать все, чтобы избежать ее.

– Что же сделать? Уйти и оставить им Архангельскую крепость?

– Ну нет! Если мы уйдем, они подумают, что мы слабы. Если они подумают, что мы слабы, война будет действительно неизбежна. Прежде всего мы должны доказать ситкинским индейцам, что мы сильны, и доказать так, чтобы в этом никаких сомнений не оставалось. Затем мы должны доказать им, что все племена побережья стоят за нас. Ну, в этом-то уже и сейчас сомневаться невозможно. Кого только нет в моем войске! И ведь все пришли добровольно. Не думайте, что я и вправду полагаюсь на их помощь в бою. Они отважны и действительно хорошо к нам относятся, но они незнакомы ни с какой дисциплиной, и все их бесчисленные тайоны беспрестанно ссорятся между собой. Нет, в бою я полагаюсь на своих русских промышленников и на ваших матросов, капитан-лейтенант. А их я привел сюда, чтобы главный ситкинский тайон Котлеан увидел, что в борьбе против нас он одинок, что племена Аляски и островов не сочувствуют ему и не поддержат его. И самое важное, чтобы это увидели его покровители американцы, которые, поверьте, внимательно следят за всем, что здесь происходит.

– Ну, это я знаю! – сказал Лисянский, вспомнив корабль О'Кейна, который он встретил сначала в гавани Святого Павла, а потом здесь, в Ситкинском заливе.

– После того как будет доказано, что мы сильны, мы им докажем, что мы хотим мира, – продолжал Баранов. – Мы докажем, что мести нам не нужна, и это будет самая главная наша победа. Сила Котлеана, его влияние внутри своего племени основаны на общем страхе перед нашей мезтью. Все племя его верит, что мы собираемся не щадить никого, истребить их всех до единого или, но крайней мере, изгнать из страны и присвоить все их угодья. Они давно уже поняли, что сделали глупость, напав на нашу крепость, но собираются сражаться до последней возможности, так как думают, что у них нет никакого другого выхода. Они давно уже поняли, что американцы надули их и не окажут им никакой настоящей помощи, и все-таки они держатся американцев, потому что считают, что им не на что больше надеяться. И, когда мы, доказав свою силу, докажем, что не собираемся истреблять их, ни тайон Котлеан, ни американцы не смогут заставить их продолжать войну.

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
Баранов замолк, внимательно посмотрел Лисянскому в лицо и спросил:

– Вы согласны со мной?

Лисянский с уважением смотрел на Баранова. Этот бывший приказчик купца Шелехова, человек с северным крестьянским говорком, был прирожденным государственным деятелем, какого не сыщешь в Петербурге при дворе императора Александра.

– Согласен совершенно, – ответил Лисянский.

– Ну, за дело! – сказал Баранов.

Баранов замолк, внимательно посмотрел Лисянскому в лицо и спросил:

– Вы согласны со мной?

Лисянский с уважением смотрел на Баранова. Этот бывший приказчик купца Шелехова, человек с северным крестьянским говорком, был прирожденным государственным деятелем, какого не сыщешь в Петербурге при дворе императора Александра.

– Согласен совершенно, – ответил Лисянский.

– Ну, за дело! – сказал Баранов.

ВОЙНА И МИР

За дело пора было приниматься уже хотя бы потому, что ситкинцы первыми начали боевые действия. Они подстерегали в лесу индейцев, сопровождавших Баранова, и, если тех было немного, нападали на них. Они обстреливали из-за кустов байдары, проходившие мимо берега, и убивали сидевших в них кадьякцев. Ежедневно то там, то сям возникало по нескольку стычек. Сами по себе эти стычки большого значения не имели. Это была со стороны ситкинцев только проба сил, только подготовка. Они, несомненно, готовились к большому нападению.

– Ну нет, – сказал Баранов Лисянскому, – мы их нападения ждать не будем. Мы нападём первыми!

От захваченных в лесу пленных было известно, что армия ситкинцев состоит из восьмисот мужчин, подчиненных разным тайонам. Большинство воинов вооружено ружьями, остальные – луками и копьями. Есть у них и несколько пушек. В сущности, по числу людей и по количеству вооружения силы обеих сторон были почти равными.

Обдумывая план предстоящего нападения, Баранов и Лисянский прежде всего должны были решить, где нападать, в каком именно месте атаковать врага. Казалось, естественнее всего было попытаться вернуть Архангельскую крепость. Но по донесениям разведчиков получалось, что в этом нет никакого смысла. Архангельской крепости больше не существовало, осталось только место, где она прежде находилась. Деревянные стены ее были сожжены, земляные насыпи срыты. Ситкинцев в ней не было, и они, безусловно, вовсе не собирались ее защищать. Следовательно, захват ее обгорелых развалин не принес бы ровно никаких выгод.

Врага нужно было разбить там, где были сосредоточены его главные силы.

А главные силы ситкинцев, безусловно, находились в большом, хорошо укрепленном селении за мысом. Правда, разведчики доносили, что дальше по побережью ситкинцы недавно построили новую крепость. Но Баранов считал, что свое селение они будут защищать гораздо упорнее, чем крепость, и потому решено было нанести удар по селению.

28 сентября флот Баранова снялся с места и двинулся в путь по заливу. Среди сотен байдар и лодок возвышались корабли Российско-Американской компании «Александр», «Екатерина» и «Ермак». Баранов шел на «Ермаке». «Нева», двигавшаяся вместе со всем флотом, казалась исполином среди карликов. Как назло, ветра почти не было и движение совершалось крайне медленно.

Временами ветер пропадал совсем, и тогда гребные боты брали корабли на буксир и тащили их за собой. Весь день ушел на то, чтобы пересечь залив и обогнуть мыс. Только к десяти часам вечера, когда уж совсем стемнело, корабли и байдары остановились против берега, где расположено было селение.

Высаживаться на берег было уже поздно. Ночь провели на воде. До рассвета из селения доносилось странное тягучее завывание. Это шаманы колдовством призывали духов на помощь своему племени.

Наконец встало солнце и озарило сосновые леса, снежные вершины гор и обнесенное деревянным палисадом селение на холме у воды. Лисянского удивила тишина этого утра. В селении все было неподвижно. Да что они, спят там или умерли?

– Они ушли, – донесли кадьякцы, подходившие к самому берегу на своих легких байдарках. – Там никого нет.

Лисянский не сразу поверил этому известию. Он послал лейтенанта Арбузова посмотреть. Арбузов прошел на боте вдоль берега от одного конца селения до другого. В селении никого не осталось.

Баранов приехал к Лисянскому посоветоваться. События развивались не совсем так, как они рассчитывали, – неприятель на этот раз уклонился от боя,

– Ну что ж, зайдем селение, – предложил Баранов.

И Лисянский с ним согласился.

Опасаясь засады, он приказал сделать несколько залпов из пушек «Невы» по зарослям кустарника, окружавшим селение. Пушки грянули, но в зарослях никто не обнаружился.

Байдары, пироги, боты пристали к берегу, и в селение вступила вся разноплеменная рать.

Бревенчатые хижины индейцев, или, как их называли русские, бара-боры, лепились по склону холма. Баранов поднялся на вершину холма и водрузил флаг на высоком шесте. На берег перевезли шесть пушек и установили их так, чтобы они могли служить защитой и со стороны леса и со стороны моря. Баранов решил, что именно здесь будет находиться новая русская крепость, которую он построит взамен сожженной. Он придумал ей и название – Новоархангельская. В честь основания Новоархангельской крепости ровно в полдень был дан залп из всех орудий.

В бараборах обнаружили несколько стариков и старух, которых сит-кинцы, уходя, не пожелали взять с собой. Старики прятались и были уверены, что их немедленно предадут смерти. Лисянский приказал их успокоить, обласкать и накормить. Поев, они повеселели и охотно отвечали на вопросы, которые Лисянский и Баранов задавали им с помощью переводчиков.

По их словам, ситкинцы ночью долго спорили, защищать ли им свое селение или не защищать. Более воинственные тайоны советовали защищать, а более миролюбивые считали, что селение нужно оставить и уйти в недавно построенную крепость, в которой обороняться удобнее, чем в селении.

– Если бы тайон Котлеан был здесь, – сказал один из стариков, – взяли бы верх те, которые считали, что нужно защищать селение, но так как тайона Котлеана не было, победило мнение тех, которые предлагали уйти в крепость.

– А где же тайон Котлеан? – спросил Баранов.

– Уехал.

– Давно?

– Дней пять назад.

– Куда же он поехал?

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru
– Он отправился на пироге в бухту, где стоит сейчас американский корабль. До этой бухты два дня пути. Он повез американцам бобровые шкуры, чтобы получить от них побольше пороха.

Справедливость всего, что сказал старик, подтвердилась в тот же день. Из-за лесистого островка посреди залива вынырнула длинная пирога с десятью гребцами. На корме ее сидел тайон, голова которого была пышно украшена орлиными перьями. Пирога, видимо, направлялась к селению.

Но, выскочив из-за острова, сидевшие в ней внезапно увидели стоявший перед селением флот. Пирога круто повернула и на всех веслах понеслась обратно за островок.

Но было уже поздно. И пирогу и сидевшего в ней тайона успели заметить на берегу.

– Котлеан! Там тайон Котлеан! – закричали индейцы, входившие в войско Баранова.

За пирогой погнался многовесельный бот под начальством лейтенанта Арбузова. Желая обогнать своих преследователей, сидевшие в пироге несколько раз выстрелили по боту из ружей, но промахнулись. Тогда по приказанию Лисянского заговорили орудия «Невы». Лисянский вовсе не рассчитывал па попадание, он только хотел ядрами своих пушек задержать пирогу, заставить ее изменить курс. Но неожиданно одно ядро попало прямо в пирогу. Раздался оглушительный взрыв, от которого вздрогнул весь воздух над заливом. Все заволкло черным дымом.

В пироге был порох, порох взорвался, и взрыв уничтожил пирогу.

Когда дым рассеялся, бот Арбузова на месте взрыва подобрал шестерых раненых и оглушенных индейцев. Котлеана между ними не было.

Взрыв, вероятно, не задел тайона Котлеана, сидевшего па корме, в самом конце. Оказавшись в воде, он поплыл, несмотря на то, что вода в эти последние дни сентября была уже очень холодна. Плавал он, как рыба, и матросы с бота Арбузова заметили его только тогда, когда он был уже возле лесистого берега. Они послали ему вслед несколько выстрелов, но он вылез на берег, скрылся за соснами и, конечно, благополучно добрался до крепости, за стенами которой пряталось все его племя.

Баранов очень огорчился, что не удалось захватить Котлеана.

– Если бы Котлеан попался в наши руки, – говорил он, – война кончилась бы сразу и без всякого кровопролития.

1 октября флот Баранова и «Нева» медленно двинулись к новой крепости ситкинцев, стоявшей на том же берегу залива в полутора милях от селения.

«Ситкинская крепость, – пишет Лисянский, – представляла неправильный треугольник, большая сторона которого простиралась вдоль моря на 35 сажен. Стена состояла из толстых бревен наподобие палисада, внизу были положены мачтовые деревья внутри в два, а снаружи в три ряда, между которыми стояли толстые бревна длиной около 10 футов, наклоненные на внешнюю сторону. Вверху они связывались другими такими же

толстыми бревнами, а внизу поддерживались подпорками. К морю выходили одни ворота и две амбразуры, а к лесу – двое ворот».

Тридцать пять сажен – всего только шестьдесят пять метров. Такова была самая длинная стена крепости. Из этого видно, как невелика была вся крепость и как тесно было восьми сотням воинов, укрывшимся в ней вместе с женами и детьми.

Приближавшийся флот крепость встретила отчаянной пальбой из пушек. Пушек было всего две, и пушкари оказались такими искусными, что все ядра падали в воду, не принося никакого вреда.

Ни Баранову, ни Лисянскому не нужна была эта крепость ситкинцев, и они были бы рады, если бы дело повернулось как-нибудь так, чтобы се можно было не брать. Но они понимали, что, если крепость не взять, война будет продолжаться до бесконечности. Решено было начать, как водится, с осады, а там попытаться

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru вступить с противником в переговоры и, доказав ему безнадежность его положения, добиться мира на справедливых и обоюдно выгодных условиях.

Лейтенант Арбузов с небольшим отрядом матросов «Невы» высадился на берег и засел против левых ворот крепости. В его распоряжении было две пушки. Кроме того, в помощь ему было придано сотни две индейцев и кадьякцев под начальством своих тайонов. У правых ворот крепости засел сам Баранов, командуя отрядом русских промышленников. У него было три пушки и еще больше индейцев и кадьякцев. Так как при всем том в его отряде не было ни одного настоящего военного человека, Лисянский дал ему в помощники лейтенанта Повалишина. Третьи ворота, выходящие в сторону моря, сторожил флот. Ситкинцы оказались запертыми в своей крепости.

Осада встревожила ситкинцев необычайно. В первый же вечер они произвели вылазку – с яростью и отвагой отчаяния. Размахивая копьями и топорами, они ринулись разом из двух ворот – и в сторону Арбузова и в сторону Баранова. Вылазка эта была поддержана бешеным ружейным огнем со стен крепости. И тем не менее она легко была бы отражена, если бы индейцы, союзники русских, не побежали.

Оказалось, что при всей своей воинственности они не умеют сражаться стойко.

Видя, что индейцы бегут, кадьякцы побежали тоже. Русские остались одни. Весь удар они приняли на себя. Они не могли отступить, потому что не в силах были без помощи индейцев тащить свои пушки. И они мужественно стояли до конца возле своих пушек, чтобы не бросить их и не отдать врагу.

Это упорство русских матросов и промышленников решило все дело.

Ситкинцы, несмотря на свое громадное численное превосходство, наткнувшись на упорное сопротивление, отхлынули как раз в ту минуту, когда еще одно усилие могло, казалось, принести им победу. Арбузов послал им несколько ядер вдогонку. К этому времени союзные индейцы и кадьякцы успели опомниться. Выскочив из леса, они устремились в атаку. Ситкинцы едва успели вбежать в крепость и запереть за собой ворота.

Эта вылазка оказалась последним сражением всей войны. Обе стороны в этом сражении понесли тяжелые потери. Два матроса с «Невы» были убиты, третий вскоре скончался от ран. Почти все участвовавшие в бою были ранены, в том числе Повалишин и Баранов.

Раненный в руку, Баранов потерял много крови и вынужден был в течение нескольких дней лежать на койке у себя в каюте на «Ермаке», и Лисянскому пришлось одному продолжать начатое Барановым дело и при-ять на себя командование всей его многочисленной армией.

Потери ситкинцев убитыми и ранеными были еще больше. Перед воротами долго валялись трупы их раскрашенных воинов с перьями на головах. По главная их беда заключалась в том, что во время этой вылазки они истратили весь свой запас пороха. Тот порох, который котлеан вез от американцев, погиб, и это сделало их положение безнадежным. У них было восемьсот ружей и две пушки, но стрелять они больше не могли.

Им оставалось только одно – начать переговоры. И переговоры начались.

Тянулись они целых семь дней и продолжались почти непрерывно днем и ночью. Никогда еще в жизни Лисянского не было такой утомительной недели. Начались переговоры с помощью одной кадьякской женщины, которую ситкинцы захватили в плен, а потом отпустили, чтобы она рассказала Лисянскому об их намерении заключить мир. Потом к Лисянскому на «Неву» стали приезжать тайоны из крепости, по два, по три человека. Лисянский принимал их самым ласковым образом, угощал, одаривал топорами и бусами, они проводили на «Неве» по многу часов, возвращались в крепость, взамен них другие тайоны приезжали на «Неву», а дело почти не двигалось с места.

Лисянский ставил только одно условие – покинуть крепость. Он давал ситкинцам клятвенное обещание больше их не преследовать и разрешить им жить, где они пожелают. Приезжавшие тайоны один за другим соглашались на это условие. И все-таки дело почему-то не двигалось вперед.

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru
Причин этому было много. Во-первых, в крепости не было ни единого мнения, ни единой власти. Одни тайоны хотели немедленного мира, другие старались оттянуть мир насколько возможно. Послы племени давали обещания, но племя от этих обещаний отказывалось. Партия непримиримых, группировавшаяся вокруг тайона Котлеана, редела с каждым днем, однако все еще оказывала сильное влияние на настроение в крепости.

Во-вторых, и это самое главное, осажденные видели в предложениях Лисянского только обман, только коварство. Они не верили, что русские не собираются их истребить, – они ведь сами истребили гарнизон русской крепости! И убедить их в своем миролюбии Лисянский был не в силах. Они не сомневались, что он уговаривает их выйти из крепости только для того, чтобы удобнее было напасть на них и убить с женами и детьми.

Надо сказать, что Лисянский, обещая ситкинцам, что, выйдя из крепости, они будут в полной безопасности, иногда сам сомневался в возможности выполнить свое обещание. Дело в том, что пришедшие с Барановым индейцы тоже были убеждены, что Лисянский лукавит, и не сомневались, что ситкинцы будут отданы им на уничтожение. Они ликовали заранее, потому что ненавидели тайона Котлеана, много раз пытавшегося поработить все побережье, и радовались, что племя его будет истреблено. Неподалеку от крепости они нашли тайник – нечто вроде огромного погреба, – в котором ситкинцы хранили вяленую рыбу. Рыбы этой было так много, что ею нагрузили сто пятьдесят байдар. Ситкинцы, увидев со стен своей крепости, что запасы их обнаружены и расхищаются, подняли полный отчаяния вой. Напрасно Лисянский уговаривал союзных тайонов вернуть в тайник хотя бы часть рыбы – индейцы и кадьякцы считали эту рыбу своей законной добычей и сразу же поделили ее между собой. И Лисянского все больше тревожила мысль, что удержать их от нападения на осажденных, после того как те выйдут из крепости, будет трудно.

А время шло, и осажденным все яснее становилось, что покинуть крепость им придется. В крепости уже нечего было есть. 6 октября послы племени, прибыв на «Неву», окончательно приняли условия Лисянского. Договорились так: ночью все племя в один голос трижды прокричит: «У! У! У!» – в подтверждение того, что условия Лисянского приняты всеми. Затем они раскроют ворота, выходящие к морю, сядут в свои лодки и покинут крепость.

Лисянский особенно настаивал на том, чтобы осажденные вышли из крепости через ворота, обращенные к морю. Это дало бы ему возможность защитить их с помощью пушек «Невы», если бы на них попытались напасть.

Ночью на «Неве» действительно услышали трижды прогремевший рев:

– у! у! у!

Условия были приняты всеми. Команда «Невы» ответила на это троекратным «ура», настолько громким, что его, безусловно, слышали в крепости. Теперь оставалось ждать, когда раскроются ворота.

Лисянский вовсе не собирался торопить осажденных. Он понимал, что такому множеству семейств не так-то просто сразу собраться. Но время шло, встало солнце и высоко поднялось над лесом, а обращенные к морю ворота все не раскрывались.

Обычно из крепости доносился гул многих голосов и лай собак. Теперь все смолкло. Эта тишина удивила Лисянского. И когда он увидел, что над крепостью кружатся большие стаи ворон, он встревожился.

Лейтенант Арбузов, заглянувший в крепость через щель в воротах, сообщил Лисянскому, что в крепости никого нет. Это было похоже на чудо – все трое ворот оставались запертыми изнутри.

Лисянский съехал на берег, ворота взломали, вошли в крепость. Под одной из крепостных стен был обнаружен подкоп.

Тогда все стало ясно. Ситкинцы так и не поверили обещаниям Лисянского. Они не могли себе представить, что русские не собираются им отомстить. Они прорыли себе проход под стеной и в ночной тьме тайно ушли из своей крепости в лес.

7 октября Лисянский записал у себя в дневнике:

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy Nikolai.ru

«Сойдя на берег, я увидел самое варварское зрелище, которое могло бы даже и жесточайшее сердце привести в содрогание. Полагая, что по голосу младенцев и собак мы можем отыскать их в лесу, ситкинцы предали их всех смерти».

Так окончилась эта война с индейцами из залива Ситка, которых американцы сначала подучили напасть на русских, а потом бросили на произвол судьбы, подвергнув опасности полного уничтожения.

Рана Баранова заживала, и он снова принял на себя командование своим войском. Он добился того, чтобы ситкинцев действительно никто не преследовал. Для этого он прежде всего увел своих союзников в Новоархангельскую крепость. Часть из них он занял строительными работами, а другую часть – охотой на моржей и тюленей, которая была очень успешна.

«Неве» нужно было возвращаться на Кадьяк, чтобы принять в свои трюмы груз мехов со складов Российско-Американской компании. А так как корабль нуждался в ремонте, решено было там и перезимовать.

Баранов, оставшийся на зиму в Новоархангельской, приехал к Лисянскому попрощаться.

– Будущим летом перед отплытием в Китай непременно заходите сюда, в Ситкинский залив, – сказал он ему, – и вы увидите, как дружно мы будем жить с ситкинцами.

ЗИМОВКА НА КАДЬЯКЕ

10 ноября «Нева» покинула Ситку, а уже 15-го вошла в гавань Святого Павла на острове Кадьяк. Приближалась зима, шел снег, и команда «Невы», готовясь к зимовке, прежде всего расснастила свой корабль и как следует укрепила его. Затем моряки переселились на берег в избы русских промышленников. «Читатель легко может себе вообразить радость, – пишет Лисянский, – которую наши матросы выказали при этом, так как после столь продолжительного плавания, а особенно после ситкинского похода, даже и пустая земля должна была показаться им гораздо приятнее, нежели самый лучший корабль».

Зимовка команды «Невы» прошла спокойно. Зима на Кадьяке оказалась многоснежной, но не очень холодной. Часто бывали оттепели, и температура ни разу не падала ниже 17 градусов мороза.

Потом пришла весна, снег растаял, горы покрылись зеленью, и нужно было готовиться к дальнейшему плаванию. Трюмы «Невы» приняли в себя громадные запасы мехов. С погрузкой справились довольно скоро, но оказалось, что на «Неву» нужно поставить новый бушприт взамен старого. Эта работа задержала моряков больше, чем они рассчитывали, и «Нева» вышла из гавани Святого Павла только 13 июня 1805 года.

Она направлялась прежде всего в Ситку, чтобы захватить заготовленные Барановым заготовленные за зиму меха, а оттуда – в Китай для встречи с «Надеждой».

ОПЯТЬ В ЗАЛИВЕ СИТКА

22 июня «Нева» снова вошла в Ситкинский залив и бросила якорь неподалеку от Новоархангельской крепости.

Баранов немедленно явился к Лисянскому, и они обнялись. Летом прошлого года они успели оценить и полюбить друг друга. Рана Баранова за зиму зажила, он был здоров и деятелен, как всегда. Сейчас он был занят строительством Новоархангельской крепости, которую собирался превратить в настоящий город. Он тотчас же повез Лисянского на берег, спеша показать ему все, что уже успел выстроить. «К величайшему моему удовольствию, я увидел удивительные плоды

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru неустанного трудолюбия Баранова, – пишет Лисянский. – Во время нашего краткого отсутствия он успел построить восемь зданий, которые по своему виду и величине могут считаться красивыми даже и в Европе. Кроме того, он развел пятнадцать огородов вблизи селения. Теперь у него находятся четыре коровы, две телки, три быка, овца с бараном, три козы и довольно большое количество свиней и кур. Такое имущество в этой стране драгоценнее всяких сокровищ».

Конечно, Лисянский прежде всего спросил Баранова, как и где теперь живут ситкинцы и удалось ли установить с ними мирные отношения. Баранов рассказал ему, что ситкинцы за зиму построили себе новое селение милях в десяти от Новоархангельской крепости, на берегу одного пролива. Добрые отношения между ними и русскими начали устанавливаться с середины зимы. Прежде всего возобновилась торговля. Встречались на лесной поляне, лежавшем примерно на середине пути между обоими селениями, и обменивались товарами. Однако в селения друг к другу не заходили.

– Но как раз сейчас здесь совершаются великие события, – сказал Баранов. – Я отправил к ситкинцам посольство – с подарками и с приглашением в гости. Посольство еще не вернулось, однако у меня есть сведения, что встречено оно отлично. И вот я жду гостей. Возможно, гостем нашим будет сам тайон Котлеан.

Посольство, отправленное Барановым, вернулось 16 июля на трех байдарках. Рядом с тремя байдарками шли две пироги. В пирогах были гости.

К приему гостей Баранов подготовил пышную церемонию, главными исполнителями которой были индейцы-чугачи. Чугачами русские называли индейцев, обитавших по берегам Чугатского залива, к северо-западу от Ситки. Это были вернейшие союзники Баранова, и многих из них он поселил в Новоархангельской крепости. По языку и обычаям они нисколько не отличались от ситкинцев, и Баранов воспользовался ими, чтобы встретить гостей так, как здесь было принято.

Чугачи разоделись, раскрасили лица и посыпали себе головы светлым орлиным пухом.

Подъехав к берегу, ситкинцы начали плясать в своих лодках. Неистовее всех плясал возглавлявший их тайон. Он прыгал, размахивая орлиными хвостами.

Это был не котлеан, это был единственный из ситкинских тайонов, который не участвовал в нападении на Архангельскую крепость. Случайно ли или из хитрости, но перед этим нападением он отправился куда-то далеко на охоту и вернулся в Ситку только тогда, когда все уже было кончено. И то, что ситкинцы послали сейчас к Баранову именно этого тайона, доказывало, что они все еще не вполне доверяли русским.

Ситкинцы плясали в своих лодках минут пятнадцать. Едва они кончили плясать, как на берегу заплясали чугачи. Во время пляски чугачей обе пироги ситкинцев подошли к берегу вплотную. Тогда кадьякцы, которых в Новоархангельской крепости тоже было немало, вошли в воду, подняли пироги и на руках вынесли на берег вместе с сидевшими в них гостями. Не выходя из лодок, ситкинцы любовались пляской чугачей до тех пор, пока те не перестали плясать. Наплясавшись, чугачи посадили ситкинско-го тайона на ковер и отнесли в предназначенный для него дом. Остальных гостей тоже отнесли на руках, но без ковра. В доме их ждало щедрое угощение. На следующий день ситкинский тайон вместе со свитой направился на «Неву» в гости к Лисянскому. Для этого Баранов предоставил им свой собственный ялик. Едва отвалив от берега, гости начали петь и плясать. Так, с пением и пляской, они взошли на корабль. На шканцах «Невы» они плясали еще не меньше получаса.

, Ситкинского тайона, человека немолодого, сопровождала группа воинов, а также родная его дочь со своим мужем. Воинов Лисянский приказал угощать наверху, а тайона, его дочь и зятя повел к себе в каюту. В каюте они пировали часа два, потом вышли на палубу и снова принялись плясать. «Эти люди непрерывно пляшут, – пишет Лисянский, – и мне никогда не случалось видеть трех индейцев вместе, чтобы они не завели пляски».

Тайон очень интересовался пушками «Невы», внимательно рассмотрел их и попросил у Лисянского разрешения выстрелить. Лисянский разрешил. Тайон зарядил пушку и выстрелил из нее с полным знанием дела, причем, как отмечает Лисянский, «ни сильный звук, ни движения орудия не вызвали у него ни малейшего страха».

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru Гости уехали на берег, а на другой день покинули Новоархангельскую крепость, провожаемые Барановым и пляшущими чугачами, нагруженные подарками. Тайону Баранов подарил алый байковый, украшенный горностаями халат, а каждому его спутнику – по синему халату. Кроме того, он выдал им по большой оловянной медали – в честь заключения мира между русскими и ситкинцами. Прощаясь с тайоном, он сказал:

– А все-таки меня удивляет ваш тайон Котлеан. Почему он не приезжает ко мне? Неужели у него не хватает смелости? Передай ему, что я жду его в гости, и, если он не приедет, я буду думать, что он замышляет против нас что-нибудь дурное.

Эти слова Баранова, безусловно, были переданы Котлеану, потому что 28 июля тайон Котлеан в сопровождении одиннадцати воинов посетил Новоархангельскую крепость. Конечно, все они тоже пели и плясали в пирогах. Прежде чем пристать к берегу, он прислал Баранову одеяло из чернобурых лисиц, прося, чтобы ему были оказаны те же почести, как тому тайону, который приезжал до него. Баранов ответил, что, к величайшему сожалению, такие почести никак не могут быть ему оказаны, потому что большинство чугачей и кадьякцев находятся далеко на охоте. Хотя действительно большинство чугачей и кадьякцев находилось в этот день на охоте, но все-таки со стороны Баранова это была только отговорка. Просто ему хотелось подчеркнуть, что к своему гостю, бывшему врагу России, он относится вежливо, но холодно, и гость, безусловно, понял это. Однако Котлеан сделал вид, что нисколько не уязвлен таким приемом, держался дружелюбно и добродушно.

«Наши посетители, – пишет Лисянский, – были так же раскрашены и покрыты пухом, как и прежние, но одежда их была несколько богаче. На Котлеане был английский фризовый халат. На голове он носил шапку из черных лисиц. Роста он среднего и имеет весьма приятное лицо, черную небольшую бороду и усы. Его считают самым искусным стрелком. Он всегда держит при себе до двадцати хороших ружей. Несмотря на наш холодный прием, Котлеан погостил у нас до 2 августа и плясал каждый день со своими подчиненными».

Баранов и Лисянский подолгу беседовали с ним. Котлеан признавал себя виновным во всем, жаловался, что американцы обманули его, и обещал загладить свой проступок верностью и дружбой. На прощание Баранов подарил ему табак и синий халат с горностаями. Табак был роздан и его воинам. «Прощаясь с нами, – пишет Лисянский, – Котлеан изъявил свое сожаление, что не застал кадьякцев, при которых ему сильно хотелось поплясать, уверяя, что никто не знает так много плясок разного рода, как он и его подчиненные. Удивительно, как ситкинцы пристрастны к пляске, которую они считают самой важной вещью на свете».

Баранову и Лисянскому вскоре пришлось принимать у себя еще одного ситкинского тайона. Дело в том, что племя не хотело больше признавать Котлеана своим главным вождем. Ошибочность всей его прежней политики была теперь настолько очевидна, что он не мог оставаться на своем посту. Племя избрало себе нового главного тайона, и этот новый главный тайон начал с того, что поехал показывать свою особу русским.

Он прогостил в Новоархангельской крепости несколько дней. Никогда еще Лисянскому не приходилось встречать такого чванливого человека. Он упивался своим высоким званием и требовал, чтобы его всегда носили на плечах. Он не соглашался ни одного шага сделать собственными ногами и слезал с чужих плеч только тогда, когда ему хотелось поплясать. Плясал он не меньше остальных своих соплеменников. При всей своей заносчивой важности он постоянно говорил о любви к русским и о верности им.

Лето шло к концу, и приближалось то время, когда, по уговору с Крузенштерном, «Нева» должна была отправиться в Китай на соединение с «Надеждой». Приняв в свои трюмы заготовленные Барановым меха, она 2 сентября подняла паруса, снялась с якорей и двинулась в путь. Но при выходе из Ситкинского залива ветер вдруг упал, наступил полный штиль, и «Нева» остановилась. Баранов на ялике догнал «Неву» и поднялся на палубу, чтобы еще раз пожать руку Лисянскому.

«С Барановым я распрощался не без сожаления, – записал Лисянский. – Он по дарованиям своим заслуживает всякого уважения. По-моему мнению, Российско-Американская компания не может иметь в Америке лучшего начальника. Кроме познаний, он имеет уже привычку к выполнению всяких трудов и не жалеет

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy Nikolai.ru
собственного своего имущества для общественного блага».

Ночью подул ветер, и «Нева», покинув берега Америки, понеслась через Тихий океан.

ОСТРОВ ЛИСЯНСКОГО

Намечая заранее по карте курс своего корабля между Америкой и Азией, Лисянский старался избрать такой путь через необъятную ширь Тихого океана, по которому до него не проходил еще ни один мореплаватель. Он надеялся в этих безграничных просторах отыскать какую-нибудь неведомую землю. Всей команде было приказано зорко следить за горизонтом – не покажется ли где-нибудь земля.

Однако миновало уже полтора месяца с тех пор, как «Нева» покинула Ситкинский залив, а они не видели ни малейшего признака земли. Только волны да небо – день за днем, неделя за неделей. Они уже пересекли тропик Рака и, несмотря на то, что стояла середина октября, страдали от жары. Весь день сверкало солнце, но едва оно закатывалось, как сразу, без всякого перехода, опускалась непроглядная тьма тропической ночи.

15 октября, в десять часов вечера, все находившиеся на корабле почувствовали сильный толчок. Было совершенно темно. «Нева» остановилась и стала медленно крениться набок.

Лисянский сразу понял – мель! Всю команду вызвали наверх, немедленно спустили все паруса, чтобы «Неву» не перевернуло ветром. «Нева» несколько выпрямилась, но по-прежнему осталась неподвижной – она прочно застряла па мели.

Впереди, за ночную тьмой, Лисянский слышал глухой и мрачный шум. Опытным слухом моряка он сразу определил, что это такое. Это шумели буруны, это грохотали волны, набегая на берег.

Стараясь облегчить корабль, Лисянский приказал сбросить с палубы в воду все, что возможно. К каждому предмету, перед тем как его выбросить, привязывали поплавок, чтобы он не затонул и потом можно было подобрать его. Но сбрасывание вещей за борт нисколько не помогло. «Нева» не двигалась.

Положение было отчаянное. Стоит ветру немного усилиться – и корабль перевернется. Нужно было немедленно принимать самые решительные меры.

Спустили на воду все гребные суда, привязали их к корме «Невы» и, гребя изо всех сил, старались стащить ее с мели.

Какова была их радость, когда они почувствовали, что «Нева» чуть-чуть движется! Но двигалась она чрезвычайно медленно. Гребцы совершенно выбивались из сил, прежде чем им удавалось сдвинуть ее на дюйм. Матросы, сидевшие за веслами, сменялись каждые десять минут.

Так прошла ночь.

И только в то мгновение, когда солнце выглянуло из-за горизонта, освобожденный корабль закачался наконец на волнах.

И при солнечном свете моряки на расстоянии мили от себя увидели низкий плоский берег, не обозначенный ни на одной карте.

Это было важное открытие.

Однако в тот день им не только не удалось побывать на новооткрытой земле, но даже как следует посмотреть на нее. Веды их еще не кончились. Налетел шквал, подхватил только что освобожденную «Неву» и снова швырнул на мель.

Положение стало еще опаснее, чем было, потому что ветер усилился. И всю работу пришлось начать заново. Утомленные ночной греблей матро сы снова сели на весла.

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru
Теперь грести было куда тяжелее, потому что тропическое солнце, подымаясь все выше, жгло без пощады. Опять началась отчаянная борьба за каждый дюйм. Так прошел весь день. Только на закате «Неву» удалось освободить вторично.

Ночь прошла тревожно, потому что шум бурунов доносился с нескольких сторон, пена белела на торчавших из воды камнях, и только на рассвете «Неве» удалось отойти на безопасное расстояние от страшной мели. Весь следующий день охотились за сброшенными в воду предметами, которые успели отплыть уже довольно далеко. И лишь 18 октября Лисянскому удалось заняться исследованием неведомого острова.

Вместе со штурманом Калининым, лейтенантом Повалишиным и несколькими матросами он с утра отправился в ялик на берег. Пристать к острову оказалось не просто, потому что пришлось перебираться через бушевавшие вдоль берега буруны. Выпрыгнув из ялика на берег, они сразу очутились в густой и высокой траве.

Остров имел в длину немногим более мили, был совершенно плоским и весь порос травой, колыхавшейся на морском ветру. На всем острове не видно было не только ни одного дерева, но даже кустика. Однако голый этот остров был чрезвычайно густо населен. На берегах его лежали жирные тюлени, не обратившие на моряков ни малейшего внимания. Несколько из них матросы тут же убили веслами и кинули в ялик, чтобы захватить с собой. А над островом и в траве было бесчисленное множество морских птиц.

По траве оказалось трудно ходить, потому что с каждым шагом моряки наступали на птичьи гнезда и давили птенцов, которые пищали у них под ногами. Птицы относились к людям с таким же бесстрашием, как и тюлени, – им никогда еще не приходилось видеть человека. Ничего не стоило ловить их руками.

Солнце жгло немилосердно, и укрыться от него на острове было невозможно. Но Лисянский решил во что бы то ни стало обойти остров кругом, чтобы занести все его берега на карту и посмотреть, нет ли где-нибудь пресной воды.

Это была длинная и однообразная прогулка, которая не принесла им никакой радости. Они не нашли ни малейшего признака пресной воды – ни родника, ни ключа. «Воткнув шест в землю, – пишет Лисянский, – я зарыл подле него бутылку с письмом о нашем открытии этого острова, а йотом возвратился на корабль в полной уверенности, что если судьба не удалит пас от этого места, то следует ожидать скорой смерти. При совершенном недостатке в пресной воде и лесе, какие можно было бы предпринять средства к спасению? Правда, нас снабдили бы пищей рыбы, птицы, тюлени и черепахи, которых на острове большое количество, но чем мы могли бы утолять жажду? Этот остров, кроме явной и неизбежной гибели, ничего не обещает предприимчивому путешественнику. Находясь посреди весьма опасной мели, он лежит почти наравне с поверхностью воды».

По настоянию всей команды, Лисянский назвал открытый ими остров островом Лисянского.

И «Нева» на всех парусах понеслась прочь от этого предательского места. Чтобы попасть в Китай, ей еще предстояло пересечь половину океана.

5. КИТАЙ ИСПАНСКАЯ КАРТА

«Надежда» между тем 9 октября 1805 года оставила Петропавловск.

Не успела она выйти из Авачинской губы, как повалил густой снег. Зыбкая, мелькающая мгла сразу скрыла морс и берег. На палубе люди не видели друг друга. Как же тут найти узкий пролив, соединяющий Авачинскую губу с океаном?

Внезапно чуть не сели на мель – лот показал четыре сажени глубины. Стало ясно, что сбились с пути. Переходили с галса на галс, меняли курс ежеминутно. Но выход из бухты, такой близкий, пропал в метели бесследно.

В пять часов настала ночь.

И всю бесконечную осеннюю ночь «Надежда» простояла в нескольких милях от Петропавловска под парусами. Матросы все время счищали снег с палубы. Приходилось взлезать на мачты и отряхивать паруса – липкий снег приставал к ним, покрывал их толстым слоем, и полотнища оседали тяжелыми мешками, грозя оборваться.

11-го утром снег наконец перестал падать, и воздух прояснился. Берег совсем изменился за эти два дня: глубокие сугробы скрыли все ямы и камни. Избы Петропавловска, видневшиеся вдаль, были уже по самые окна засыпаны снегом и от этого казались еще ниже. Началась восьмимесячная камчатская зима.

«Надежда» без всякого труда прошла через пролив и вышла в океан. Курс взяли прямо на юг.

По дороге в Китай Крузенштерн должен был выполнить еще одно важное для науки дело. Чтобы понять, в чем заключалось это дело, нужно рассказать о морском сражении, случившемся за шестьдесят три года до кругосветного плавания «Надежды» и «Невы».

В 1742 году, во время войны между Англией и Испанией, английский военный фрегат под командой адмирала Энсона находился в Тихом океане. Внезапно он встретил там испанское купеческое судно, шедшее из Манилы, столицы филиппинских островов, в Акапулько, порт Мексики. В то время и Филиппинские острова и Мексика были колониями Испании. Адмирал Энсон после короткого боя захватил испанский корабль в плен. Англичанам досталась богатая добыча – испанцы везли множество драгоценных товаров. Но из всей этой добычи адмирал Энсон больше всего дорожил географической картой, которую нашел в каюте испанского капитана.

Карту Тихого океана, найденную на захваченном испанском корабле, адмирал Энсон привез в Англию. Здесь ее принялись изучать знаменитейшие английские географы. Они нашли на этой карте много дотоле неведомых земель. Но кое-что показалось им подозрительным, неправдоподобным.

В некоторых местах уже побывали английские мореплаватели, и карты, составленные ими, не всегда совпадали с картой испанцев. Географы поняли, что испанская карта нуждается в проверке.

Между прочим, на этой злополучной карте к востоку от Японии были обозначены три больших острова: Гваделупа, Малабригос и Сан-Хуан. Никто из английских и французских мореплавателей в этой части океана никогда не бывал и островов этих не видел. Они обозначались на всех картах, но многие географы подозревали, что островов этих в действительности не существует, а просто их изобрел какой-нибудь испанский капитан, которому захотелось похвастать на родине своими открытиями.

И, торопясь на свидание с «Невой», Крузенштерн все же решил отклониться к востоку от прямого пути и выяснить наконец, существуют ли острова Гваделупа, Малабригос и Сан-Хуан.

Камчатка уже давно исчезла вдаль, а теплее не становилось. Небо было хмурое, быстро мчались темные тучи. Дул сильный ветер, «Надежду» очень качало. 13 октября выглянуло солнце, но через полчаса опять скрылось в тучах, и погода стала еще хуже, чем прежде. Началась буря. Полны заливали палубу, люди мокли, одежда их покрывалась твердой коркой льда. Петер был все время встречный. Он дул как раз оттуда, где были расположены таинственные острова, обозначенные на испанской карте. Гваделупа, Малабригос и Сан-Хуан, казалось, нарочно не хотели подпустить к себе моряков.

21 октября мороз внезапно прекратился, и сразу, без всякого перехода, наступила жара. Но ветер был по-прежнему встречный, в тумане люди не видели друг друга на расстоянии двух шагов, не прекращался проливной дождь. В этом влажном зное моряки задыхались. Однако ничто не могло сломить их упорства. «Надежда» проходила за день всего несколько миль, но ни разу не уклонилась с пути.

Только 29-го наконец окончилась буря, бушевавшая двадцать дней. Небо прояснилось, выглянуло солнце, ветер поутих, море стало мало-помалу успокаиваться. Судя по карте, остров Гваделупа должен был находиться уже совсем близко. Моряки внимательно разглядывали прояснившийся горизонт. Каждый хотел

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru первым заметить землю, но нигде не было ни малейших признаков земли – лишь море и небо.

Ночью Крузенштерн приказал убавить паруса и идти как можно медленнее, чтобы не налететь во тьме на прибрежные скалы. Никто не ложился спать – все прислушивались, стараясь уловить шум береговых бурунов. Ежеминутно бросали лот, но даже веревкой в сто пятьдесят сажен не могли достать дно.

Едва встало солнце, все снова кинулись смотреть, но опять не увидели ничего, кроме моря и неба.

Вычислив долготу и широту, Крузенштерн убедился, что «Надежда» находится как раз в том самом месте, где на испанской карте обозначена середина острова Гваделупы.

– Мы плывем по земле, – говорил он, смеясь, Ратманову, разочарованно разглядывавшему горизонт. – Неужели вы не видите, что нас окружают леса, поля, горы?

– Я бы перевешал всех этих хвастунишек, открывающих несуществующие острова! – сердился Ратманов. – Теперь мы можем спокойно идти в Китай. Будьте уверены, Малабригос и Сан-Хуан ничем не отличаются от Гваделупы. Разыскивать их не стоит...

– Вы правы, – ответил Крузенштерн. – Малабригос и Сан-Хуан тоже не существуют. Но мы обязаны это доказать, чтобы впоследствии другим мореплавателям не пришлось потратить на розыски несуществующих островов столько времени и сил, сколько потратили мы.

Однако уже 1 ноября «Надежда» с такой же легкостью прошла сквозь остров Малабригос, как прежде сквозь остров Гваделупу. Отсутствие острова Сан-Хуана, занесенного на карту рядом с Малабригосом, было доказано 5 ноября.

Теперь можно было взять курс на юго-запад, в Макао.

ПОВСТАНЦЫ

Таинственный Китай привлекал молодых лейтенантов и мичманов «Надежды» не меньше, чем Япония.

До них ни один русский корабль не посещал китайских берегов.

Вся русско-китайская торговля с давних пор велась исключительно через маленький сибирский город Кяхту. Туда приезжали китайские купцы, привозили тюки с чаем, забирали русские собольи и лисьи меха и увозили их караванами в Китай.

О китайцах моряки «Надежды» знали очень мало: слышали, что Пекин самый большой город в мире, что китайцы молятся в странных храмах – пагодах, что они делают замечательную посуду из фарфора, что едят они не слева направо, а сверху вниз, что они удивительно вежливы и что управляют ими мандарины. Всем хотелось побывать в такой занятой и неведомой стране. Прежде они с завистью смотрели на своего капи тана, который был уже однажды в Макао. Теперь они скоро сами побывают там и сами увидят все чудеса.

– Не надейтесь, – разочаровывал их Крузенштерн. – Как следует познакомиться с Китаем вам не удастся. Макао – город португальский. В нем порт, несколько европейских домов, казармы, укрепления и католические монастыри, полные высланных из Португалии монахов. Правда, рядом с Макао, в том же самом заливе, расположен Кантон, большой китайский город, но туда строжайше запрещен вход европейцам...

Теперь и погода и ветер благоприятствовали плаванию. 18 ноября моряки увидели берег китайского острова Тайвань. Плыть оставалось немного. Скоро можно будет отдохнуть в удобном порту.

19-го, в пять часов дня, едва Тайвань исчез из виду, Крузенштерн заметил

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru крохотный островок, на котором стояли два домика. От острова отделилась лодка и быстро понеслась к «Надежде». Крузенштерн приказал убавить ход, и лодка подошла к кораблю вплотную. Сверху спустили канат, и по канату на палубу взобрался пожилой китаец.

Вся команда столпилась вокруг, с любопытством разглядывая его желтое морщинистое лицо, бритое темя и длинную, туго заплетенную косу.

Китаец подошел к Крузенштерну, поклонился так низко, что чуть не коснулся лбом палубы, и на сквернейшем английском языке объяснил, что он лоцман и за небольшую плату беретса ввести «Надежду» в порт Макао.

Крузенштерн очень обрадовался этому предложению, потому что возле Макао много подводных мелей и рифов, не зная которые трудно ввести корабль в порт.

Лодка поплыла обратно к островку, а старый китаец остался на «Надежде». Впрочем, лоцманские его обязанности должны были начаться только ночью, а пока он пошел вниз, пообедал и улегся на койке.

Перед самым закатом Крузенштерн увидел впереди множество четырехугольных парусов, озаренных красными лучами низко опустившегося солнца. Солнце находилось как раз за судами и мешало их рассмотреть – видны были только темные силуэты парусов. Он насчитал около трехсот кораблей, не слишком больших, но и не очень маленьких. Триста кораблей – огромный флот!

«Рыбаки», – подумал Крузенштерн.

Ему не хотелось объезжать всю флотилию кругом – это отняло бы слишком много времени, – и он повел «Надежду» напрямик, надеясь пройти между кораблями до темноты.

Ветер дул свежий, «Надежда» шла быстро, и скоро суда с четырехугольными парусами замелькали по обеим ее сторонам. Теперь Крузенштерн уже мог рассмотреть их как следует.

Прежде всего его поразила многолюдность команд – на некоторых палубах было человек двести. Напрасно старался он заметить какие-нибудь рыбацьи принадлежности – сети или бочки для соления рыбы. Но зато он увидел, что за плечами почти каждого из этих рыбаков висит длинное ружье.

Это встревожило его не на шутку. Но особенно он взволновался, когда ему показалось, будто он разглядел стволы пушек, торчащие из люков.

Кто-то взошел сзади него на капитанский мостик. Крузенштерн обернулся. Это был старик лоцман. На его желтых щеках появились белые пятна. Он что-то быстро-быстро бормотал себе под нос по-китайски.

– Что случилось? – спросил Крузенштерн.

Перепуганный вид китайца еще более усилил его беспокойство.

– Да ответьте же, лоцман! Вам известно, что это за суда?

Но старик долго еще продолжал бормотать. Крузенштерн понял, что китаец молится. Наконец лоцман взглянул на Крузенштерна и проговорил, задыхаясь:

– Это пираты!

Пираты! Неужели это те самые китайские пираты, которых страшился еще Лаперуз, девятнадцать лет назад плывший в Макао этим же путем?

Коверкая английские слова, лоцман рассказал Крузенштерну, что в Южном Китае налоги разоряют множество крестьян и они постоянно восстают, захватывают разные суда и уходят в море. Носясь по морям вдоль китайских берегов, они воюют со своими угнетателями и грабят проходящие корабли.

– Они нас не пощадят! – охал старик. – Они не оставят в живых ни одного человека!

И снова забормотал свои молитвы.

Но грозные пираты, казалось, и не думали вступать в бой. Суда их сторонились и давали «Надежде» дорогу. Отовсюду в полном молчании глядели на нее десятки тысяч глаз. Мало-помалу весь пиратский флот оказался позади.

– Они пропустили нас, потому что мы идем под незнакомым флагом, – сказал лоцман, облегченно вздыхая. – Если бы флаг у нас был английский или португальский, мы не ушли бы отсюда живыми. Португальцы и англичане помогают нашему императору бороться с восставшими крестьянами, и пираты их ненавидят.

Ночью, стоя рядом с Крузенштерном на капитанском мостике и чутьем угадывая безопасный путь между рифами, лоцман рассказывал о ежегодных восстаниях в Китае.

Население не в состоянии вынести гнет правительства. Крестьяне должны отдавать одну треть своих урожаев чиновникам-мандаринам, а другую треть – помещикам. Суд судит только за деньги и всегда присуждает в пользу богатого. За малейшее непослушание бьют бамбуковыми палками по пяткам. С неплательщиков налогов живьем сдирают кожу, а потом разрезают все тело на куски. Беднота, не имея возможности прокормить своих детей, убивает их и трупы бросает в реку. Бывают месяцы, когда реки заполнены детскими трупами. Поэтому восстания не прекращаются. Восстают целые области.

Старик лоцман в эту долгую ночь рассказал Крузенштерну о великом морском сражении, которое произошло всего несколько месяцев назад между императорским флотом и флотом повстанцев.

Командиром императорского флота был адмирал Ван Та-чжин, любимец императора. После продолжительной кровавой битвы ему удалось загнать флот повстанцев в маленький заливчик и запереть его там. Повстанцев обстреливали со всех сторон – с моря и с берегов. Чувствуя, что положение безнадежно, повстанцы начали мирные переговоры. Предводитель повстанцев предложил адмиралу Ван Та-чжину такие условия: все повстанческие корабли передаются императорскому флоту, а повстанцы остаются офицерами и матросами на этих кораблях и получают за свою службу от казны жалованье. Эти условия привели адмирала Ван Та-чжина в восторг. Подумать только: он увеличит императорский флот на триста прекрасных вооруженных военных кораблей, со множеством опытных моряков! Мир был немедленно заключен. Оба флота, объединившись, вышли из залива. Но едва повстанцы увидели простор океана, они перестали считать себя частью китайского военного флота. Ной неожиданно возобновился, и на этот раз императорским кораблям пришлось бежать с большим уроном. Мало того – многие корабли императорского флота изменили и перешли на сторону повстанцев. Адмирал Ван Та-чжин едва спасся, укрывшись в порту Кантона.

С тех пор императорский флот, сильно поредевший и потрепанный, не решается более встретиться лицом к лицу с флотом повстанцев.

МАКАО

На рассвете 20 ноября Крузенштерн увидел вдали низкий берег Китая. Над бесчисленными подводными скалами бурлила пена, и капитан окончательно убедился, что без помощи опытного лоцмана, знающего море вокруг, ему вряд ли удалось бы провести здесь «Надежду».

После обеда наконец вдали показались домики Макао. Но ветер вдруг утих, и «Надежда» пошла совсем медленно. Только в семь часов вечера бросили якорь как раз против города, в трех милях от берега, потому что ближе, по словам лоцмана, такой большой корабль, как «Надежда», мог сесть на мель.

Кругом куда ни кинешь взор, подымались мачты судов. – Эй, Ратманов, Головачев! – крикнул Крузенштерн. – Поглядите, не видно ли нашей «Невы»?

Уже все население корабля искало глазами «Неву». На кораблях, окружавших «Надежду», развевались флаги Португалии, Китая, Англии, Голландии, Соединенных

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
Штатов, Швеции, Испании и Дании. Но знакомой и милой всем «Невы» нигде не было.

– Ну ладно, завтра отыщется, – сказал Крузенштерн. – Ее, верно, заслоняют от нас другие корабли.

Однако он был сильно встревожен и с трудом скрывал свое волнение от окружающих.

Уже начало темнеть, и Крузенштерн решил, что на берег он поедет только завтра утром.

Ночь прошла спокойно.

А в восемь часов утра с палубы увидели большую лодку, полную разодетых в шелк китайцев. Лодка на всех веслах неслась к «Надежде».

Когда лодка подошла вплотную к кораблю, спустили трап, и на палубу взобрался толстый, важного вида китаец. Он низко поклонился Крузенштерну.

Это был китайский чиновник, которого в Макао называли португальским словом «компрадор». На обязанности компрадора лежала доставка провизии судам, стоявшим в порту. В Макао власти разрешали капитанам кораблей покупать провизию только через компрадора. Поэтому компрадор мог назначить любые цены – волей-неволей приходилось платить.

Крузенштерн знал, что торговаться с компрадором бессмысленно. Прежде всего, он задал китаюцу вопрос, который так волновал его всю ночь.

– Вы знаете все суда, стоящие тут на рейде, дорогой компрадор, – сказал он по-английски. – Укажите нам, где стоит корабль с таким же флагом, как наш.. Он недавно пришел из Америки.

– Здесь нет больше кораблей с таким флагом, капитан, – учтиво ответил китаец. – Я служу в Макао двадцать пять лет и могу вам поручиться, что корабль с таким флагом, как ваш, впервые зашел сюда.

Значит, «Нева» еще не приходила! Что же с ней случилось?

Несчастья одно страшнее другого мерещились Крузенштерну. То ему казалось, что «Нева» разграблена индейцами и вся команда уведена в плен в глубь Америки; то чудилось, что ураган потопил корабль среди океана...

Заказав компрадору свежей провизии и согласившись на все его условия, Крузенштерн решил поехать в город, к португальскому губернатору. Он, во-первых, должен был известить губернатора о приходе «Надежды» в порт, а во-вторых, хотел узнать у него с полной достоверностью, нет ли каких-нибудь известий о «Неве».

Но не успел Крузенштерн сесть в шлюпку, как на корабль явился новый гость. Это был португальский морской офицер. На нем была широкополая шляпа с павлиньими перьями, серебряные эполеты на пять фунтов каждый, цветные ленты, перетягивавшие грудь, и штаны в обтяжку ярко-желтого цвета. Португалец подошел к Крузенштерну и что-то грубо сказал. Крузенштерн спросил его по-английски, что ему угодно. Но португалец, очевидно, английского языка не знал. Он продолжал что-то требовать по-португальски и бесцеремонно потащил капитана в кают-компанию «Надежды». Не зная, кто он такой, Крузенштерн не решился оставить корабль и отправил вместо себя к губернатору лейтенанта Левенштерна.

Спустившись в кают-компанию, португалец сразу повеселел. Он поднес кулак себе ко рту и сделал вид, что пьет. Крузенштерн догадался, чего он хочет, и велел подать ему стакан водки. Португалец выпил стакан одним залпом и потребовал еще. Крузенштерн приказал налить ему снова. Гость выпил второй стакан и, даже не поблагодарив, вышел на палубу, сел в шлюпку и уехал к себе на корабль.

Русским совсем не понравилась такая наглость, но они решили не подымать скандала – португальцы были здесь хозяевами.

В три часа дня вернулся лейтенант Левенштерн. Он рассказал, что губернатор принял его весьма любезно. Левенштерн прежде всего спросил у губернатора, не приходила ли «Нева». Но губернатор ничего о «Неве» не знал. Он в свою очередь

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru спросил у Левенштерна, военный ли корабль «Надежда» или купеческий.

– И не знаю, что ему ответить, – докладывал Крузенштерну лейтенант. – Я боялся признаться ему, что «Надежда» – корабль военный, и сказал что-то неопределенное. Тогда губернатор заявил мне, что здесь могут останавливаться только португальские и китайские военные корабли. Военным кораблям остальных наций вход сюда строго воспрещен...

– Но ведь мы совершаем путешествие с научными, а не военными целями! – воскликнул Крузенштерн. – И притом Россия находится в самых дружеских отношениях с Португалией...

– И это ему говорил, – ответил лейтенант. – Но он продолжал повторять, что в Макао нельзя заходить никаким военным кораблям, кроме португальских и китайских...

Вся команда разглядывала с палубы большой бриг, только что пришедший и бросивший якорь в полумиле от «Надежды». Крузенштерн, обернувшись, увидел развевавшийся по ветру британский флаг.

– Смотрите, – сказал он лейтенанту, – разве вы не видите, как блестят на этом бриге пушки?.. Семь, восемь, девять... – сосчитал он. – Девять пушек на одном борту и, значит, столько же на другом. Это восемнадцатипушечный британский военный корабль... Вот доказательство, что для военных кораблей некоторых наций португальский губернатор делает исключение...

На следующее утро Крузенштерн сам поехал к губернатору.

Перед губернаторским дворцом на площади, как и во времена Лаперуза, маршировали солдаты-индийцы, привезенные из Гоа, португальской колонии в Индии. Командовали ими офицеры-португальцы. Это был обычный прием колониальных держав: солдат, набранных из населения одной колонии, они посылали служить в другую колонию. Там, на чужбине, оторванные от дома, не знающие местного языка, эти солдаты волей-неволей верно служили своим порабощителям и становились орудием порабощения других народов. Португальские солдаты-индийцы были скверно одеты и вооружены вышедшими уже из употребления ружьями. Но португальцы рассчитывали на их верность, старательно раздувая национальную и религиозную вражду между китайцами и индийцами.

Губернатор дон Каэтано де Суза принял Крузенштерна с большим почетом. Он тоже когда-то служил во флоте и уверял, что чувствует к морякам особую симпатию. Он заявил, что всю ночь думал о том, под каким предлогом «Надежда» могла бы остаться в Макао, несмотря на то, что она – корабль военный...

– Если бы на вашем корабле был какой-нибудь груз для продажи... – сказал он и вопросительно посмотрел на Крузенштерна.

– Но ведь сюда придет скоро второй мой корабль и привезет груз мехов из Америки! – воскликнул Крузенштерн. – Я жду его со дня на день.

– Второй ваш корабль может остаться здесь, – сказал губернатор, – а «Надежде» придется уйти.

После трехчасового разговора решили так: Крузенштерн напишет заявление о своем желании купить здесь столько товаров, что они не поместятся на «Неве». Следовательно, часть этих товаров придется грузить на «Надежду». И значит, «Надежда» принуждена будет остаться.

Выход был найден.

«НЕВА»!

Началось долгое, томительное ожидание. Отсутствие «Невы» тревожило Крузенштерна с каждым днем все больше. Всякое новое судно, появлявшееся на горизонте, команда «Надежды» принимала за «Неву».

– Смотрите, вот она! – кричал кто-нибудь из матросов. – Я узнаю ее по мачтам.

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru

Но судно подходило ближе, и все видели на нем английский или португальский флаг.

Большинство офицеров переселилось в город. Один английский купец разрешил им жить в своем доме. Но высаживать на берег матросов португальцы запретили, и матросы были заперты на корабле, как в тюрьме. «Нева» прибыла в Макао только 3 декабря.

Радость охватила моряков «Надежды». По правде говоря, они не надеялись больше увидеть «Неву» и были уверены, что она погибла. Едва «Нева» бросила якорь, как Крузенштерн приказал спустить шлюпку. На всех веслах помчался он к «Неве». Капитан Лисянский вышел ему навстречу.

– Ну как? – закричал Крузенштерн, подымаясь по трапу.

– Все благополучно, Иван Федорович! – отвечал Лисянский. – Нее благополучно!

Капитаны обнялись.

Они заперлись в каюте и долго рассказывали друг другу все, что произошло с ними в разлуке.

– А меха вы привезли? – спросил Крузенштерн.

– Трюмы «Невы» доверху полны мехами, – ответил Лисянский. Да, вся «Нева» была полна лисьих и собольих шкурок. Но продать этот драгоценный груз без больших хлопот было невозможно. И Крузенштерн принялся за хлопоты.

КО-ХОН

Продавать меха кантонским купцам в Макао было невыгодно – пришлось бы заплатить пошлину двум таможням: португальской и китайской. Крузенштерн решил добиться разрешения войти в Кантонскую гавань с обоими своими кораблями. В те времена китайское правительство, подобно японскому, запрещало европейским кораблям заходить в китайские порты. Но чиновники китайского императора были до того продажны, что запрещение это нарушалось местными властями всякий раз, когда нарушение его было для них выгодно. Крузенштерн решил сначала войти в Кантонский порт, а потом добиваться разрешения войти в него. Расчет его был прост: у китайских купцов при виде мехов глаза разгорятся, и они, дав взятки чиновникам, добьются того, что корабли Крузенштерна никто не станет гнать из Кантона.

Крузенштерн, конечно, чувствовал, что затевает рискованное предприятие. Чтобы не запугивать слишком китайские власти, он решил пока ввести в Кантонскую гавань одну только «Неву», а «Надежду» временно оставить в Макао.

9 декабря он передал командование «Надеждой» Ратманову, а сам с капитаном Лисянским отправился на «Неве» в Кантон.

Когда они уходили из Макао, китайцы советовали им остерегаться пиратов. Хотя Макао и Кантон расположены почти рядом, но даже на этом коротком пути нельзя быть уверенным, что не подвергнешься нападению восставших китайских крестьян, которые равно ненавидели помещиков, чиновников, купцов, португальцев и англичан. Они ведь могли по ошибке принять русские корабли за английские.

Но «Нева» прошла весь недолгий путь вполне благополучно и через несколько часов остановилась в Кантонской гавани.

Огромный город всполошился, как муравейник, в который ткнули палкой.

Приморская улица почернела от собравшихся толп. Через несколько минут на «Неву» прибыли китайские чиновники с переводчиком, говорившим по-английски. Крузенштерн принял их как мог учтивее. Они потребовали, чтобы русский корабль немедленно оставил гавань Кантон.

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
Но Крузенштерн наотрез отказался уехать. Он заявил, что прибыл в Кантон с мирными торговыми целями, никому никакого зла он причинить не собирается, продаст свой товар и уедет.

Начались томительные переговоры, продолжавшиеся несколько дней. Мандарины ежеминутно уезжали на берег, совещались с кем-то и возвращались назад. Наконец они объявили утомленному Крузенштерну, что разрешат «Неве» остаться в гавани только в том случае, если за поведение русских поручится своим имуществом кто-нибудь из членов Ко-Хона.

Это уже была победа.

Ко-Хоном называлось в Кантоне товарищество купцов, имевших разрешение вести торговлю с европейцами. Ни один китаец не имел права торговать с европейцами, если он не был членом Ко-Хона. Для того чтобы стать членом Ко-Хона, нужно было уплатить китайскому императору колоссальную сумму. В кантонском Ко-Хоне в то время насчитывалось всего двенадцать членов, богатейших купцов города.

Один из членов Ко-Хона сразу же явился на корабль, привлеченный слухами о том, что русские привезли необыкновенной ценности меха. Звали его Лук Ва. Был он самый бедный и самый младший из купцов Ко-Хона. Его приняли в это товарищество всего год назад. Но тем не менее имущество его оценивалось в несколько миллионов пиастров.

Лук Ва пересмотрел, перетряхнул на «Неве» каждую шкурку по десять раз. Лицо у него при этом было брезгливое и недовольное – таков уж обычай купцов всех стран: если хочешь купить подешевле, делай вид, что товар тебе не нравится. Крузенштерн чувствовал, что торговаться с ним придется долго. Но о цене пока еще не заговаривали – нужно было, чтобы Лук Ва поручился перед властями за поведение русских. Его два дня уговаривали взять на себя поручительство, но он все колебался. Мандарины требовали от него огромной взятки.

Вот что записал об этом Лисянский:

«Кантонские начальники вместо надлежащего наблюдения за порядком торговли, весьма выгодной для их государства, заботятся только об изыскании способов грабежа для своего обогащения. Во всей китайской империи существует полное рабство. Поэтому каждый принужден сносить свою участь, как бы она ни была горька. Первый китайский купец – не что иное, как казначей наместника или таможенного начальника. Он обязан доставлять тому или другому все, что только потребуется, не ожидая никакой платы. Иначе его спина непременно почувствует тягость вины. В Китае никто не избавлен от телесного наказания. Мало того, каждый может наказывать как ему вздумается всех, кто ниже его по сословию. Всякий государственный чиновник имеет право наказывать бамбуком младшего после себя, а император предоставил себе честь наказывать своих министров».

Наконец Лук Ва согласился поручиться за Крузенштерна. Тогда чиновники выставили новое требование: чтобы «Нева» все же покинула Кантонскую гавань и остановилась в соседней бухте, называемой Вампу.

– От Вампу до Кантона два шага, и грузиться вам там будет очень удобно, – говорили Крузенштерну мандарины. – А нас вы спасете от опасности, потому что император придет в ярость, если узнает, что мы пустили в Кантонскую гавань иностранное судно.

Крузенштерн отвечал, что он пойдет в Вампу в том случае, если ему разрешат привести туда и «Надежду».

Мандарины согласились.

На другой день «Нева» стояла уже в Вампу. 15 декабря рядом с ней бросила якорь «Надежда».

Тогда начали торговаться с Лук Ва. Это оказалось самым трудным делом из всех. Лук Ва предложил сначала за все меха ничтожную плату и повышал свою цену чрезвычайно медленно. Когда Крузенштерн не соглашался, он угрожал сиять свое поручительство, уезжал на берег, но через час возвращался и предлагал на пару тысяч больше. Крузенштерн начинал торговаться с раннего утра, и к вечеру у него

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy Nikolai.ru
болела голова. Так продолжалось изо дня в день.

Настал наконец день, когда Лук Ва и Крузенштерн сошлись в цене. Меха были проданы за сто девяносто тысяч пиастров. Ни в одном европейском порту Крузенштерну не удалось бы получить и трети той цены, которую дал Лук Ва. Это доказывало, как прав был Крузенштерн, утверждая, что Российско-Американская компания должна торговать с Китаем. Сто тысяч пиастров китаец должен был уплатить деньгами, а девяносто тысяч – чаем. Это было выгодно русским, потому что чай в Кантоне очень дешев. Деньги Лук Ва заплатил сразу, и матросы стали свозить меха на берег, а из Кантона потянулись вереницей китайцы, тащившие на спинах ящики с чаем.

В Китае тех времен почти не было ни лошадей, ни коров, и бедняки исполняли там работу домашнего скота. Они не только возили на себе богачей по улицам городов, они перетаскивали на себе их товары из города в город.

Вот как описывает Лисянский жизнь бедняков в Кантоне:

«Эти бедняки принуждены искать себе насущного хлеба на воде, так как на берегу не имеют ни малейшего имущества. Людей такого состояния в Кантоне великое множество, а река ими наполнена. Иные промышляют перевозом, другие же с крайним вниманием стерегут, не будет ли брошено в воду какое-нибудь мертвое животное, чтобы подхватить его себе в пищу. Они ничего не допустят упасть в реку. Многие

из них разъезжают между кораблями, достают железными граблями со дна разные упавшие безделицы, продают их и тем доставляют себе пропитание.

Многие утверждают, что китайское государство чрезвычайно богато, но я должен добавить, со своей стороны, что нигде нельзя найти подобной бедности, какой удручены бесчисленные семьи в этом обширном царстве. Китайские улицы наполнены нищими».

Выл уже январь, когда ящики с чаем начали прибывать на берег бухты Вампу.

В тот год январь был совсем необычный для Южного Китая. Дул северный ветер, который принес с собой мороз. Правда, мороз был всего в один-два градуса. Но жители Кантона, не привыкшие к морозам, сильно страдали от холода. Дома у них были без ночей, и в комнатах стояла такая же стужа, как на улицах. Особенно страдали чернорабочие – они ходили почти голые, едва прикрытые жалкими лохмотьями. Даже костров они разводить не могли, потому что не было топлива. Один Лук Ва сердечно радовался морозам – в такую холодную зиму ему удастся дорого продать меха, купленные у русских.

Мальчишки по утрам собирали на лужах тонкие пленки льда и тащили их в город – продавать. Китайцы считали, что вода от растаявшего льда – лучшее лекарство от тропической лихорадки. Они покупали льдинки, давали им растаять и хранили воду до лета, когда тропическая лихорадка свирепствовала по всему побережью.

Мало-помалу китайцы перетаскивали на берег все ящики с чаем. Матросы начали перевозить чай на корабли.

Но едва они перевезли несколько ящиков, как на берегу появились солдаты, оценили проданный Лук Ва чай и запретили к нему приближаться. Они даже не позволяли русским съезжать на берег. Вся бухта наполнилась маленькими китайскими суденышками, и, едва моряки сядились в шлюпки, им с этих суденышек угрожали ружьями.

Возмущенный Крузенштерн знаками вызвал к себе китайского офицера, командовавшего солдатами. Офицер сейчас же явился и долго кланялся капитану с той необыкновенной учтивостью, которая свойственна образованным китайцам. Офицер этот был человек очень образованный – он даже говорил по-английски.

– Это черт знает что такое! Это безобразие! Это грабеж! – кричал Крузенштерн в ярости. – Ведь чай – наш, мы за него заплатили... Я сейчас же пожалуюсь наместнику, и ваше самоуправство будет наказано!

– Не думаю, чтобы наместник отнесся к вашей жалобе благосклонно, – ответил офицер вежливо, еще раз кланяясь. – Я действую не по собственной воле, а только

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiyniko1ai.ru по его повелению. Вот подписанный им указ, в котором он повелевает наложить арест на проданный вам товар и не пускать вас на берег.

С этими словами офицер показал Крузенштерну лист бумаги, исписанный китайскими иероглифами. В углу листа стояла большая печать. Крузенштерн понял, что спорить с офицером невозможно. Наместник хочет получить новую взятку. Арест ящиков с чаем – просто вымогательство. Наместнику недостаточно того, что заплатил ему Лук Ва, он хочет, чтобы русские ему тоже заплатили.

Крузенштерн холодно поклонился офицеру и попросил его вызвать на корабль купца Лук Ва. Офицер обещал исполнить просьбу и удалился с поклоном.

Через час приехал Лук Ва. Его, как всегда, сопровождал переводчик. Крузенштерн отвел их к себе в каюту и рассказал все, что произошло. Лук Ва выслушал Крузенштерна с полным равнодушием: он уже получил свои меха и совсем не интересовался, достанется ли чай Крузенштерну или нет.

– Ходят слухи, что этот наместник скоро будет смещен, – сказал он. – Подождите нового наместника. Быть может, с ним вам будет легче сговориться.

– А когда приедет новый наместник?

– Этого никто не знает наверняка, – ответил купец. – Может быть – через месяц, а может быть – через год. Крузенштерн задумался.

– Слушайте, Лук Ва, – сказал он наконец, – неужели вы меня считаете человеком, способным уйти отсюда, не захватив товара, за который заплачено сполна?

– Нет, я знаю, что вы человек твердый, – ответил китаец. – Вы торговались со мной целый месяц, а на это способен только очень твердый человек.

– Ну, так посмотрите на мои пушки, Лук Ва, – продолжал Крузенштерн. – Как вы думаете, что с вами будет, если я парой ядер проломаю крышу на дворце наместника? Ведь вы поручились за мое поведение всем вашим имуществом.

Жирные щеки Лук Ва побледнели.

Крузенштерн вовсе не собирался обстреливать дворец наместника. Он просто решил наставить Лук Ва помочь ему.

– Хорошо, – сказал Лук Ва, вставая. – Я сделаю все от меня зависящее, чтобы вам разрешили взять свой чай на корабли. Он уехал.

В течение ближайших дней никому из русских не удалось побывать на берегу и никто из китайцев не приезжал к ним. Ящики чая, сложенные у самой воды, хорошо были видны с кораблей. Но достать их было невозможно.

Это выводило моряков из терпения.

– Дайте один залп, капитан, – говорил горячий Ратманов, – и эта шайка разбежится во все стороны.

Но Крузенштерн предпочитал ждать.

Через несколько дней солдаты, сторожившие чай на берегу, исчезли. Матросы начали грузить ящики на корабли, и меньше чем в неделю погрузка была окончена.

9 февраля 1806 года «Надежда» и «Нева» вышли из бухты Вампу. В Макао решили больше не заходить – и так потеряли здесь достаточно времени.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Для возвращения домой командиры обоих кораблей избрали путь, которым Крузенштерн уже однажды возвращался из Китая, – через Индийский океан, мимо мыса Доброй Надежды. Путь этот в те времена был уже хорошо известен. На тот случай, если корабли потеряют друг друга, Крузенштерн назначил местом встречи остров Святой Елены, расположенный в южной части Атлантического океана. Зайти на этот

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru принадлежащий Англии остров Крузенштерн хотел еще и потому, что рассчитывал там узнать о положении дел в Европе. Это была эпоха, когда захвативший во Франции власть Наполеон Бонапарт завоевывал в Европе одну страну за другой. Но до Кантона сведения доходили с огромным опозданием, и Крузенштерн не знал даже, находится ли Россия в состоянии войны с Францией или нет. А между тем Крузенштерну знать это было необходимо – ведь его корабли могли подвергнуться нападению французского флота. Больше двух месяцев «Надежда» и «Нева» шли не разлучаясь. Но 15 апреля в южной части Индийского океана при погоде пасмурной и дождливой корабли потеряли друг друга. Как раз в этот день «Надежда» пересекла меридиан Петербурга, и, таким образом, Крузенштерн с полным правом мог считать, что он уже совершил кругосветное путешествие. На «Надежде» налили из пушек, а когда стемнело, запустили фейерверк, но «Нева» не откликнулась. Теперь оставалось только надеяться встретить ее у острова Святой Елены.

К острову Святой Елены «Надежда» подошла 3 мая. На рейде «Невы» не было. Крузенштерн поехал на берег и узнал там, что «Нева» у острова не появлялась. Это было удивительно, потому что «Нева» обладала лучшим ходом, чем «Надежда», и должна была опередить ее. Тут же Крузенштерн узнал с достоверностью, что Россия воюет с Францией. Тем более встревожила и огорчила его разлука с «Невой». Гораздо безопаснее было бы обоим кораблям идти к берегам Европы вместе – вдвоем они составляли внушительную силу.

Прождав «Неву» четыре дня и запасшись провизией, Крузенштерн двинулся к северу. 21 мая «Надежда» пересекла экватор: Крузенштерн решил держаться подальше от французских берегов. Особенно опасным казался ему пролив Ла-Манш, отделяющий Францию от Англии. Чтобы избежать встречи с французским флотом, он решил не заходить в Ла-Манш, а обогнуть Великобританию с севера.

Как потом выяснилось, Лисянский не зашел к острову Святой Елены потому, что его увлекла возможность поставить замечательный рекорд. «Нева» находилась в таком прекрасном состоянии и столько на ней припасено было свежих продуктов и пресной воды, что он рассчитывал проделать весь путь из Кантона в Европу, ни разу не приблизившись ни к каким берегам. Ни один еще корабль до «Невы» не совершал этого пути без захода в промежуточные порты. Лисянскому хотелось продемонстрировать всему миру доблесть и умение русских моряков, зрелость русского флота.

Проведя три с половиной месяца в открытом море и никуда не заходя, «Нева» вошла в Ла-Манш и 28 июня остановилась на рейде английского портового города Портсмута. Только здесь Лисянский узнал о войне. Но тут же он убедился, что можно пройти через Ла-Манш, не подвергая свой корабль особой опасности. В Портсмуте он предоставил своим подчиненным две недели отдыха. 13 июля «Нева» снова подняла паруса, а через десять дней была уже в Балтийском море.

Тем временем «Надежда» огибала с севера Шотландию, Несмотря на то что путь, выбранный Крузенштерном, был значительно длиннее, чем путь, выбранный Лисянским, «Надежда» не очень отстала от «Невы». В Кронштадт «Нева» пришла 5-го, а «Надежда» – 19 августа 1806 года.

Так закончилась эта блестящая экспедиция. Два русских корабля, управляемые русскими моряками, впервые совершили плавание вокруг земного шара.

Значение плавания «Надежды» и «Невы» в истории русского флота трудно переоценить. Всему миру доказало оно высокие качества русского моряка. Оно вывело русский флот на простор океанов. Вслед за «Надеждой» и «Невой» по проложенным ими путям чуть не каждый год стали совершать кругосветные плавания корабли под русским флагом.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://chukovskiynikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

Капитан Крузенштерн. Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!